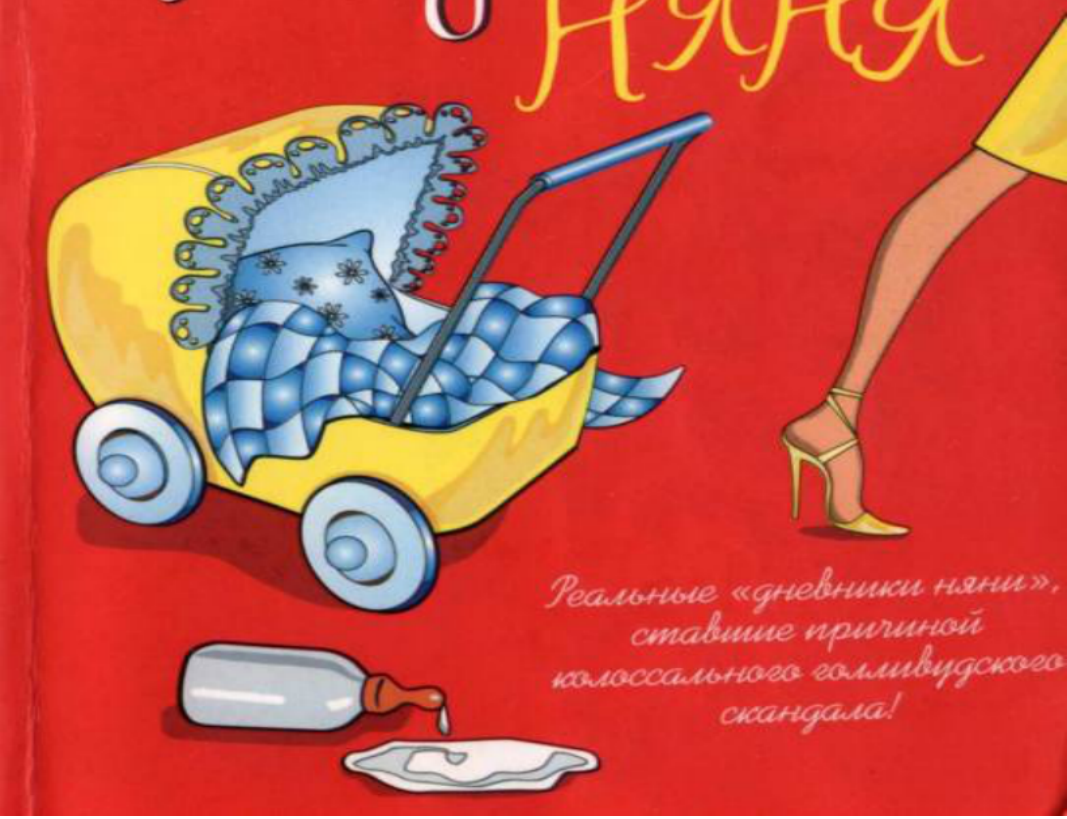
Сьюзен Хансен

Моя скандальная няня



Реальные «дневники няни», ставшие причиной колоссального голливудского скандала!

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дастин Хоффман и Том Круз, Сильвестр Сталлоне и Стивен Спилберг — под безжалостным взглядом людей, служивших в их роскошных особняках!..

«Семейная атмосфера» в домах Дени Де Вито, Арнольда Шварценеггера и Дебры Уингер!

Самые скандальные мемуары за всю историю Голливуда!

Реальные события.

Реальные люди.

Реальные ситуации.

Закулисье «фабрики грез». Голливуд, лишенный журнального глянца!

- Сьюзен Хансен
  - Пролог
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - Эпилог
  - От автора

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
  - 29
  - 30
  - 31
  - 32
  - 33
  - 34
  - 35
  - 36
  - 37
  - 38
  - 39
  - 40
  - 41
  - 42
  - 43

- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87

- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117

Сьюзен Хансен
Моя скандальная няня

Посвящается моим сестрам, Синди и Трейси, двум самым близким мне людям.

Имена в этой книге по большей части настоящие. Вымышленными являются: Мэнди, имена мистера и миссис Голдберг, Сары, а также имена всех детей и многих отрицательных персонажей.

Пролог

Если вы хотите, чтобы ваши дети выросли хорошими, проводите с ними в два раза больше времени и тратьте на них в два раза меньше денег.

Абигайл Ван Бюрен[1]

Я не сразу пришла в себя, когда мой босс сообщил мне, что в День благодарения мы все вместе едем отдыхать на Гавайи. До сих пор мой опыт летних путешествий в основном ограничивался десятичасовыми поездками в тесном семейном автомобиле-фургоне в Канаду — там жили двоюродные братья и сестры. Вы, наверно, подумали, что слова босса ввергли меня в неописуемый восторг. Впрочем, для большинства людей пребывание на шикарном гавайском курорте на береговой линии показалось бы очень заманчивым. Я же в свои девятнадцать уже была достаточным реалистом — после почти года работы няней в одной из наиболее влиятельных семей в Голливуде. Я-то понимала, что для меня означает эта поездка. Да она означала 192 часа работы. Я подсчитала!

Ровно сто девяносто два часа безотлучного догляда за тремя детьми в возрасте до семи лет. В доме, гораздо более тесном, чем тот, который мы обычно арендовали, площадью в десять тысяч квадратных футов, но даже сам воздух в нем уже казался стесненным. И ни одной комнаты, где можно было бы уединиться хотя бы на минуту.

Чем больше я об этом думала, тем более безрадостными казались мне перспективы такого «отдыха». И это при том, что я не знала о еще пятерых подопечных, которые свалятся на мою голову.

В тот вечер, когда мне сообщили о предстоящей поездке, я решила не падать духом. «Вперед, Сьюзи! — сказала я себе. — Когда еще ты попадешь на Гавайи? А говорят, это настоящий рай!» Я старалась не думать о том, что меня там ожидает. Наверняка будут там и светлые минуты, и, возможно, я смогу ощутить расслабляющий тропический эффект. Я позвонила своей подруге Мэнди, можно сказать, коллеге — она тоже няня, — чтобы сообщить ей эту новость. Она внимательно слушала, пока я рисовала сцены, позаимствованные с почтовых открыток, и плела сказочный узор воображаемой восьмидневной нирваны.

— Я буду нежиться на белоснежном песке, а пляжные разносчики будут приносить мне фруктовые напитки, налитые в половинку кокоса. Намазанные кремом от загара дети будут играть в свои игрушки, а я буду вкушать полинезийские радости. Только представь себе! Танцы хула под освещенными фонариками пальмами… Я, обвитая гирляндами цветов… «Луау»… Ты знаешь, что это? Это пирующие на открытом воздухе, где подают блюда из осьминога или курицы в листьях таро… Веранды…

В моем мозгу, затуманенном грезами, заботливые дедушки с бабушками и тети-дяди умиленно пестовали своих питомцев. Мягкий характер острова проникнет в наши сердца, и в них воцарится мир и гармония.

Вот тут Мэнди и расхохоталась. Да так сильно, что я начала опасаться, как бы она не потеряла контроль над своим мочевым пузырем.

Увы. Мы обе знали, что настоящий сценарий будет совсем другой. Одной такой подруге недавно довелось предпринять подобное присутствие. Ее хозяин, известный бейсболист, взял ее с собой в Пебл-Бич[2]. Там проходил крупный благотворительный турнир по гольфу. В мероприятии должно было участвовать несметное количество звезд, и она не могла дождаться, когда ей удастся потолкаться среди знаменитостей. Но жены бейсболистов, увидев, что кто-то привез с собой няню, тут же поволокли своих чад в ее номер и, не обремененные заботами, отправились наслаждаться зрелищем. Наша Золушка три дня провела в гостиничном номере с девятью — вы только подумайте! — с девятью детьми. Какой там гольф? Какие пляж и солнце?..

Я призывала себя не терять оптимизма, но мое настроение и вовсе упало, когда началась подготовка к поездке. По своему размаху она превратилась в нечто устрашающее. Наш «караван» включал меня, моих работодателей, Майкла и Джуди Овитц; их троих детей (Джошуа, Аманду и Брэндона); родителей Майкла; его брата Марка с женой Линдой и шестилетним сыном; партнера Майкла, Рона Мейера с его подружкой Синди Харви и их четырех дочерей. Целых два лимузина «стретч» доставили нашу команду в аэропорт. Свита насчитывала девять взрослых и восемь детей. Вдобавок ко всему к нам на курорте должны были присоединиться друг Майкла Аль Чекки, его жена, трое детей и няня.

Нашего багажа, который был выгружен в аэропорту Лос-Анджелеса, хватило бы, наверное, на целый армейский дивизион.

Приветствуемые женщиной, мы весело миновали охрану и прямиком направились через холл к двери с надписью «Капитан-клуб»[3], не догадываясь о том, что авиакомпании приспособили эти частные «заповедники» для времяпровождения своих летчиков. Креативное же Артистическое Агентство[4], компания Майкла (вместе с его родителями, окружением, клиентами), вероятно, обеспечивало миллионы пассажиромиль по корпоративной карте «Американ экспресс». Майкл, указуя рукой на вход, подал знак своей труппе.

Однако сидящая за конторкой молодая служительница с каменным выражением лица остановила нас. Пройти в клуб можно только летчику и одному гостю, сообщила она, и она находится здесь для того, чтобы обеспечить неукоснительные соблюдения этого правила. В голосе ее звучали непоколебимая решимость и холодная вежливость. И сама служительница была столь равнодушно-спокойна, что это действовало на нервы сильнее, чем если бы она возмутилась попыткой нашего вторжения. Майкл начал с ней спорить, но она стояла насмерть.

— Такова политика авиакомпании. Исключений нет.

Нет? Лицо Майкла начало дергаться, словно к нему под кожу забралось какое-то насекомое. Служащая недвусмысленно дала понять, что ей уже приходилось выдерживать натиск подобных якобы влиятельных персон. Свой спич она повторила несколько раз все тем же невозмутимым тоном, произнося многозначительные фразы о политике авиакомпании. Я тут же распознала в этом «технику установки рекордов», столь знакомую мне из учебного курса по уходу за детьми. Но Майклу не шесть лет!

— Извините, мистер… — Дама за конторкой сделала паузу, ожидая, чтобы он назвал свое имя.

Приподняв брови и слегка поклонившись, Майкл мрачно произнес:

— Овитц, Майкл Овитц, — всем своим видом показывая, что предельно изумлен ее невежеством: не знать Майкла Овитца? Как такое возможно?

Женщина никак на это не отреагировала. Она спокойно продолжила работать, вперив взгляд в экран монитора своего компьютера. За время моего пребывания рядом с «наиболее влиятельным человеком в Голливуде» я уже успела узнать, что существует несколько вещей, которые неизменно раздражают и злят его. Одна из них — неосведомленность по поводу того, какой влиятельной фигурой он является. Здесь было небольшое противоречие. Ему не нравилось видеть свое имя в газетах, и он даже предпринял замысловатые маневры, чтобы избежать встреч с

репортерами и не дать появиться своим фотографиям в прессе. Любым. Но сегодня был день, когда он желал быть узнанным!

— Вы представляете себе, сколько ежедневных пассажиромиль обеспечивает моя фирма вашей авиакомпании? — усмехнулся он с видом человека, привыкшего всегда получать желаемое.

Мысленно я была на его стороне и про себя взмолилась: «Пожалуйста, мисс, уступите! Одну мою руку этот бутуз оттягивает, а другую — тяжеленная сумка, и я не отказалась бы присесть».

— Извините, мистер Овитц. Я вас не знаю, но это не имеет значения. Правила есть правила, — возразила железная леди, не поднимая глаз от компьютера. — Вы можете провести с собой только одного гостя.

«Ох, бедняга». Может быть, если я сделаю умоляющее лицо, она смилуется? Я отчаянно попыталась поймать ее взгляд, мучаясь тем, как же дать ей знать, что она сейчас на грани увольнения.

Стоя позади Майкла, я почти реально ощутила, как от его шеи повалил пар. Неужели эта женщина не видит, что он взбешен? Ведь абсолютно ясно: этой въедливой бюрократке не воспрепятствовать ему войти в дверь с надписью «Капитан-клуб». До вылета нашего самолета два часа…

Я снова попыталась повлиять на ситуацию с помощью телепатии. «Девушка, посмотри на меня! ПОСМОТРИ НА МЕНЯ! Ты что, не видишь? Этот парень привык, чтобы все трепетали при одном упоминании его имени. Слыханное ли дело — заставить его ждать — с его женой, родителями, детьми, друзьями — вместе со всяким сбродом, у входа! Этот номер у тебя не пройдет. Спасайся!»

Оставив тщетные попытки произвести на даму впечатление, Майкл повернулся к нам:

— Ждите меня там. — Он указал рукой где. — Я сейчас вернусь. — И исчез в дверях.

К тому времени, когда он спустя десять минут вернулся, женщину из-за стойки уже успел убрать крупный мужчина в деловом костюме, и на ее месте появилась другая — улыбающаяся и приветливая. Она любезно препроводила нас в изысканно оформленный клуб и предложила ленч.

Майкл, безусловно, победил. Но вот мы — вряд ли. Использовать тяжелую артиллерию в мелкой междоусобице — это неслабый удар по самолюбию. Майкл сидел с плотно сжатыми губами, а верхняя часть его туловища сейчас еще более, чем обычно, казалась изваянной. У меня сложилось стойкое

впечатление, что если бы, не дай Бог, кто-то сейчас рискнул вздохнуть погромче, этого хватило бы, чтобы несчастный привлек на свою голову его праведный гнев. Нет, мой босс совсем не выглядел счастливым. А если Майкл не счастлив, никто не может быть довольным жизнью. Я тщательно избегала смотреть в его сторону.

Два часа тянулись мучительно долго.

Наконец пришло время подниматься на борт гигантского 747-го «джумбо джета»[5]. Обычно мы летали на корпоративных «джетах» — небольших разукрашенных, но вполне уютных. На каждом крыле этого лайнера таких можно было бы разместить по шесть штук. Я с трудом могла охватить взглядом размеры этой «туши». Билеты у нас были в первый класс, и потому мы поднимались на борт первыми. Хорошо, что не задержали вылет — пока наш табор размещался в салоне, заняв изрядную его часть. Стоимость одних только билетов должна была составлять почти 20 тысяч долларов. В то время как мы рассаживались, стюардессы суетились, помогая нам найти места и уложить ручную кладь. Надо было видеть брезгливые физиономии аристократов, взиравших на наш гвалт из своих кресел. Я приблизительно знаю, о чем они при этом думали: «Как можно быть таким диким, чтобы наплодить столько детей, и каким это образом молодежь летает первым классом? С какой стати я за свои кровные должен покорно терпеть соседство этих визгливых сопляков?»

Авиакомпания обещала, что полет продлится шесть часов, но кое-кто из детей, включая десятимесячного Брэндона, уже начал хныкать или драться. Несчастная пара, сидевшая непосредственно позади нас, — это было их первое совместное путешествие в качестве мужа и жены, — несомненно, думала, что блаженство их медового месяца нарушено празднованием дня рождения, организованного Чак И. Чизом[6]. Предполагаю, они явно не станут торопиться с первенцем.

Я старалась не смотреть на них.

Но тут и без того было на что посмотреть! Первый класс занимал два этажа, соединявшихся винтовой лестницей. На втором уровне, где кресел было больше, находились бар и пианино. Сама я этого не видела, но мне сообщил об этом дедушка Овитц. Настоящий летающий дом, и у каждого свой собственный флигель! Едва мы расселись, Майкл, Джуди, Рон, Синди и остальные взрослые поспешили забраться наверх, оставив меня одну с детьми. Когда и как было решено, что они все свалятся на мою бедную голову? Клянусь, никто мне этого не

сообщал, это точно.

Правда, все могло бы быть и гораздо хуже. Позже мне рассказывали, что одна из клиенток Майкла, актриса, у которой было двое маленьких детей, отправляла их с няней в двенадцатичасовой полет, когда решала навестить своих родителей. Почему-то рабочий график актрисы всегда вынуждал ее приобретать билеты не на тот рейс, которым летали ее малыши. Но, возвращаясь к моему рассказу, могу сказать, что тогда мне, конечно, мое положение не казалось более благополучным.

Пассажиры и бортпроводники косились на меня, недоумевая, как это я взяла в дорогу восемь чад и не позаботилась о том, чтобы чем-то занять их на время полета. Взгляды из недоумевающих постепенно стали свирепыми. Кем же я была в тот момент?

Кем я была?

Я была той, кто, сменив на краешке сиденья пеленки одному, с другим несется в туалет. Той, кто, увертываясь от летающего арахиса, вытирает носы и слезы, пытаясь облегчить боль в ушах от перепада давления. Той, которая с гибкостью олимпийского гимнаста извлекает из ручной клади сухие шортики вместо облитых шипучкой мокрых.

Девочки Рона и Синди были очень милыми и старались помочь мне, без смеха смотреть на их усилия было нельзя. Через стюардессу, отправившуюся наверх, я послала сигнал бедствия. Очевидно, там меня не поняли, вскоре рядом со мной появилась смеющаяся Джуди:

— Скажи на милость, Сьюзи, что ты тут делаешь? Могла бы подняться к нам и сказать, что не можешь справиться с детьми!

«Ну положим, слова эти — на публику. И вот эти закатанные глаза при виде моей якобы беспомощности — тоже. Мне очень жаль, что все же пришлось позвать вас на помощь. Уж поверьте, выносить подобные сцены не слишком приятно. Если бы не полное отчаяние…»

И это только один «гламурный» день из жизни голливудской няни.

1
Отель «Калифорния»

Я зарабатываю очень хорошие деньги и могу нанять столько прислуги, сколько пожелаю. Но я не из тех матерей, которая, взвалив на няню всю тяжелую работу, отправится развлекаться.

Анджелина Джоли

— Сепл-вееда, — с трудом произнесла с ударением на второй части. Какое чудное название! — Наш отель на бульваре Сепл-вееда! — сообщила я маме. Мы тогда разрабатывали маршрут поездки.

И вот… Я сгораю от нетерпения. Все это было так волнующе! Всего через какой-то час мы с мамой приземлимся на родине Голливуда, «Диснейленда» и Тома Круза! Это моя первая поездка в Калифорнию. Я выросла в городке, где было принято гордиться его причастностью к киноиндустрии: Коттедж-Грув, штат Орегон. Ну, относительной причастностью. Наши притязания на славу сводились к тому, что в этих краях проходили съемки «Зверинца»[7]. Конечно, наш город Голливуду не соперник, но все же. Теперь, наверное, вам понятно, почему я не могла усидеть спокойно в тесном кресле эконом-класса самолета с пунктом прибытия в Лос-Анджелес.

Первое разочарование постигло меня в том самом отеле на бульваре с чудным названием. Отель, мягко говоря, не дотягивал даже до «Мотеля-6»[8]. Когда в агентстве по трудоустройству нянь мне обещали подыскать недорогой в этом районе, я никак не ожидала поселиться в таком, где номера можно снимать на часок-другой.

* * *

Окно выходило на грязную многолюдную улицу, по ней на большой скорости неслись автомобили. Теперь-то — спасибо водителю такси, который имел собственный иностранный акцент и не терял времени на исправление моего произношения, — я знала, что это и есть бульвар Сепульведа. Но как ни произноси

его название, суть не изменится: Сепульведа — ужасная улица в ужасном городе. Лос-Анджелес оказался совсем не таким, каким я рисовала его в своем воображении! Невозможно даже представить, чтобы какая-нибудь из кинозвезд жила ближе чем за сто миль отсюда! Провода, расходящиеся от телефонных столбов во всех направлениях, как паутиной, опутывали улицу. Выхлопные газы наполняли нашу комнату даже ночью, автомобильные сигналы не давали покоя.

Все вокруг выглядело однообразно бурым. Высунувшись из единственного окна нашего номера, я пыталась разглядеть поверх крыш дисконтных винных магазинов, прачечных-автоматов и секс-шопов хоть какие-то намеки на Голливуд (сколь мы далеки от него, мне уже было ясно). Но в любом случае я бы ничего не увидела — в воздухе висел густой смог. Он вплотную подступал к самому подоконнику и вместе с уличными «ароматами» пытался проникнуть в комнату. В Коттедж-Грув не было никакого смога, который, как я выяснила позже, представляет собой смесь дыма и тумана. Этот же был таким едким: у меня щипало в носу и жгло глаза, отчего они начинали слезиться. Похоже, процентное содержание тумана в формуле здешнего смога было незначительным.

По своему обыкновению, мама сохраняла спокойствие. Она видела мое сокрушительное разочарование, но ей всегда удавалось сгладить даже самую безнадежную ситуацию. Однако и ее возможности были небезграничны.

— Ничего себе! Любопытный отелишко… — бормотала она, разглядывая платное приспособление «для запуска вибрации» в изголовье кровати.

Мы даже еще не успели распаковать вещи (точнее, не отважились), как зазвонил телефон. Было три часа дня, четверг, и агентство по трудоустройству нянь уже «наметило для меня первую встречу по предварительной договоренности». Согласна ли я на утро пятницы? Они «внесут меня в список». Собеседование — в Голливуде. Возможно, я даже смогу увидеть эту надпись. Если смог не будет слишком густым.

Я с визгом прыгнула на виброложе.

— Голливуд, да! Да! — орала я, в экстазе подскакивая на пружинящем матрасе.

Я училась в институте нянь[9] в Портленде и уже узнала, что няни делятся на две основные категории: приходящие и проживающие в семье. В случае «приходящей няни» вы работаете в часы, когда ваша работодательница на работе, это приблизительно девять-десять часов в день. Работают, как правило, оба родителя малышей, но бывает, что мать сидит дома

и ей требуется дополнительная помощь.

Я искала работу с проживанием в семье. Почему? Во-первых, я знала, что аренда квартиры в Лос-Анджелесе съест всю мою зарплату. А во-вторых, преимущество было в том, что семьи, где требовалась прислуга с проживанием, нанимали не только няню, но также и горничную. Для меня это было обязательным условием — я уже успела наслушаться тупых разговоров о нянях, которым вменялись обязанности и служанки, и повара, и личного секретаря. То есть их делали «ответственными за все» — от покупки женского нижнего белья до бронирования места на курорте для хозяйки дома.

Кэролин, одна из преподавательниц нашего института, убеждала меня, что удовлетворение от работы связано от множеством вещей. Я же в своих мечтах продолжала рисовать идеальную ситуацию, которая выглядела примерно так: я живу в Южной Калифорнии, в семье с двумя, а лучше с тремя детьми, и хорошо, если один из них новорожденный. Младенцы — это моя страсть. Религиозные или этнические факторы роли не играют. Я работаю днем и иногда, в особых случаях, по выходным или вечером. У меня два выходных дня в неделю, а когда родители детишек дома, то я чувствую себя свободной и прихожу и ухожу по своему желанию.

Наивная…

Я и не подозревала о том, что состоятельные семьи редко когда обходятся без помощи прислуги и готовы оплачивать заботу о себе и своих детях двадцать четыре часа в сутки, семь дней в неделю. И мне уж совсем не могло прийти в голову, что есть родители, вовсе не жаждущие проводить со своими детьми как можно больше времени. Такие, которые не спешат домой, чтобы уложить в кроватку своих Джейн или Джека. И что в Лос-Анджелесе многие Джеки и Джейны пролепетали свои первые слова по-испански, поскольку практически все время проводили с прислугой. А у нас испанские корни. «Разве это не круто? Мой ребенок — билингв!» — хвастаются такие мамочки на какой-нибудь благотворительной вечеринке.

Еще мне предстояло узнать, что Лос-Анджелес — это одна большая лестница. И няни копошатся на самой нижней ее ступеньке, занимаясь с детьми, в то время как их родители карабкаются наверх.

В тот вечер, после обеда в «Международном доме блинов», я битых два часа мужественно выбирала наряд, в котором предстану завтра на моем первом собеседовании. Стоял конец декабря, и поскольку я приехала из «дождливой столицы мира», мой чемодан был набит исключительно одеждой, более

подходящей для зимы в Орегоне: черной, плотной и теплой.

Пятница, по прогнозам синоптиков, обещала быть одним из самых жарких дней этой декабрьской декады в Южной Калифорнии. В моем закрытом черном платье мне были гарантированы ручьи пота. Но что с того? Конечно, я подозревала, что буду смотреться нелепо. Однако вариантов у меня было немного. Я утешала себя мыслью, что черное платье не противоречит моей профессии: оно строгого покроя, без лишних украшений и соответствующей длины. Наряд я решила довершить маленькими золотыми серьгами в виде колец и черными туфлями на двухдюймовых каблуках — сдержанно и внушительно.

Уже значительно позже я поняла, сколь вопиющий был у меня вид. «Она не соответствует!» — с порога заявлял мой гардероб. Чтобы услышать этот вопль, достаточно было увидеть качество моих колгот.

Добраться к нужному месту по какому-либо адресу в Лос-Анджелесе гораздо труднее, чем выловить вермишелевую букву «зет» из миски с «алфавитным» супом «Кэмпбелл». Во-первых, все по-испански. Во-вторых, невозможно понять, где ты: в Лос-Анджелесе, городе киностудий, Голливуде или совсем другом каком-то городе из дюжины прилегающих тут один к другому. И в отличие от Коттедж-Грув здесь полностью отсутствовали указатели с надписями, которые бы оповещали:

«Вы въезжаете в столицу крытых мостов Америки»[10].

«Население — 7143».

Что еще более ухудшало дело — названия улиц повторялись. Бульвар Сепульведа был и в Вестчестере, и в Ван-Ньюисе, что в Вэлли[11] (уже само по себе это было загадкой), и формально все это входило в состав Лос-Анджелеса.

Еще одной проблемой было деление городов на восточную, западную, северную и южную части. Существовал Северный Голливуд, Западный Голливуд и собственно Голливуд. Я недоумевала: где же указатели? И почему нет Восточного Голливуда, чтобы сектор мысленного компаса был заполнен? Но что гораздо важнее, где «звездный» Голливуд? Где дом Тома Круза? Мне было невдомек, что лишь очень немногие из знаменитостей действительно проживают в Голливуде и что обычно они селятся в Беверли-Хиллз, Бель-Эйр или Малибу. За пределами же киностудии «Парамаунт», на Мелроуз-авеню, кинобизнес в Голливуде мало чем о себе напоминает.

Агентство по трудоустройству информировало меня, что мое первое собеседование — с одним из десяти главных шеф-поваров Лос-Анджелеса. Его ресторан так популярен, что столик там надо

заказывать за три месяца. Имени повара я не разобрала. Мы взяли напрокат автомобиль — мама за рулем — и отправились вверх, на Голливудские холмы, по узким, извилистым старым дорогам. Тут было много красивых зданий. Некоторые — прекрасно отреставрированные в духе 1920-х годов. По адресу, который мне дали в агентстве, мы обнаружили небольшой элегантный дом — в средиземноморском стиле, с темно-зеленой лужайкой перед фасадом. Мое едва начавшееся пребывание в Калифорнии еще не позволяло мне определить, что этот с виду скромный домик стоил столько же, сколько и особняк на десяти акрах (с бассейном и теннисными кортами) в Орегоне.

Взявшись за ручку двери, я оглянулась на маму:

— Пожелай мне удачи! Как я выгляжу?

— Изумительно, милая! — В ее голосе звучала гордость. — Не волнуйся. Я уверена, они поймут, как ты любишь детей.

Она была права. Детей я любила. И знала, как за ними ухаживать. У меня с собой даже был сертификат, подтверждающий это.

Мне открыла женщина лет тридцати пяти, высокая, достаточно привлекательная. Ей шла беременность — приблизительно седьмой месяц, отметила я. Женщина представилась и предложила мне пройти в гостиную. Не успела я оглядеться, как в комнату, захлебываясь лаем, влетела собачонка — маленькая, очень похожая на крысу — из тех, что мгновенно принимаются истерически тявкать по малейшему поводу. Я никогда не была «собачницей», и эти заполошные рассадники блох всегда чувствовали это. Нарушив своим появлением благообразную обстановку, собачонка опрометью бросилась мне под ноги и вцепилась в мою несчастную лодыжку, как будто ей выдали долгожданную свежую косточку. Я и охнуть не успела. Чулок в клочья. Из раны выступила кровь. С момента, как я вошла в гостиную, обставленную с безупречным вкусом, прошло всего несколько секунд.

Я дернулась всем телом и схватила паршивца за шею. «Будет ли удушение этой гадюки стоить мне работы?»

— О, Мими, оставь бедняжку в покое, — томно произнесла дама на сносях.

Столь же томно она наблюдала как ее любимица вонзила свои чудовищные зубы в мою ногу!

Я сжала пальцы еще сильнее. Острые клыки разжались, и я швырнула собачонку на ковер.

Мой жест впечатлил даму.

Она вскочила, подхватила рычащий клубок на руки и с такой силой прижала к груди, что я забеспокоилась, не задушит ли она

свою крысу.

Все ясно, эта работа не для меня. Я приготовилась вежливо откланяться и уйти, как вдруг услышала:

— Мне очень жаль! Мими с незнакомыми несколько агрессивна…

Собачонка снова засеменила лапками в моем направлении, хозяйка пощелкала в воздухе пальцами, как бы отгоняя ее прочь.

— Ты в порядке? — проникновенно спросила она.

Кого она имеет в виду — меня или собаку?

— Гм, да, все нормально, — на всякий случай ответила я. — Крови совсем немного. Я в порядке! — Отыскав в сумочке салфетку «Клинекс», я на ощупь промокнула ею рану. Мне было больно. Очень. Я закусила губу. Маленькая злючка продолжала свирепо рычать.

— Мой муж — Жак Ла Ривьере. Я уверена, ты слышала о нем, — продолжила тем временем женщина, возводя взгляд к потолку. — Он один из ведущих шеф-поваров в Лос-Анджелесе.

«Разумеется. Кто не слышал о Жаке?» Я согласно кивала, притворяясь, что знаю, о ком идет речь. Какая разница, за какую кулинарную знаменитость она вышла замуж? В то время я даже не знала, кто такой Вольфганг Пак[12]. Первая десятка в рейтингах никогда не ввергала меня в трепет. Я сильно подозревала, что и этот конкурс был похож на состязания по приготовлению соуса чили в Коттедж-Грув. Награды здесь вручал мэр, после того как попробует все домашние заготовки участников.

— Как видишь, — она нежно погладила себя по животу, — я жду ребенка, и мне нужно, чтобы кто-то заботился о Доминике, ему три года. Срок у меня в марте. Еще я надеюсь, что ты возьмешь под свою опеку и Закари.

Ухаживать за этим псом? Он что, призер среди шпицев?

— …и конечно, тебе придется готовить…

Вероятно, на моем лице отразился испуг, потому что она добавила:

— Насчет того, чтобы угодить моему мужу, не беспокойся, он все равно никогда не бывает доволен тем, что ест.

Она хочет, чтобы я готовила для одного из известнейших шеф-поваров Лос-Анджелеса? Должно быть, гормоны ударили ей в голову! Иначе что могло навести ее на мысль, будто восемнадцатилетняя неумеха сможет потрафить одному из самых утонченных вкусов во всем Лос-Анджелесе. Да знает ли она, что весь мой кулинарный опыт до сих пор заключался преимущественно в умении разогревать готовый итальянский

суп?

Я решила обойти кулинарную тему и робко начала говорить о своей любви к детям. Миссис Ла Ривьере, казалось, с пониманием дела записывала в блокнот мои суждения и, вероятно, свои собственные примечания к ним. Или, может быть, она составляла письмо собачьему психиатру о Мими, только что перенесшей травму? Это мне было неизвестно. Закончив писать, она встала. Собака тут же принялась прыгать и тявкать.

— Ты найдешь выход сама? — спросила она, взглянув на часы. — Я должна сделать один телефонный звонок. Я и не знала, что так поздно!

— Да, миссис Ла Ривьере, конечно, — ответила я.

Дом не был таким уж большим. Гостиная находилась как раз в конце коридора, что вел к входной двери. Я поднялась, чтобы двинуться к выходу, однако собака никак не желала угомониться и продолжала грызть мои каблуки. Стараясь двигаться изящно, я изловчилась и пнула ее.

Между тем уже наступил полдень, на улице стало жарко. Закрывая за собой дверь, я не заметила, как мой лохматый недоброжелатель выскользнул наружу. Я увидела, как он уже несется через лужайку, словно сбежавший из-под стражи преступник, сорок лет не видевший света. Так… Замечательно! Миссис Жена Знаменитого Шеф-повара, несомненно, поглощена телефонным разговором. А вдруг собака потеряется? Или попадет под колеса автомобиля? Ее хозяйка будет вне себя от горя и потребует, чтобы ее знаменитый супруг медленно зажарил мою голову на горячих углях. И я никогда не смогу получить работу в этом городе.

Мама, как всегда, подоспела вовремя. Увидев мое искаженное ужасом лицо и мгновенно оценив серьезность ситуации, она выскочила из машины. Вместе мы принялись ловить беглянку. На высоких каблуках это было непросто. Мы изрядно попотели, прежде чем нам удалось загнать четвероногую обитательницу обратно в дом.

Когда я, погоняя ее, как домашнюю скотину, уже достигла лужайки и спешно пересекала ее, то лаской, то пинками убеждая строптивое животное не отклоняться от курса, в дверях показалась миссис Ла Ривьере и издала испуганный вопль:

— Мими! Мими! Где моя Мими?

Она отчаянно всплескивала руками и во все стороны вертела головой. Не хватало только стать виновницей ее преждевременных родов — вот здесь, на этой самой лужайке. О Боже, только не это!

Услышав хозяйку, собака опрометью помчалась на зов.

Миссис Ла Ривьере гневно взглянула на меня, намереваясь что-то сказать, но тут ожили автоматические дождевые установки. Двор был большой. Я беспомощно оглянулась, прикидывая расстояние до автомобиля, где можно скрыться, но поняла: бежать бесполезно. Придется подмочить репутацию. Когда мощные струи ударили по моему телу, я повернулась к маме и спокойно обняла ее за плечи. Не теряя гордой осанки, мокрые, мы направились к припаркованной в пятидесяти футах машине.

В тот день у меня было еще два собеседования. Перед следующим я ухитрилась подсушить феном волосы и переодеться. Нам нужно было в Студио-Сити. (Был ли это на самом деле «сити»[13]? Или только часть Лос-Анджелеса? Кто несет ответственность за эти названия?) Мне предстояло встретиться с каким-то состоятельным бизнесменом и его женой. Агентство не сообщило мне, что у них за бизнес, я знала только, что супруг крупный босс, а семья его жены вообще не считает денег и что у них один ребенок. Когда мы припарковались на подъездной дорожке, размер дома меня поразил. В информационном листе он значился как «бунгало», в списках агентства стояло «вакансия с проживанием». Но дом был не больше трейлера, только раза в два шире.

Еще нажимая на кнопку звонка, я услышала пронзительный женский голос: «Джонатан, перестань прыгать на кушетке! Ты меня слышишь? Прекрати прыгать!»

Дверь тут же открылась, и из нее показалась женщина лет тридцати или чуть больше. Выглядела она измученной.

— Здравствуйте, я Джули Фошей. Входите! — произнесла она, в то время как малыш за ее спиной продолжал резво скакать на диване. На вид ему было года четыре. Он самозабвенно предавался своему занятию, издавая бессвязные вопли и не обращая на мать никакого внимания.

— Ой, какой у вас… гм… уютный дом, миссис Фошей! — Я постаралась начать с комплимента.

— Джонатан! — Она повернулась, чтобы приструнить сына. — Я же сказала, прекрати.

Я проследовала за ней направо, в столовую. Места здесь было не больше, чем в стенном шкафу. Мы сели.

— Итак, Сюзен — вы ведь Сюзен, не так ли? — спросила она и, не дожидаясь ответа, предложила: — Расскажите мне о себе!

Я не стала поправлять ее, хоть она и неправильно произнесла мое имя. Мне было что рассказать ей. У меня были самые высокие баллы за сертификационные тесты в классе. Я очень любила детей. Мне, еще подростку, доверяли оставаться с ними в разных

семьях, но я всегда хотела жить в большом городе и так далее, и тому подобное. Я ждала, когда она прервет меня. Но она слушала и пристально смотрела на меня, улыбаясь и время от времени покрикивая на Джонатана, который, не теряя энтузиазма, безостановочно прыгал уже минут двадцать.

Наконец она прервала меня вопросом:

— Сколько?

Как? Неужели агентство не сообщило ей обычную ставку няни? Ну да ладно…

— Поскольку я собираюсь работать с проживанием, мне хотелось бы получать двести пятьдесят долларов в неделю, — ответила я, стараясь произвести впечатление уверенной в себе особы. И произвела.

Цифра ее ошарашила.

— Ох, нет. Мы не можем себе это позволить! Мы уже заложили все до ручки — из-за недавнего ремонта. Вдобавок я не уверена, что смогу разместить вас.

Как будто я должна стать третьей машиной, а в их гараже помещаются только две!

Маленький Джонатан продолжал издавать пронзительные вопли, как сирена воздушной тревоги, и подлетать в воздух, дергая руками и ногами. Мне вдруг тоже захотелось взвыть: «Зачем же вы тогда приглашали меня на собеседование? Зачем, ради всего святого, вы звонили в агентство с просьбой прислать вам няню с проживанием?!»

Уходя, я бросила беглый взгляд на груду библиотечных книг, которые попрыгунчик Джонни сбил с края стола на пол.

«Гиперактивный ребенок: настольная книга для родителей».

«Живем с нашими гиперактивными детьми».

«Миф об АДД[14] ребенка».

«Природный риталин»[15].

Все верно…

Я сообщила в агентство, что эта семья была определенно не для меня — и вряд ли для какой-нибудь другой няни с проживанием, разве что привезет с собой собственный «дом на колесах», где и будет работать каждый день. Не погружаясь в детали, скажу, что было дальше: близнецы, которые делают первые шаги, беременная мать, куча домашней работы, спальня на двоих с болтушкой и жалованье ниже минимальной ставки… Потом-то я услышу не одну историю, по сравнению с которыми все вышеперечисленное похоже на комфортабельный отдых. Ведь многие няни работают без выходных и делают при этом все — готовят, убирают, стирают, ходят по магазинам, ковыряются в саду и в довершение всего служат «на побегушках» — за гораздо

меньшие деньги, чем те, которые не устроили меня. Но к тому моменту я еще не лишилась своих иллюзий.

Стоит ли говорить, что я не согласилась и на третью работу так же, как на две предыдущие, хотя плату мне предложили на удивление высокую. Это был просто неудачный день! В постели вечером я лежала, оглушенная звуками с улицы — сигналами машин, людскими возгласами, — и тешила себя надеждой, что хотя бы одно из двух моих завтрашних собеседований принесет мне что-нибудь чуть более… гламурное. В конце концов, разве я не в Голливуде? Неужели это лишь вывеска? Удачный ракурс кинокамеры?

2
Король и я

Мне не только нравится быть мамой, но я могу стать образцом для подражания и не откажусь дать совет, касающийся материнства.

Памела Андерсон

Не будучи посвященной в тайны жизни и любовных историй Хью Хефнера[16], я не была знакома с притязаниями на славу Барби Бентон, чье имя назвали мне в агентстве, позвонив рано утром на следующий день. Имя Барби говорило само за себя. Как она выглядит, вообразить было нетрудно.

— О да. Ну конечно. Вы та самая, из Орегона, — ответила домоправительница мисс Чамберс по телефону. — Когда бы вы хотели зайти?

— Я свободна сегодня, если вас это устроит.

— Хорошо. Что, если в одиннадцать часов?

— Гм… замечательно, — ответила я. — Ваш адрес?

— Квартал Уэлби в Пасадене, рядом с «Розовой Чашей»[17].

Да, но адрес? Не живет же она в торговом центре? Квартал Уэлби… Где это?

— А-а-а, мисс Чамберс, не могли бы вы назвать улицу? Улица Уэлби?

— Да. Квартал Уэлби, — повторила мисс Чамберс, слегка повысив тон.

Настаивать я не стала. Как-нибудь да найду.

* * *

Когда мы покатили по улицам Пасадены, все стало понятно. Кукольный дом Барби занимал целый городской квартал. К чему нумерация, если там нет других домов? Изящная кованая ограда футов в пятнадцать высотой окружала огромное имение с парадными воротами. Как в Букингемском дворце. Я уже приготовилась увидеть гвардейцев в меховых шапках, стоящих на страже, но в маленьком кирпичном домике возле ворот оказался лишь внутренний телефон. Мне ответил женский голос:

— Алло. Кто там?

Добро пожаловать. Тяжелые ворота скрипнули и, как по волшебству, отворились. Особняк, куда я приехала, был больше любого здания в Коттедж-Грув, даже значительно больше, чем «Рэйнбоу-мотель». Пожалуй, в нем не мудрено и заблудиться. Но мы прошли мимо него. Горничная в форменном платье провела меня через чудесный розовый сад к небольшой пристройке. Там, наверху, как я потом узнала, был кабинет супруга миссис Бентон. Здесь и ждала меня мисс Чамберс. Если она решит, что я подходящая кандидатура, меня допустят к семье.

Не успели мы обменяться и двумя фразами, как в кабинете появилась странного вида женщина — в бесформенном одеянии, с худым лицом и зубами, похожими на ряды «Чиклетс»[18]. Лет ей было, вероятно, около шестидесяти пяти, ее лицо избороздили морщины, и оно сильно напоминало старый футбольный мяч. Жалуясь на свои распухшие ноги и не обращая на меня никакого внимания, она забрала у мисс Чамберс какой-то белый конверт и, прихрамывая, удалилась. Мисс Чамберс, заметив мое недоумение, пояснила, что это их няня. Через пару недель ее здесь не будет.

— Вы привлекательны. Это будет ее раздражать, — начала собеседование мисс Чамберс.

Ну да. Сама-то Барби точь-в-точь кукла! Интересно, а как выглядит мистер Бентон? Мисс Чамберс не отрывала глаз от каких-то бумаг, лежащих перед ней на столе. Она ждет моего ответа?

— Спасибо, — секунду поколебавшись, проговорила я. — Надеюсь, это не будет проблемой.

Живи я здесь, я могла бы несколько обезобразить себя. Например, забыть про макияж и подольше не умываться. Похоже, мисс Чамберс не предусмотрела, что в собеседовании примет участие эта бабушка Моисея.

После того как я изложила мисс Чамберс краткую версию той истории, которую накануне поведала миссис Фошей, она принялась монотонно перечислять правила проживания, мои обязанности и некоторые сведения о тех, с кем я буду иметь дело. Ничего из ряда вон выходящего. Однако…

Например, холодильник с замком. Вы не верите? Но это действительно так. При этом он больше походил на сейф. Впрочем, так оно и было. Все сладости, от которых у Барби и Кена не хватало силы воли отказаться, были благополучно заперты в утробе огромного хромированного «Суб-Зиро».

— А у кого ключ? — осведомилась я.

Двое вменяемых взрослых людей держат свою собственную еду под замком?

— У шеф-повара, — с готовностью объяснила мисс Чамберс. — Он отпирает его только для того, чтобы приготовить пищу. Супруги очень строго соблюдают диету.

— А они никогда не пробовали уговорить прислугу отпереть его среди ночи? — вырвалось у меня. Этим вопросом я заработала ее сурово сдвинутые брови.

— Конечно же, нет! За кого вы их принимаете?

За людей, которые запирают на замок свой холодильник! Почему бы не запастись только листьями салата и водой в бутылках и забыть о замках?

— Теперь вернемся к проблеме вашего внешнего вида, — продолжила мисс Чамберс. — Вы, конечно, обязаны будете носить форму. На самом деле это очень мило, — добавила она, словно предваряя мой протест. Ни за что на свете я не хотела бы напялить на себя костюм няньки. Она вытащила платье — выглядело оно так, будто принадлежало Мэри Поппинс, и гордо продемонстрировала его мне. Не иначе как всем обитателям этого дома было предписано работать в маскарадных костюмах.

Начав, таким образом, издалека, она перешла к рассказу о семье. Предполагалось, что я должна буду заботиться о единственном малыше, их первом ребенке.

— Она в значительной степени будет полагаться на вас, — деликатно произнесла мисс Чамберс. — Спустя месяц после рождения ребенка Барби с супругом отправились в длительное путешествие. Вы ведь умеете обращаться с младенцами, не так ли?

Я все еще переваривала эту информацию, когда услышала по внутренней связи мужской голос. «Я закончил с кофе», — провозгласил он отрывисто. Мисс Чамберс немедленно отдала распоряжение по телефону кому-то из прислуги унести вызывающую раздражение кофейную чашку. Она обзвонила несколько комнат особняка, объясняя неотложность ситуации, пока не нашла кого-то, кто смог бы выполнить поручение.

Да, не помешало бы иметь об этой семье чуть больше информации.

— Далее, если вы вместе с семьей едете в кабриолете «роллс-ройс», вы всегда должны сидеть на переднем сиденье рядом с водителем и быть в униформе. Для них очень важно, когда они выезжают, чтобы было ясно с первого взгляда: вы — прислуга. Пока нет вопросов?

— Пока нет.

— Хорошо. Кстати, как у вас со здоровьем?

Что? Ради Бога, мне восемнадцать лет! Насколько сильно нездоровой я могла бы быть? Может быть, ее интересует, как

протекают мои месячные? Или то, что я вывихнула колено на тренировке по легкой атлетике в восьмом классе? Нынешняя няня выглядит так, словно только что отошла от наркоза, а до сих пор как-то ухитрялась работать здесь! Насколько тяжелой может быть эта работа?

Беседу мы завершили быстро. Меня вежливо препроводили обратно, мимо внушительного особняка. Так я никогда и не увидела, какой он внутри. Равно как не увидела Барби и Кена, если говорить о них. На роль шкипера на этом судне я, безусловно, не годилась.

Мое второе собеседование в этот день было в «семье из индустрии развлечений». Семья Овитц. Я не знала, кто это такой — Майкл Овитц. И в действительности была немного разочарована: имя мне ни о чем не говорило. Я представляла себе кого-то наподобие Джона Траволты. В агентстве по трудоустройству мне назвали только фамилию и сообщили, что это президент какого-то большого творческого агентства КАА. Аббревиатура тоже ничего мне не говорила.

Если бы я знала, что это такое! Креативное Артистическое Агентство является представителем почти всех главных голливудских актеров и актрис. Я наверняка успела бы разволноваться перед тем, как прибыть в этот офис. Зато все сразу обрушилось на меня! Я вытаращила глаза, застыв в благоговейном ужасе в приемной у секретарей, которые запросто (как вам это нравится!) перебрасывались известнейшими в шоу-бизнесе именами. Шер. Салли Филд. Джерри Сайнфелд. Майкл Джексон. Эти женщины за конторкой просто заворожили меня. Обе отвечали на нескончаемый поток звонков популярнейших людей, успевая при этом расписываться за почтовые пакеты и улыбаясь гостям. Обе были чрезвычайно хороши собой и делали свое дело с достоинством и высоким профессионализмом. Одеты они были отнюдь не в мрачные зимние платья.

Моя первая встреча в этом потрясшем меня офисе была с миссис Овитц. Секретарша проводила меня в эффектный конференц-зал с окнами от пола до потолка, где за мраморным столом тихо сидела женщина. Какая же она была красивая! Ошеломительная блондинка!.. На ней было что-то шелковое цвета сливочного масла и размером с небольшую виноградину серьги, усыпанные бриллиантами. Стиль и поведение ее были поистине королевскими.

— Привет, я Джуди Овитц. Приятно познакомиться, — сказала она, приветливо улыбаясь и протягивая мне руку.

Я выдала свою стандартную речь, и она рассказала мне о

своих троих детях. Если я ей понравлюсь, то затем встречусь с ее мужем, королем чего-то там, — да и зачем мне знать, чего именно? Мне достаточно было знать, что все это кинозвезды!

Первый раунд я, должно быть, выдержала, потому что после краткой встречи с руководителем отдела по подбору кадров я вернулась к наблюдению за теми же секретаршами, ловко принимавшими звонки от актеров, награжденных призами Академии. Вскоре передо мной появилась красивая женщина, одетая в три различных оттенка бежевого, и сказала: «Мисс Хансен, пожалуйста, пройдите сюда! Мистер Овитц хочет вас видеть».

Как секретарши в приемной и сотрудники офиса, эта дама была одета в дорогой ансамбль от модного дизайнера. Я же явилась сюда в синем платье и белых лакированных лодочках. Мы с мамой уже успели понять, что выгляжу я довольно убого, но, кроме этого синего, у меня было лишь черное платье, пострадавшее от поливальной установки. Взглянув на свои нелепые белые туфли, я еще больше разнервничалась. Чувствовать себя более глупо я бы, пожалуй, не смогла, даже если бы на мне были надеты спортивные носки и обувь «Биркенстокс»[19]. Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица и этих жутких ног. Комната начала медленно вращаться, потом быстрее, кругами… Хватаясь за спинки стульев и стойки секретарей, я старалась придать себе устойчивость, сосредоточившись на том, чтобы не грохнуться в обморок.

Мы шли по оживленному коридору, в обоих направлениях мимо нас спешили люди. В конце коридора я увидела просторный кабинет, где за письменным столом, в два раза больше обеденного, сидел приятного вида мужчина. На голове у него были телефонные наушники, сам же он полулежал, откинувшись на спинку кожаного кресла, под углом, по всей вероятности, превышающим допустимые эргономические пределы. Коротко подстриженные светло-каштановые волосы. Блестящие глаза. Белая рубашка тщательно отутюжена и накрахмалена. Галстук цвета сливы гармонирует с картиной, висящей на стене за его спиной.

Сопровождавшая меня женщина молча остановилась в дверном проеме. Я тоже замерла. Мужчина попрощался с собеседником, снял наушники и улыбнулся. Улыбка его тоже была приятная. В очень официозной манере, словно делая уведомление о дипломатическом визите, женщина провозгласила:

— Мистер Овитц, это — мисс Хансен, назначенная на десять двадцать. Собеседование с Джуди уже состоялось.

С одной стороны, я была удостоена чести получить такое

представление, с другой — насколько же плотным был календарь этого парня? Был ли кто-то назначен на десять двадцать пять?

— Мне нужно, чтобы меня какое-то время не беспокоили, — сообщил он моему эскорту. — В течение пятнадцати минут никаких звонков.

Она кивнула и удалилась, я же ступила в святая святых.

Мужчина жестом указал, куда мне можно сесть. Такую мебель я видела в выпусках «Архитектурного дайджеста»: кожаный диван, низкие кресла вокруг кофейного столика. И картина во всю стену. Мне еще не приходилось бывать в такой подавляющей обстановке, за исключением, может быть, кабинета директора колледжа, когда меня распекали по подозрению в причастности к некоему сомнительному ночному происшествию. Вытаращив глаза, я окаменела. Мистер Овитц рассмеялся:

— Что вас так напугало? Успокойтесь…

«Еще бы не напугаться! Все ваши служащие утверждают, что вы самый могущественный человек в Голливуде. Уже одно это звучит устрашающе!»

Минут тридцать он задавал мне вопросы, похожие, скорее, на авторские ремарки в скобках с восклицательным знаком. Казалось, его не очень-то интересуют ответы. Сердце мое екнуло, когда он спросил, хорошо ли я вожу машину и доводилось ли мне ездить по заснеженным дорогам (вероятно, семья часто посещает Аспен[20]). Тут следует заметить, что вождение не мой конек. Я слегка запнулась, но его, кажется, не беспокоило, что мой ответ был не таким, какой он хотел бы получить от перспективного работника, которому будет доверена безопасность детей. Его уже интересовало другое. Несколько минут мы говорили про обучение нянь — он никогда об этом не слышал. Эту тему он нашел занятной. «Чему же учат в школе нянь?» — спросил он, забавляясь все больше. Я с трудом подбирала слова, а он молча усмехался, глядя на мои мучения. Это потом я поняла, что Майкл чувствует себя наиболее комфортно, когда другие не очень. Ему доставляет удовольствие наблюдать, как люди трепещут в его присутствии. Поэтому мой священный ужас в тот день привел его в хорошее расположение духа.

То же случилось и когда он пригласил меня для последующего собеседования к себе домой.

Вскоре я узнала, что CAA — одно из самых больших актерских агентств в Голливуде. До этих пор я и понятия не имела, чем занимаются агенты, но быстро уяснила, что они ведут переговоры со студиями в обмен на процент от дохода их клиентов. А их клиентами, как я уже знала, были самые известные актеры, режиссеры, сценаристы, композиторы и

деятели этой индустрии. Мартин Скорцезе. Деми Мур. Джулия Робертс. Агентство имеет достаточный вес, чтобы обеспечить своим клиентам наиболее выгодные контракты.

Соучредитель и президент агентства, Майкл Овитц обладал наибольшим влиянием. Он создал совершенно новый тип агентства — оно работало с командами, то есть собирало кинозвезд, писателей и режиссеров в одну труппу и предлагало студии в качестве единого целого, по принципу «бери сразу всех или никого». Он имел достаточно рычагов, чтобы заставить большинство студий играть по его правилам.

Ему доверяли также поиск новых путей в ведении бизнеса. Переманивание или кража клиентов, что до его появления на сцене случалось крайне редко, с его приходом стало делом обычным. (Поговаривали даже, что Майкл привлек Дастина Хоффмана работать бесплатно.) Он и его дружина в черных костюмах — как правило, дипломированные специалисты с экономическим образованием либо адвокаты — были преданы своим клиентам и не гнушались никакими средствами в достижении своей цели. Однажды сценарист Джо Эстерхаз, зарабатывавший миллионы за сценарии типа «Танец-вспышка» или «Основной инстинкт», объявил, что переходит в конкурирующее агентство, и Майкл произнес ему: «Ничего у вас не выйдет. Вы не оставите мое агентство. Если вы это сделаете, у меня есть кому выбить вам мозги».

Пожалуй, хорошо, что тогда я ничего этого не знала.

Сейчас, остановившись у обочины тротуара рядом с аллеей, ведущей к дому семьи Овитц, я увидела четыре роскошных автомобиля. Рядом с ним был припаркован экзотичный черный спортивный автомобиль. В этот момент из дома вышел мужчина, как я позже узнала — Рон Мейер, партнер Майкла. Со временем он перейдет в «Юниверсал пикчерс». Он помахал рукой и, спускаясь по лестнице, сказал кому-то:

— Если я понадоблюсь Майклу, ищите меня в доме Сталлоне.

Сильвестр? О… неужели я и в самом деле буду здесь работать?

Моя рука задрожала, когда я потянулась к кнопке интеркома на железной ограде высотой в двенадцать футов. И я буду сюда входить без всякого разрешения? Войти сюда — это не то что войти даже в самый дорогой дом в нашем маленьком лесозаготовительном городишке! Там ни у кого нет ни телефонов внутренней связи, ни ворот. Да и в большинстве домов там вообще никогда не запирают заднюю дверь.

Дом, раскинувшийся на площади почти в акр, был двухэтажным, в южноколониальном стиле, из дерева и кирпича, с

тремя величественными колоннами перед фасадом и двумя массивными черными лакированными парадными дверями с блестящими медными ручками. На брусчатой подъездной дорожке какой-то человек деловито мыл чистый внедорожник; три других автомобиля выстроились в очередь позади него. Вскоре эта картина станет для меня привычной: этот мужчина приходил каждое утро по субботам и вылизывал каждую деталь на всех автомобилях семьи Овитц.

Джуди встретила меня у бокового входа. Она казалась дружелюбной, но слегка надменной. Одета она была в подобающий случаю наряд и выглядела даже еще более восхитительно, чем накануне, если такое вообще возможно.

— Эта боковая дверь практически наша парадная, — сообщила Джуди, когда мы вошли в гостиную с выделенной обеденной зоной. Затем она подвела меня к главному входу с высокими черными дверями и сказала:

— Это наш главный вход.

Гм, я в доме всего две минуты, но уже порядочно сконфужена…

Джуди обернулась и жестом пригласила следовать за ней:

— Идемте. Я покажу, где что находится.

Идя мимо кухни через главную столовую к жилым комнатам, я внезапно остановилась. «Боже мой, да мама умерла бы, увидев это!» Фотографии на стене позади искусно сделанного небольшого бара с закусками и напитками выглядели как журнальный разворот в журнале «Пипл». Барбара Стрейзанд, позирующая с Майклом. Майкл с Майклом Кейном, Майкл и Джуди с Томом Хэнксом, Майкл с Джейн Фонда… Я глазела на фотографии, как туристка на достопримечательности.

Начальница отдела кадров говорила мне, что у Овитцев частенько бывают такие знаменитости, как Пол Ньюман. Она тогда спросила меня, смогу ли я сохранять самообладание, и я уверила ее, что смогу. Я захлопнула рот. И поклялась держать себя в руках и ничему не удивляться во время этой экскурсии. Я убедила себя, что тоже живу в доме, где вполне обычное дело, чтобы на обед вдруг зашел Чарли Шин.

— Сьюзен, не могли бы вы последовать за мной сюда? — позвала Джуди, и ее голос вернул меня к реальности.

— Да, миссис Овитц, — я слегка коснулась ее руки, — э… я Сьюзи.

Надо сказать, что я, пытаясь быть взрослой, старалась использовать свое полное имя — Сюзанна. Мне казалось, что так меня будут воспринимать более серьезно. Но… на самом деле я была Сьюзи… Настоящей Сьюзи!

Пока я шла за Джуди, я не могла не заметить, что практически на всех стенах висят картины. Их не было, пожалуй, лишь в ванной и на кухне. Так много картин я еще никогда не видела. Джуди сообщила мне, что у них есть даже галерея — на втором этаже над общей комнатой. Художников я не знала, за исключением одного. Кажется, это был настоящий Пикассо.

Глупая провинциалка во мне пронзительно вскрикнула: «Я никогда не была в таком доме!» В домах моих приятелей крышки унитазов были обтянуты искусственным мехом, а из бачков текла голубая вода. Кухня же считалась хорошей, если там хранилось большое количество замороженной пиццы, «Кул-эйд»[21] и «Читос». Единственные собранные реликвии, которые мне довелось видеть, принадлежали отцу моей подруги Мисси. Это была коллекция вещей в память о Джоне Уэйне[22], занимавшая всю общую комнату. Не исключено, что даже на плевательнице там красовалось изображение Дюка[23].

— Как вы, вероятно, заметили, Майкл — один из крупнейших коллекционеров произведений искусства в стране, — сказала Джуди, беря в руки одну из маленьких керамических статуэток животных и поворачивая ее к свету. — Эту Майкл привез из Африки. Вам приходилось бывать на сафари, Сьюзи?

«Еще бы! У двоих моих друзей нет даже кабельного телевидения, потому что туда, где они живут, не провели кабель. Зато мы то и дело летаем в африканскую саванну».

Лишь намного позже я пойму, что этот вопрос был первым сигналом, который я не приняла во внимание. Влиятельные и знаменитые, по крайней мере эти влиятельные и знаменитые, не имеют никакого понятия о том, как живет остальной мир.

Экскурсия продолжилась. Мы прошли мимо латиноамериканки в накрахмаленном белом форменном платье. Мы с ней обменялись улыбками, но нас не познакомили. Джуди скороговоркой сообщила мне график работы прислуги и добавила, что выходными у меня будут суббота и воскресенье. Сколько же людей обслуживает этот дом? Пока я заметила шестерых.

Она провела меня по лестнице наверх, чтобы показать комнату, в которой я буду жить. Расположенная между детскими, она была просторная и чистая, с двумя кроватями, накрытыми одинаковыми покрывалами персикового цвета. Кремовый ковер был слегка потерт, но зато в комнате был телевизор. И что еще лучше — ванная! Дома я и две мои сестры делили одну ванную комнату. И, Бог не даст солгать, это было нелегко.

В разгар моего ликования Джуди попросила меня спуститься вниз, в гостиную, для беседы. Она начала задавать вопросы о

моей семье, и в особенности о маме, поскольку знала, что она прилетела сюда со мной.

Она хочет с ней встретиться!

Я уставилась на Джуди. Неужели это необходимо? Ведь мне уже почти девятнадцать. Я достаточно взрослая, чтобы выбрать работу самостоятельно. Или она хочет получше оценить меня, глядя на мою маму? Я чувствовала себя жеребенком, которого покупают — и покупатель непременно желает осмотреть зубы кобылы.

После некоторого препирательства, — должна же я была объяснить, что не собираюсь приводить маму на собеседование по поводу своей работы, — она проводила меня в комнату Брэндона, ее младшего сына, которому было всего шесть недель от роду. Когда мы вошли, Майкл как раз просил своего старшего сына Джошуа оставить младенца в покое. Очевидно, шестилетний мальчуган пытался вынуть братишку из кроватки. Тут же вертелась трехлетняя Аманда. Дети как будто сошли с обложек журнала! Красоту они унаследовали явно от матери. Джош был очень светлым блондином, а у Аманды были длинные густые волосы изумительного орехового цвета — мечта любой женщины.

— Джошуа, я не собираюсь повторять еще раз, — сказал мистер Овитц. — Положи малыша и познакомься со Сьюзи.

Джошуа обернулся ко мне без всякого интереса и снова потянулся к кроватке.

— Аманда, это Сьюзи, — сказала Джуди. — Мы думаем, она станет вашей новой няней.

Она еще не решила? Все ясно. Финальный тест — одобрение детей.

— Привет, Аманда, — живо сказала я.

Она робко улыбнулась, наполовину спрятавшись за мать.

— Здравствуй, Аманда, — снова поприветствовала я девочку, заглядывая за спину Джуди. — Очень приятно с тобой познакомиться.

Ладно, по десятибалльной шкале получила 5,5. Возможно. Мой последний шанс — малыш. Я подошла к кроватке.

Это было самое прелестное человеческое существо, какое я когда-либо видела. Несмотря на то что его домогался брат, он улыбался и радостно агукал. Я нагнулась, взяла его на руки и покачала, баюкая. Получилось отлично. Удача!

Было ясно, что это та самая идеальная семья из моих грез; новорожденный малыш, требующий ухода, оживленный дом с тремя детьми и горничная на всю рабочую неделю.

— Какое чудо! — сказала я и посмотрела на Джошуа. — Идика сюда, давай садись в это кресло. Вот так нужно держать твоего

братика.

Я осторожно положила малыша в его руки.

— Головка должна быть тут, на твоем локте. — Я подложила подушку под руку Джошуа, на которой лежал Брэндон.

Майкл и Джуди стояли в сторонке и наблюдали. Кажется, они довольны. Наконец Джуди спросила:

— У вас есть вопросы?

И тут в моем мозгу возник полный провал. Пусто! Пусто.

— Вы их шлепаете? — вдруг вырвалось у меня. «Что я такое ляпнула?»

Наступила неловкая тишина, а затем Майкл расхохотался:

— О да, я их луплю! Регулярно!

О Боже. Я ведь только хотела сказать, что не согласна с таким методом.

Но я этого не сказала. И не спросила, какой дисциплинарной стратегии они придерживаются в воспитании детей. Если таковая вообще существует.

И конечно, я не спросила про контракт, сколько часов в день я буду работать, за что должна отвечать и как будут оплачиваться мои сверхурочные. Я не спросила даже, будет ли у меня медицинская страховка.

Я не спросила ничего.

Теперь, вспоминая прошлое, я понимаю, что они, без сомнения, сочли меня более чем наивной. И скорее всего не по оплошности не вспомнила о контракте. Я полностью соответствовала роли, уготованной мне в их воображении. Доверчивая девушка из маленького городка, чья единственная забота — здоровье их детей. Деньги, условия работы — кого это волнует? Ведь прислуга работает главным образом из желания полностью посвятить себя созданию чьего-то комфорта. И это исключает любые проявления равноправия или уважения в отношении к ней.

Майкл сказал, что они хотели бы нанять меня немедленно. Он хотел также знать, как долго я планирую у них оставаться. И я сказала, что могу быть в их распоряжении в течение двух лет. Они остались этим довольны. Майкл сообщил мне, что ему не нравится частая сменяемость прислуги, так как это отрицательно сказывается на детях. Повариха работает у них уже семь лет, и он надеется, что она останется навсегда. Я действительно рада была услышать, что он понимает, как тяжело дети переносят частое появление и исчезновение разных людей. У меня не возникло и мысли, что срок пребывания поварихи зависит не только от этого, но и от чего-то совсем другого. Джуди упомянула, что их предыдущая няня была молоденькой девушкой, после двух

месяцев работы вдруг осознавшей, что это работа не для нее; но я не придала значения этим словам.

Майкл сказал, чтобы я позвонила в его офис, когда соберусь выезжать из дома, — они организуют мой перелет. Какое любезное предложение. Я так была довольна местом, которое нашла! Поступить в институт нянь было отличной идеей — учеба действительно помогла мне стать профессионалом.

Как же много мне еще предстояло узнать!

3
Девушка из маленького городка

Я думаю, не многие люди действительно понимают, что значит быть работающей матерью и не иметь средств, чтобы обеспечить соответствующий уход за своим ребенком. Я не образец для подражания. Просто я очень, очень богатая женщина и могу позволить себе оплатить любую помощь.

Рози О'Доннелл[24]

Пожалуй, здесь следует ненадолго вернуться в прошлое. Еще год назад я и понятия не имела, что буду делать после окончания школы. Мое существование в Коттедж-Грув было совершенно безмятежным и небогатым на события. Оно протекало в городке, затерявшемся в дальнем углу Орегона, где сенсацией недели становился чей-то выигрыш в 250 долларов в «Оленьей сторожке». Коттедж-Грув — нечто среднее между Додж-Сити[25] 1800-х и Майберри[26] из «Шоу Энди Гриффита»[27]. Это место, где почти каждый мальчишка мечтает о собственном грузовике с полным приводом и ружейной пирамиде из винтовок, а большинство девочек надеются завести бойфренда, мечтающего об этом. Когда наконец-то у нас открылся первый ресторан типа «фаст-фуд», то сопутствующий ему ажиотаж собрал в здании школы около шестисот жаждущих получить там работу, которая давала бы счастливчикам возможность небрежно щегольнуть вопросом: «Не желаете ли заказать сегодня наш суперобед?»

Меня подобная работа не прельщала. Но все же — куда податься?

День окончания школы неумолимо приближался. Кое-кто из моих друзей весь последний год активно рассылал заявления в различные колледжи. Я как раз была в гостях у моей лучшей подруги Кристи, когда она заполняла анкету для поступления в альма-матер ее отца — Стэнфорд. Я молила Бога, чтобы ее родители не стали допытываться, куда я поступаю. Я не собиралась подавать документы ни в какие колледжи, тем более в Западный Гарвард. К счастью, они не поинтересовались моими

планами. Думаю, им было понятно, что эту тему лучше не затрагивать. Интереса к академическому образованию у меня не было никакого. Но мне вполне по силам было бы получить степень в какой-нибудь из общественных наук.

Как ни прискорбно, но самым большим моим школьным достижением было избрание меня принцессой на вечере встречи выпускников. Однако отметки у меня всегда были хорошие (учеба не составляла для меня особого труда), и редко случалось, чтобы мне приходилось засиживаться дома над книжками. В школу меня влекла не жажда знаний, а желание знать, кто с кем поссорился, кто с кем встречается, кто к кому неравнодушен. Впрочем, ко мне всегда можно было обратиться за помощью. Само по себе это было забавно, но для подготовки в колледж явно недостаточно.

Я стала ломать голову, что же мне делать дальше, но ни до чего не могла додуматься. К счастью, моя классная руководительница заметила, что я не записалась ни на какие вступительные экзамены, и предложила мне поместить программу курса по подготовке нянь в Портленде, большом городе милях в ста пятидесяти от нас. Школа нянь?! Отлично! Почему я сама до этого не додумалась? Ведь я с девяти лет то и дело оставалась посидеть с детьми. Мне это нравилось. И я так хотела походить на Мэри Поппинс! Северо-западный институт нянь, как объяснила моя наставница, только что открылся, и теперь это одна из немногих школ для обучения подобной профессии. То, что институт был расположен неподалеку от нашего городка, я восприняла как доброе предзнаменование.

Вместе с заявлением и небольшим вступительным взносом я должна была представить три рекомендательных письма. Мне их легко дали в семьях, где я проработала беби-ситтером половину своей жизни. Кроме того, институт просил прислать сочинение на тему «Почему я хочу быть няней». Это было и вовсе делом пустячным — внезапно меня начали распирать высокие стремления и желание окружить всех малышей мира самой преданной заботой и чутким вниманием. Вдобавок ко всему плата за обучение была умеренной. Мои родители были более чем счастливы оплатить четыре месяца моего «высшего образования».

В апреле в наш почтовый ящик опустили толстый конверт. На нем в левом углу красовался богатый вытисненный золотом логотип: СИН. С минуту я не могла отвести от него взгляд. И только потом, прочитав, произнесла вслух, заботясь о самом лучшем своем британском произношении.

«Поздравляем! — так начиналось вскрытое мной письмо. — Ваше заявление принято. Приглашаем вас осенью стать нашим

абитуриентом».

Я с облегчением выдохнула. Пронесло! Все это время меня не покидала смутная тревога: а вдруг я не пройду уголовную проверку? Нет, никаких тяжелых преступлений я не совершала, но существовал некий суровый протокол — о нарушении мной правил вождения, на который, к счастью, комиссия решила не обращать внимания. Мои прегрешения подтверждались четырьмя квитанциями за превышение скорости в течение того короткого срока — два года, — что я имела водительское удостоверение. Ну… повесток на самом деле было пять, но одну из моей истории убрали, поскольку я посетила однодневные курсы безопасного вождения. Так что в классе я оказалась единственной, не имеющей тюремного опыта, — факт, ставший сенсационным. На разборе полетов учительница сокрушалась, что ей еще не доводилось призывать к порядку девушку-подростка, которая хорошо учится и к тому же участвует в ралли. В отличие от иных тугодумов, сказала она серьезно, мои шансы на благополучный исход были пятьдесят на пятьдесят. Она явно заблуждалась. Если бы она узнала про институт, то, я уверена, оценила бы мои шансы гораздо выше.

И вот свершилось. Даже сама мысль о том, что учебное заведение, куда я поступила, в чем-то похоже на Гарвард или Йель, была интригующей. Элитное обучение, вне всякого сомнения, позволит мне начать жизнь совсем иную — я буду работать в состоятельных семьях, где растут прелестные дети… Моя взволнованность не укрылась от глаз моей оптимистически настроенной мамы. Она объяснила его предстоящим в скором времени расставанием с Коттедж-Грув и грядущими судьбоносными переменами. «Только подумай, Сьюзи, не исключено, что ты будешь жить в особняке, как Памела Ивинг в «Далласе»[28]!» Мама ничуть не сомневалась, что благодаря своему обаянию я буду избавлена от тех злополучных моментов, за развитием которых она с таким интересом следила в этом сериале.

В последний день занятий в школе мы с Кристи остановились возле огромного листа ватмана, который повесили на стене в коридоре.

Выпускники,
каковы ваши планы после окончания школы?

Бен Бангс — штат Колорадо.

Крейг Дженкинс — пить пиво все лето, затем отправлюсь в Южный Орегон, в колледж штата.

Дрю Бёдсай — играть на ударных в хэви-металл-бэнд.

Шонна Григс — Университет Пасифик.

Скотт Кэйтс — водно-лыжный спорт.

Алан Гейтс — управлять лодкой, за которой тащится на водных лыжах Скотт.

Тэми Томпсон — уехать как можно дальше от этого города.

Джени Хекман — колледж косметики.

Мисси Чамберс — работать в «Хард-рок кафе», так я смогу встретить Билли Айдла[29].

Эмми Маккарти — буду таскаться за Оззи[30] *на все его гастроли.*

Кристи Кемп — Университет Орегона (запомните, парни!).

Сьюзи Хансен — СИН.

СИН. Это звучало достойно и очень солидно. Я молилась, чтобы никто не спросил меня, что эти буквы означают. Пусть все думают, что это какой-нибудь небольшой колледж в Северной Небраске. Или даже Североамериканский институт невропатологии. Я не могла объяснить, почему меня так беспокоило, что скажет обо мне кто-то, ведь процент выпускников, поступающих в колледжи, так или иначе, был у нас небольшим. Просто я не хотела, чтобы мой выбор стал поводом для шуток в той изощренной на зубоскальство компании, к которой я принадлежала.

В конце лета я упаковала дорожные сумки и со слезами на глазах попрощалась с родителями, помахав им рукой из окна своей маленькой «тойоты». Никогда раньше я не уезжала отсюда надолго. Я, можно сказать, приросла к этому месту. Со многими из одноклассников я еще ходила в детский сад. Сто пятьдесят миль начали казаться мне пятнадцатью сотнями…

Согласно договоренности с институтом, я должна была остановиться в одном отеле. Встретили меня там радушно, но в первую ночь я почти не спала — от волнения меня била дрожь. Помню, такие же чувства я испытывала в первый день занятий в четвертом классе, аккуратно раскладывая на парте новые школьные принадлежности рядом с коробочкой для завтрака с изображенной на ней Вандер Вумен[31].

От дома, где я остановилась, до института было менее двадцати минут езды. Сначала я проехала через центр финансового района — в блеске сверкающих новых зданий, миновала часть старого города с его невысокими домишками и наконец достигла района, который, несомненно, никого бы не привел в восторг. Скорее всего заблудилась, подумала я. Наверное, надо ехать дальше, пока не увижу какое-нибудь

величественное здание, преобладающее над сельским пейзажем. Я снова развернула карту, сверилась с адресом и продолжила шарить глазами по номерам на фасадах домов, мимо которых проезжала. Должно быть, здесь какая-то ошибка. Где среди всего этого бетона мой вожделенный институт?

Я доехала до перекрестка, обозначенного на карте, и притормозила. Обшарпанные строения вокруг напоминали тюремные бараки. Среди них возвышалось двухэтажное оштукатуренное здание. Не прибегая к архитектурным терминам, его можно было бы описать как длинную серого цвета коробку, поставленную на другую. Рядом я заметила несколько магазинчиков «Севен-илевен» (что придавало зданию статус «первого среди равных»), тут же были «салон красоты», паршивенькая химчистка и дешевая забегаловка с китайской едой навынос.

Видимо, я что-то перепутала. Или неправильно прочитала адрес. Сотни мыслей проносились в моей голове, пока я снова, в который раз, доставала из сумочки письмо. Ага! Я, наверное, заехала на северо-восток Портленда, а мне надо на северо-запад. Но нет. К своему ужасу, тусклый латунный номер на здании был тот же, что и на конверте: 2332. Северо-западный Бродвей. Я приехала правильно.

Мне отчаянно хотелось развернуться и тут же покатить назад, в Коттедж-Грув. (Соблюдая скоростной режим, разумеется.)

Но я уже зашла так далеко… Глупо отказываться сделать еще несколько шагов. В конце концов, сказала я себе, я всегда успею уехать домой и поступить там в стоматологический колледж. Однажды я уже собралась было туда, но мама заметила как-то, что это ужасно — весь день заглядывать людям в рот. Если она не видит в этом ничего хорошего, заключила я, это и впрямь ужасно. Однако неожиданно карьера в области борьбы с кариесом стала выглядеть для меня более привлекательной, к тому же в родном городе у меня не будет дефицита в пациентах: большинство мужчин там не покидают дом без внушительной пачки жевательного табака или упаковки жвачки.

Я стала подниматься по бетонным ступеням на второй этаж. Вряд ли надо говорить, что прежнее мое нетерпение улетучилось. В тот момент я и представить себе не могла, что через каких-то четыре месяца полечу в Лос-Анджелес и в моей помощи будут заинтересованы весьма состоятельные люди — одни из самых состоятельных в стране. И что я стану самой высокооплачиваемой няней, окончившей специальное учебное заведение. Ничего этого впереди я не видела.

Мое место в тот самый момент было старой видавшей виды

партой. Такая была у меня в третьем классе. Ее поверхность была изрезана инициалами и сердечками. Еще четырнадцать девушек и молодых женщин сидели за такими же исписанными партами рядом со мной. Перед нами стояла женщина средних лет, представившаяся Кэролин. Наша преподавательница. Я уставилась на огромную классную доску рядом с ее письменным столом. На доске я прочла:

Профессиональная няня:
Не прислуга
Готова к неожиданностям
Всегда поступает профессионально
По-настоящему предана профессии

Ниже был небольшой список учебных дисциплин:

Этикет. Поведение за столом
Подготовка к карьере. Внешний вид и гигиена
Семейные отношения. Муж и жена как родители
Первая помощь. Правильная организация работы

Я была приятно удивлена широтой знаний, которыми мы должны овладеть. Позднее я узнала, что это не единственная программа обучения, предполагающая получение сертификата. Кэролин и ее партнерша Линда открыли институт лишь год назад и, как многие новички в бизнесе, все обязанности распределили между собой. Иногда во время занятий им приходилось прерываться, чтобы ответить на телефонный звонок.

— Институт нянь. Чем могу помочь?

— Да. Гм, да.

— Нет, мы не ухаживаем за домашними животными.

— Да, иногда наши няни работают в семьях, где есть домашние животные.

— Нет, мы не оказываем услуги по выгуливанию собак.

— Я прекрасно понимаю, что между детьми и щенками много общего.

— Вероятно, вам следует обратиться к вашему ветеринару.

— Нет, еще раз повторяю, сэр, мы ухаживаем только за человеческими детенышами, не за шнауцерами…

Я познакомилась с сокурсницами-нянями. Большинство из них только что окончили школу, как я. Одна девушка даже с отличием. Несколько были из маленьких городков и сельской местности. Были в группе также и женщины постарше, разведенные, имеющие взрослых детей. Им никогда не

приходилось работать где-либо, зато они имели опыт родительский.

Наша программа включала такие предметы, как управление домашним хозяйством, здоровье и безопасность, физическое и умственное развитие детей, методика составления резюме и проведения собеседований, планирование карьеры и заключение трудового контракта. Помимо теоретических занятий, также была предусмотрена практика в «учебных семьях». Например, одна мама, имеющая новорожденного младенца, показывает нам, как надо купать малыша.

У меня было множество вопросов. И все их я задавала в первый же день. Прежде всего почему мы обсуждаем личную гигиену? Во-вторых, какая именно подготовка к карьере имеется в виду? И наконец, может быть, не стоит идти в профессию, связанную с уходом за детьми, если раньше тебе никогда не приходилось купать младенцев?

Кэролин попросила меня остаться после уроков. Упс!

Она сказала мне в числе прочего: «Не все, кто сейчас учится вместе с тобой, имеют за плечами такой опыт и могут похвастаться своей семьей». Как будто моя фамилия была Кеннеди! Но, присмотревшись на следующий день к студенткам, я поняла, что Кэролин не откажешь в правоте. Я действительно не была новичком в своем деле и умела принимать верные решения — мама не раз говорила мне об этом.

Я вспомнила о своем первом опыте беби-ситтера. Я тогда училась в четвертом классе. Никогда не узнаю, что заставило мою маму думать, будто я достаточно ответственна для того, чтобы присматривать за ребенком всего двумя годами младше меня, но она беспечно пообещала мои услуги женщине-агенту, снабжающей нас косметикой «Эйвон». Той было нужно, чтобы кто-то присмотрел за ее четырьмя детьми в возрасте от одного до семи лет, поскольку у нее была назначена важная встреча. Интересно, с кем это у нее встреча? И кто отец ее четверых детей? Мама пресекла мое любопытство, сказав, что я не имею права судить людей, «пока не пройду в их башмаках милю». Это она повторяла мне не единожды.

«Эйвон-леди» начала с того, что сообщила: недавно в их районе случилась кража. Если я замечу что-либо подозрительное, то немедленно должна звонить в полицию. Наступающий вечер я встретила, спрятавшись за занавеской, со включенным повсюду светом. Как же можно было заставить меня, девятилетнюю, все еще игравшую в куклу Барби и не переставшую бояться злой волшебницы из сказки «Волшебник из Страны Оз», заботиться о чужих детях перед лицом надвигающейся опасности? Я очень

хотела позвонить маме. Но перспектива получить за работу деньги остановила меня.

Только теперь я поняла, что это мое самое первое испытание предопределило мою дальнейшую судьбу. Моя сверхспособность совать нос в чужие дела, моя склонность к психологическим наблюдениям, мои то и дело сменяющие друг друга уверенность и сомнение в себе, а также моя готовность столкнуться с неизвестностью, которая меня страшит — будь то воры или мрачные тени на темной аллее, — проявились уже тогда. Я была ко всему готова. Приводите ваших детей!

Однако многое нам предстояло еще постигнуть. Мы заучили наизусть, что «роль няни заключается в оказании высококвалифицированной помощи семье путем предоставления необходимых услуг в качестве любящего, заботливого воспитателя и надежного друга детей, учитывающего физические, эмоциональные, социальные и интеллектуальные особенности и потребности каждого ребенка в семье».

Наши наставники постоянно твердили нам, что няня не прислуга и не повар. Кэролин и Линда хорошо знали, что многие семьи ищут няню, чтобы нагрузить ее всеми возможными домашними обязанностями, включая стирку и мытье посуды. Были случаи, где от няни даже требовали, чтобы она каждое утро гребла лопатой снег с дорожки — по-видимому, у отца семейства была больная спина. Узнала я и что многих нянь хозяева попросту использовали в своих интересах. Однако я считала, что отлично защищена от подобных казусов. Просто надо найти семью, где есть прислуга и повар, и не придется скрести пол или наскоро стряпать обед. Я недоумевала: почему все эти несчастные девушки были такими безотказными? Я не собиралась следовать их примеру, вынашивая свой замысел.

Кэролин внушила нам еще несколько важных правил:

Не надевайте вызывающую одежду с целью выглядеть соблазнительно.

Если присутствуете на обеде с семьей вне дома, не заказывайте самых дорогих в меню блюд.

Соблюдайте профессиональный этикет. Не пытайтесь завести дружеские отношения с вашими работодателями.

Не становитесь поверенной жены в ее проблемах и отношениях с мужем.

Как вариант:

Не будьте поверенной в делах любовницы.

И конечно же:

Не становитесь хозяйкой в доме.

Неужели об этом следует говорить? Разве не само собой

разумеется, что нельзя спать с боссом? Действительно ли уже возникали такие проблемы?

И прямо там, на доске, крупными буквами было написано главное правило, мозолившее нам глаза за все время обучения:

Получите на руки подписанный контракт с подробным перечнем оплаты услуг, времени работы, платы за переработку и другие прогнозируемые особенности, прежде чем соглашаться на это место.

С одной из девушек, Мэнди, мы подружились. Она была всего на два года старше меня, у нее были мягкие черные до плеч волосы и располагающая теплая улыбка. Она мне сразу очень понравилась. Должно быть, сработал мой материнский инстинкт — я почувствовала, что она одинока, и мне захотелось взять ее под свою опеку. Сюда она приехала самостоятельно, проделав путь от Монтаны. Ее отец, юрист и весьма немногословный человек, на прощание дал ей всего лишь один совет: «Прежде чем что-то сказать, досчитай до десяти». Тогда я еще не знала, что Мэнди станет моей самой близкой подругой в чужом краю. И что однажды она спасет мое душевное здоровье.

Сидя в классной комнате в грязном уголке Портленда, я и в голову не брала, что работа в семье может обернуться кошмаром. Безусловно, я слышала истории, подобные этой: как одна британская няня поехала в Саудовскую Аравию и служила не где-нибудь, а в королевской семье. Ее подопечные — девочки — страдали ожирением. Их насильно кормили, чтобы, видите ли, обеспечить выносливость при родах. Одна девочка в семь лет весила 75 килограммов! Мало того что бедная няня ошалела от такой жизни, так ее еще где-то остановила полиция — у нее из-под платка выбились светлые волосы. В конечном счете она спаслась бегством в британское посольство, умоляя вернуть ее на родину. Все это звучало ужасно. Но уж в Соединенных Штатах люди имеют приблизительно одинаковые понятия о воспитании детей. «Разве нет?» — думала я.

Спустя несколько недель занятий Мэри — она посвящала нас в тонкости семейных отношений — попросила меня помочь ей с ее детьми. У нее были две собственные дочери и приемные дети, требующие особого внимания. Она сказала, что решила мне довериться, поскольку я произвожу впечатление самой надежной из всех ее сокурсниц. Наконец какое-то признание! Я всегда в любом деле чувствовала свою ответственность за происходящее. Меня обычно выбирали, как говорит Джефф Фокс-уорти[32] «переговорщиком», чтобы отвечать у двери на вечеринках в старших классах, если к нам вдруг заглядывали копы. Да, а как еще можно было бы объяснить тот факт, что во втором классе

меня выбрали руководителем пожарных учений и старостой — в третьем? Только повышенным чувством ответственности.

Несмотря на это, я не была номинирована на медаль по домоводству. Хотя нам и внушали, что няня в доме отнюдь не повар, Кэролин и Линда знали, что исключения из правил будут. Поэтому мы должны были приготовить свое любимое блюдо в семье, где у нас была практика. Надо было продемонстрировать, как мы справимся с покупками и приготовлением обеда, не забывая при этом о детях. Моим любимым блюдом была запеканка с курицей. Оно же — единственное, которое я знала, как готовить. Надо было смешать банку куриного супа-пюре «Кэмпбелл», картофельное пюре, добавить сыр, два кубика сливочного масла и пинту[33] молока со сливками. Все это складывалось на пару фунтов поджаренных гамбургеров. Такую запеканку обычно готовила для меня бабушка по воскресеньям вечером. Но почему-то я никогда не замечала, как долго она возится в кухне. Как каторжная! Мне потребовался не один час для создания моего кулинарного шедевра. К тому же я мучилась чувством вины, усадив детей перед телевизором (образовательный канал, разумеется!).

Шестилетний мальчуган есть мою стряпню отказался. Он сказал про нее — блевотина…

Четыре месяца пролетели быстро, и к началу декабря я окончила учебу. Я наработала больше чем четыреста часов теории и практических занятий и прошла сертификационный тест на ура. Теперь слова «высокообразованный и квалифицированный специалист» и «профессиональная помощь по уходу за детьми» имели ко мне самое прямое отношение. Мне казалось, я могу заниматься любимым делом в любом уголке мира — в конце концов, дети везде дети. Свои взоры я обратила на Южную Калифорнию — здесь много молока, меда, солнечного света и… денег. К моему удивлению, не позднее чем через неделю я получила приглашение сразу на несколько собеседований, организованных для меня агентством по трудоустройству в Санта-Монике.

У меня больше не осталось сомнений, что пора покидать северо-запад. Я знала, что буду скучать по родителям, двум моим сестрам и всем друзьям, но я приспособилась к жизни в большом городе — ну, не так чтоб очень уж большом, — в Портленде. Однако время больших перемен наступило. К тому же в Орегоне ничто меня не держало. Никакая сердечная привязанность. Хотя там, конечно, остался Райан. Моя первая любовь. Наши бурные то

затухающие, то разгорающиеся с новой силой отношения на тот момент находились в пассивной стадии — мы были в очередной ссоре. Я подозревала, что он скорее всего не ожидал моего исчезновения и начал ухаживать за королевой выпускного бала. Раньше я не выдержала бы целых три месяца — я всегда мирилась первой. Но теперь я стала сильнее и более уверенной в себе. Я была готова к новой жизни.

Прощай, столица крытых мостов Америки!

Меня ждет мировая столица кино.

4
Голливуд, или крушение иллюзий

Мои подруги-актрисы, имеющие детей, стараются проводить с ними все свое время. Можно продолжать работать и все же полностью отдаваться ребенку.

Дженифер Гарнер[34]

Переходный период от обучения к работе, включая марафон собеседований, промелькнул быстро, почти как в кино, когда там ребенок вырастает на протяжении одной сцены, пока звучит удачно подобранная песня. В Лос-Анджелес я вернулась менее чем через неделю после того, как Овитцы предложили мне у них работать. Из аэропорта меня забрал Джош Эванс, сотрудник почтового отдела агентства. Привлекательный парень, мой ровесник. Мы хохотали, как ненормальные, пока он вез меня к моему новому дому. Может быть, мы станем встречаться? Он очень мил. А Райана пришло время забыть. Позже я узнала, что Джош — сын Эли Макгроу и Роберта Эванса. Роберт когда-то возглавлял «Парамаунт пикчерс», теперь же был печально известным продюсером. Мне казалось странным, что Джош, сын таких знаменитых родителей, начал карьеру с работы в почтовом отделе компании Майкла; я еще не знала, что это освященная веками традиция. Каждый в Голливуде должен был начинать с почтового отдела — даже Майкл, работавший поначалу в агентстве Уильяма Морриса, до того как основал свое.

Однако почтовый отдел не для меня, решила я. Для меня — игровая. Правда, довольно быстро мне открылось, как они похожи.

Перво-наперво мне надо было уяснить, кто в доме хозяин. Босс!

Мои настоящие боссы были менее трех футов ростом. И у них были стальные легкие. Если ангельски прелестная, с ямочками на щеках, трехлетняя Аманда не получала желаемого, совладать с ней не было никаких сил. Ее вспышки гнева были ежедневными и продолжительными, а ее пронзительные вопли звучали как сирена противовоздушной тревоги. Она топала ногами и молотила руками, слезы текли по ее щекам, а на тоненькой хрупкой шейке вздувались багровые вены. Она орала до тех пор,

пока у нее, как у сумасшедшего кролика «Энерджайзер», не кончался «запас энергии», хотя растянуться он мог надолго — часа на два. Мучительных два часа. Все домашние уже давно оставили попытки справиться с ее истериками.

Я вообразила, что с моей профессиональной компетентностью, подтвержденной сертификатом института, я смогу достаточно быстро отучить ее от этой привычки. Но, несмотря на весь мой опыт, я никогда раньше не встречала ребенка с такими припадками или, если угодно, с такой луженой глоткой. Я прочитала все книги о детях и пособия для родителей, которые попали мне в руки (я стремилась на шаг опережать развитие ребенка). Я перебирала варианты: строгий разговор, полное отсутствие внимания или шоколадное мороженое… Хоть что-то должно же сработать! Но нет… Этот ребенок был невосприимчив к любым ухищрениям.

Это полностью расходилось с тем, как я планировала начать свою карьеру. В довершение ко всему возникли неожиданные осложнения с моим багажом. За два дня до отъезда из Коттедж-Грув я отправила вещи по новому адресу. Я правильно написала название улицы, но ошибочно предположила, что на конверте надо указать Брентвуд[35], а не Лос-Анджелес. Это название не имело смысла — Брентвуд не был городом как таковым. В результате мои пожитки блуждали по всей Калифорнии. И прошло не менее двух недель, пока они наконец прибыли по назначению.

Оглядываясь назад, можно предположить, что это было своего рода предзнаменованием.

Все же я не оставляла своих позиций. Опрометчиво! Пытаясь увести извивающуюся Аманду в ее комнату, для того чтобы самой сделать передышку, я заметила, что Джуди наблюдает за моими действиями с испугом и легким изумлением. Посмотрев на меня, она ушла, неодобрительно покачивая головой.

Я была озадачена. Разве я не должна приучать детей к дисциплине? Но я не задала ей этого вопроса.

Почему я не спросила, как, по ее мнению, я должна решать эти проблемы? У меня не хватило на это мужества. Я чувствовала себя мячиком в китайской лавке. К концу первого дня моего пребывания в этом доме я уже начала бояться молчаливого, но совершенно явного неодобрения Джуди, когда делала что-то, с ее точки зрения, несуразное, например вышла из комнаты необутая, в одних носках, чтобы взять почту. Или когда принесла то, что приняла за пульт, открывающий дверь ее гаража (откуда же мне было знать, что ее открывает сигнализация в столовой, позволяющая к тому же вызвать прислугу в экстренных случаях —

если, к примеру, вам вдруг потребуется перец). А после того как я проболталась о Райане и о том, как по нему скучаю, она высказалась в недвусмысленных выражениях, что, по ее мнению, это нелепо — думать об отношениях вдали друг от друга. И что такие отношения не становятся настоящими. Я быстро оценила обстановку в доме как напряженную и натянутую. Она совсем не напоминала ту счастливую, веселую, суматошную, какую я себе навоображала. (Как же я не заметила этого во время собеседования?) Джуди ожидала, что я все знаю, и мои вопросы только раздражали ее. Я решила, что единственный способ чего-то добиться — неуклонно идти вперед. Попросить прощения в случае неудачи я смогу и позже. Но в общем, я не планировала делать это часто. Я торжественно поклялась работать отлично. Если это означало читать мысли моих несговорчивых голливудских боссов, тогда дайте мне магический кристалл.

Мне не удалось обнаружить никаких правил относительно того, что дозволено детям. По-видимому, родители не обременяли себя их воспитанием, не говоря уже о том, чтобы интересоваться веяниями в педагогике, представления о которых мне дали мои наставники. Поэтому я попыталась установить свои собственные правила. Но Джуди, кажется, ни одно из них не понравилось. Ей не нравилось, когда я предоставляла детям свободу, а леденец или иной достопримечательный «подкуп» были в этом доме запрещены (и даже более того). Я не могла понять, какие педагогические приемы здесь одобрят, что здесь придется по вкусу. Однако относительно других вещей правила в этой семье существовали. Много правил. Даже в ванной комнате.

На второй день моего пребывания я готовила для Джошуа вечернюю ванну. На носик крана было натянуто нечто, похожее на большущий презерватив. Боже праведный! Предохранять водопроводный кран? Я стащила с него непонятную штуковину. А как еще могла я налить воды?

Как и в большинстве случаев, разгадка у этой загадки была — просто до поры до времени я оставалась в неведении. Когда ванна наполовину наполнилась, я скомандовала Джошуа лезть в воду, в то время как сама принялась помогать Аманде раздеваться в смежной с ванной спальне. Через пару секунд из ванной раздались вопли, которые могли бы соперничать с истерическими припадками Аманды. С колотящимся сердцем я обернулась. Джошуа сидел по грудь в воде и обеими руками держался за голову.

— Идиотка! Дура! Ненавижу! — орал он.

И тут мне стало все ясно — наконечник на кране призван был предохранять детские головы. К счастью, инцидент не потребовал

наложения швов. Но в мозгу шестилетнего Джошуа засела мысль, что я совершила непростительный грех.

Смогу ли я когда-либо в нем покаяться?

Я решила относиться к своей работе, как к обучению в школе. В конце концов, меня постоянно проверяют — и таким образом я могу извлечь из этого пользу. У меня появился блокнот (очень быстро он стал потрепанным), куда я на скорую руку заносила свои наблюдения всякий раз, когда узнавала что-то новое о предпочтениях, пристрастиях или странностях членов этой семьи. Я не собиралась больше совершать оплошностей и хотела работать всегда с улыбкой. Я была твердо намерена добиться их расположения.

* * *

Уже в первую неделю мои записи пополнились несколькими важными правилами:

• Не прикасаться к произведениям искусства.

Это было весьма проблематично — произведения искусства были повсюду. Казалось, что мест, которых можно касаться, в доме почти нет. Я оцепенела. А что, если дети заденут какую-нибудь безделушку стоимостью в миллион долларов? Буду ли я нести за это ответственность? И вообще, за что я несу ответственность? Во время собеседования мне не пришло в голову спросить об этом.

• Держать главный вход незапертым.

Я предположила, что это необходимо из-за большого числа служащих. Они постоянно ходят туда-сюда, включая непрекращающийся поток рабочих-строителей, производящих какие-то переделки. Это, возможно, шло вразрез с принципом безопасности, но ограда и ворота не отменялись.

• Никогда не допускать срабатывания сигнализации.

Ни при каких обстоятельствах я не должна была стать причиной срабатывания сигнала тревоги. Я не знала наверняка, что могло бы привести его в действие, поэтому решила передвигаться как можно более осторожно. Но тут возникла небольшая проблемка. Я была лунатиком и иногда бродила во сне. В раннем детстве и в школьном возрасте мама то и дело ловила меня посреди ночи. Однажды меня обнаружили купающей своих Барби и Кена в раковине ванной комнаты в три часа ночи. Подростком я однажды включила в розетку щипцы для завивки волос и отправилась в душ в два часа ночи, чтобы подготовиться к школе. Неудивительно поэтому, что я панически боялась, что

однажды ночью начну разгуливать в пижаме по особняку Овитцев и при этом случайно сработают все три уровня сигнализации. Однако, хорошенько поразмыслив, я нашла решение. Буду запираться на ключ! Надеюсь, мое неусыпное подсознание не будет столь сообразительным, чтобы догадаться, как отпереть дверь. Спустя годы я услышу историю Кэти Ли Гиффорд о том, как ночью ее муж Фрэнк по ошибке забрел — совершенно голым — в комнату их няни. Но в то время я, к счастью, не знала, что такое случается. Разве может быть что-то более мучительно неловкое, по крайней мере для няни?

• Не давать детям «фаст-фуд».

Семья придерживается низкокалорийной диеты, в которой мало соли. Картофель фри или «Хэппи-мил» исключаются. Вероятно, поварихе приходится изрядно поколдовать над морковкой и бананами для малышей.

• Всегда спрашивать Джуди, прежде чем кормить Брэндона.

Она сказала, что ей нравится самой кормить его (когда она дома).

• Никогда не прерывать утренние тренировки Майкла.

Он ежедневно тренируется под руководством старого японца, мастера айкидо, иногда — совместно со Стивеном Сигалом.

• Майкл всегда отвечает на звонки детей.

Ах, и верно! Смотри-ка, это правило как раз подходит под тот тип семьи, где я так хотела работать: семья, для которой эмоциональное благополучие детей превыше всего.

Все эти правила были, так сказать, установленными и понятными. Однако существовало еще множество неписаных, с которыми я столкнулась позже. Я утешала себя мыслью, что кому-то бывало и хуже. Я вспоминала историю про няню, чей босс маниакально боялся инфекции и заставлял ее надевать бахилы и перчатки. Нет, для меня не было заведено никаких резиновых сапог! Только… множество правил!

Я пыталась следовать методическим рекомендациям, которые мне давали, и с самого начала старалась не забывать один из важнейших постулатов: не следует стремиться устанавливать дружеские отношения со своими нанимателями. Душа подростковых вечеринок из маленького городка, жители которого дружелюбны и простодушны, я находила такую установку особенно трудновыполнимой. Как-то Джуди оставила парочку модных журналов у двери моей спальни. Я была несказанно тронута и несколько раз сердечно поблагодарила ее. Более того, я проштудировала их. Задаваясь вопросом, не пыталась ли она таким образом дать мне несколько советов. Может быть, она

хотела взять меня, молоденькую девочку, под свое золоченое крыло?

Но нет… Когда я благодарила Джуди, она всякий раз улыбалась, но продолжала оставаться безучастной к моим попыткам сделать наши отношения более теплыми.

Я не могла ее разгадать! Холодная и сдержанная? Да. Важная персона, занимающая видное положение в обществе? Нет. Не была она и слишком поглощена шопингом на Родео-драйв[36], и не так часто встречалась за ленчем с другими такими же обеспеченными дамами, как того можно было ожидать. Она не давала и указаний прислуге (я уже привыкла к тому, что стала частью обслуживающего персонала), но постоянно мелькала тут и там, вечно чем-то озабоченная. Я склонна была предположить, что она занимается благотворительной деятельностью.

Обычно мы с Джуди обедали вместе с детьми, но разговор всегда получался натянутым, как будто я впервые предстала перед своей потенциальной свекровью и она придирчиво меня оценивала. Это повторялось и повторялось из раза в раз. Я старалась следить за собой, чтобы не ляпнуть что-нибудь. Но глупости продолжали слетать с моих уст.

Когда я отваживалась высказать мнение, которое чем-то ее не устраивало, Джуди отмахивалась от меня, как бы говоря: «Ах, Сьюзи, я совсем не о том!» Напряженности добавляло и еще кое-что, казавшееся мне диким. Например, манера звонить из-за стола на кухню, требуя, чтобы принесли кетчуп в блестящем серебряном соуснике…

Я должна была быть к этому готова! Не друг и не член семьи. Как там меня учили? «Няня берет на себя заботу о части семьи, но сама не является членом этой семьи». Безусловно, разумом я это понимала. Но как же нелегко было это принять! Ведь я проводила здесь двадцать четыре часа в сутки. Мы делили кров, разве мы не должны разделить большее? Да, я хотела, чтобы во мне видели профессионала. Но… члена семьи тоже. Я знала, что не должна так думать, но, впервые оказавшись надолго вдали от дома, я ощущала потребность в семейной близости.

Однако вряд ли она была возможна. Джуди часто отсутствовала, но и дома была недоступной. И я почти не видела Майкла. Обычно он исчезал рано утром и возвращался около десяти или чаще одиннадцати вечера. Он не ходил, а носился — этакий вечный двигатель. Шейкер. Разговаривал он со мной дружелюбно, но всегда на бегу, мимоходом.

И никак не выпадало удобного момента оформить письменный договор. Зато была уйма времени, чтобы наладить

отношения с детьми. Пора забыть о намерении заканчивать работу в шесть или семь вечера. Как я поняла, конец рабочего дня для меня вообще не был предусмотрен. А я-то наивно полагала, что вечера у меня будут свободными! Но Джуди считала само собой разумеющимся, что няня находится при детях постоянно. Опасаясь, как бы меня не сочли бездельницей, я не решилась оспаривать это ее убеждение.

Вскоре я узнала, что не одна я в подобном положении, но предпочитают не роптать. Семью обслуживала целая когорта работников. Кармен (живущая в доме повариха), Делма — она тоже жила в доме (горничная, помощник повара и няня на выходные), Глория и Роза (горничные по будням), приходящий раз в неделю садовник, парень, ухаживающий за автомобилями. И множество других, кто приходил выполнять отдельные поручения.

Кармен сразу же стала моей подругой и со временем заменила мне мать. Ей было около сорока. Невысокая милая толстушка с блестящими черными волосами и в очках с толстыми стеклами. Ходила она всегда в белых брюках и рубашке в сине-белую полоску навыпуск, на ногах белые тапочки медсестры. Я также сблизилась с Делмой, ей было всего двадцать четыре, не намного больше, чем мне. Прямые, черные, коротко стриженные волосы обрамляли ее круглое полное лицо, выражение которого обычно было добродушным. У Овитцев она работала уже четвертый год, вдвое меньше, чем Кармен.

Служащие в офисе Майкла — включая ассистентку Сару, которая занималась его личными делами, второго ассистента, в чьем ведении находились нужды клиентов, и Джея, который был помощником Майкла в тренировках — тоже вскоре стали Членами моей маленькой семьи. Они были моей связью с внешним миром, моими доверенными лицами и время от времени подставляли свое плечо (или два), чтобы я могла выплакаться.

Они все понимали. Мы все тут, чтобы удовлетворять потребности семьи Овитц. А Майкл планку держал высоко, внешний блеск — вот что заботило его больше всего. Однажды Глория позволила себе утром появиться на работе в бигуди. Так Майкл заставил жену сделать ей внушение. Даже если никто больше не видел служанку, чистящую его ванну и выбрасывающую за ним мусор, Майкл непременно желал, чтобы она выглядела безупречно. Профессионально. Точно. Безукоризненно. Все должно быть выполнено именно так. Медный дверной молоток и черные лакированные двери должны блестеть. На лестничных панелях из прозрачного пластика,

установленных для детской безопасности, не должно быть никаких следов детских пальцев (совершенно невыполнимое условие, это может подтвердить любой, у кого есть дети). Мраморные полы должны быть отполированы до ощущения разлитых под ногами сливок. Каждое утро первой обязанностью Розы было вычистить изумрудно-зеленое покрытие на лестнице. Как она ни старалась, пылесос не справлялся с этой задачей. Став на четвереньки, она собирала микроскопические пушинки руками. Единственный, кто из прислуги был у Майкла на особом счету, — это Кармен. Наши вечерние обеды из трех блюд ничуть не уступали тем, что можно отведать в ресторанах Жака Ла Ривьере. Дважды в неделю Кармен пополняла запасы холодильника свежими продуктами, закупаемыми в лучшем супермаркете, и виртуозно превращала их в изысканное меню. Еда была низкокалорийной, но поистине восхитительной. Пекущийся о здоровье глава семьи высоко ценил кулинарные способности поварихи. Кармен не стеснялась использовать его благоволение в свою пользу. Джуди ворчала, когда она сидела на кухне, попивая «Гурман», в то время как все остальные хлопотали по дому. Кармен же не двигалась с места. Почему? Она знала, что ее работа — вне каких бы то ни было посягательств.

Майкл платил ей щедрое жалованье, но я знала, что Кармен сыта по горло своим особым статусом. Каждые пару лет она просила отпустить ее. У нее был собственный дом, жених, она хотела свою собственную семью. Хотела личной жизни. Но Майкл и слышать не желал об этом. Он разрешал ей отлучаться только на выходные. Ее жалованье держало ее в золотой клетке. Кармен сказала мне, что нигде больше не будут платить столько. И добавила, что злопамятность Майкла ей хорошо известна. Если она вздумает уйти, то ей не только не видать рекомендаций, но и вообще будет трудно найти работу. Я думаю, она сгущала краски. Но она имела на это право. Ведь ее выкрали прямо из кухни Нила Даймонда…

Уже к концу своей первой рабочей недели я стала тосковать по дому. Однажды ночью я открыла ящик комода рядом со своей кроватью и вытащила дневник, который родители Кристи подарили мне по случаю окончания школы. «Желания и Мечты» шла надпись через всю обложку, украшенную цветами. Я раскрыла его и в который раз перечитала короткое посвящение:

Сьюзи!

Пусть все твои мысли будут счастливыми, а переживания — важными вехами на жизненном пути. Мы любим тебя.

Джордж и Мэри-Энн

Внезапно я поняла, как далеки от меня те, кто любит меня и помнит ребенком. Здесь, в Голливуде, обо мне никто ничего не знал. Правда, у меня есть несколько друзей — Кармен, Делма, Сара, — но все равно я тут одинока. Наверное, пришло время осветить настоящее и начать записывать новую жизнь. Пока я жила в Голливуде, почти каждую ночь я возвращалась к этой тетради, чтобы излить поток своих мыслей и переживаний.

Я здесь уже неделю — и только теперь со всеми познакомилась, но мне все равно тоскливо. Я скучаю по своим друзьям, сестрам, маме и папе. И мне действительно не хватает Райана. Стараюсь не скучать. Пытаюсь. Каждый день один и тот же заведенный порядок. Ну, не совсем. Чтобы начать что-то, ты должна что-то закончить. Хотя думаю, что мой день никогда не заканчивается. Вот как он обычно проходит:

Поднимаюсь до 7.00, кормлю Брэндона, помогаю Кармен или Делме с завтраком для детей.

Помогаю Аманде и Джошуа одеться в школу.

Кармен упаковывает школьные завтраки; вмешиваюсь в неминуемые дебаты с Джошуа по поводу их содержимого.

Помогаю детям собраться, чтобы Джуди отвезла их в школу.

Занимаюсь с Брэндоном и развлекаю его, пока Аманда не вернется домой из детского сада в 12.30, а Джошуа — в 3.30.

Читаю детям книги, играю с ними или становлюсь жертвой видеомагнитофона. Благослови, Господи, Золушку!

Обедаю вместе с детьми и Джуди.

Укладываю Брэндона, помогаю брату с сестрой принять ванну и надеть пижамы.

Читаю детям на ночь книжку. (Иногда читает Джуди.)

Кормлю Брэндона из бутылочки, укладываю его спать.

Готовлю еще две бутылочки на ночь, ставлю их на лед и отношу в свою комнату. Приношу в комнату прибор слежения за младенцем.

Если Брэндон заплачет, тащусь к нему по коридору, где, слава Богу, нет красного луча от датчиков сигнализации. Баюкаю ребенка, пока греется бутылочка. Едва он высасывает последнюю каплю, вынимаю бутылочку и тут же сую ему в рот пустышку.

Повторяю весь ритуал с бутылками пару часов спустя.

Наступает утро. Все повторяется сначала.

А я и не знала, что вставать среди ночи к ребенку — часть моих обязанностей. Мне следовало спросить об этом раньше, а не задавать идиотские вопросы про шлепки! Нам не объясняли, как справляться с хроническим недосыпанием, — наверняка я бы

воспользовалась некоторыми советами, как обходиться менее чем шестью часами сна…

Вероятно, на эту пустую писанину я тратила драгоценное время, когда можно было поспать.

5
Ошеломленная и растерянная

Если у вас есть дети, вам придется переступить через себя.

Мадонна

Прошло немного времени, и мне стало чуть легче — благодаря Кармен, Делме и остальным. Мне разъяснили неписаные правила этого дома и подсказали, над какими промахами лучше посмеяться, а какие могут стать поводом для тревоги. Все видели, какой на мне лежит груз заботы, и сочувствовали. Когда из-за истерик Аманды я теряла самообладание, меня старались успокоить, что так было всегда. Если я впадала в депрессию из-за Джуди и ее бесконечных придирок — «Что это за машина припаркована перед нашим домом?», «Почему нет зеленого салата в холодильнике?» — меня успокаивали и тут, объясняя, что, каков бы ни был ответ («Я сегодня езжу на машине своего брата», «Салат в контейнере для овощей»), все равно он ее не устроит, и с этим ничего не поделаешь, к этому надо просто привыкнуть. Я была всем признательна за доброту, они мне — за мою сердечность. Я относилась к ним как к равным, и это их подкупало, из чего я заключила, что предыдущая няня ставила себя над остальной прислугой. Для меня — мы были друзьями.

Атмосфера в доме становилась гораздо менее напряженной, когда Джуди увозила детей в школу и возвращалась к вечеру. Тягостное чувство, что за тобой постоянно следят, на некоторое время исчезало, и мы позволяли себе некоторые вольности — не ходить же на цыпочках!

На смену дням полетели недели. Стало проще. Однако череда моих забот не кончалась, и я жила на грани стресса: не справляюсь, не справляюсь!

Приятельницы — тоже няньки, которых я встречала в парке, гуляя с Брэндоном, болтали всякое. Одна оказалась втянута в ожесточенные схватки при установлении опеки — каждый из враждующих родителей пытался склонить прислугу на свою сторону, чтобы та дала соответствующие показания в суде, хотя на деле ни отец семейства, ни мать особой добропорядочностью не отличались. Правда, я отмахивалась от подобных историй, считая их вопиющими. И переживать по другим поводам —

например, из-за отсутствия чувства удовлетворенности и собственной нужности — тоже не приходило мне в голову.

Да и времени, чтобы обо всем этом думать, у меня не было. Брэндон требовал постоянного внимания, как все младенцы, и я то кормила его, то вытирала отрыжку, то меняла памперсы. Я не имела ничего против этого. Мне нравилось с ним возиться. Он был еще такой маленький, что я целыми днями таскала его на руках по всему дому. Джуди же с большим удовольствием занималась со старшими детьми, и они к ней тянулись. Брэндона она в их компанию не брала, мотивируя это лишними хлопотами: прогулочная коляска, бутылочки и прочее — чересчур утомительно. Она ездила с детьми в «Диснейленд». Действительно здорово, хоть это и бывало не каждый день.

Мне же оставалась рутина. Хоть с тем же Брэндоном! Как многие другие обеспеченные семьи в Голливуде, Овитцы наняли сиделку в первые несколько недель его жизни. Она кормила его, меняла пеленки, баюкала… Теперь ее место заняла я — была ему почти матерью.

Я много с ним гуляла в Брентвудском парке. И многое видела. Здесь было прекрасно. И вокруг было много прекрасных домов. Эти дома наследовались, и богатство их хозяев приумножалось — это было заметно. По большей части эти усадьбы — часто за неприступными оградами — были расположены вдалеке от дороги. Вход в усадьбу охранялся — надежные ворота и система интеркома были почти в каждом доме. Кое-где шло строительство. Тут покупали дома «под снос»: особняки, стоившие миллионы долларов, ровняли с землей и на их месте возводили дворцы чуть не во весь земельный участок. Бесчисленные потоки строительной техники пересекали город, нарушая стройные ряды «тараканьих карет» — так здесь называли фургоны, развозившие горячую еду и напитки, — их было множество в каждом квартале, и привлекали они главным образом латиноамериканскую прислугу. Как-то я обнаружила, что совсем неподалеку — в Северном Рокингеме — находится имение скандально известного актера О. Джей Симпсона.

Я получала огромное удовольствие, тайно наблюдая за жизнью богатых и знаменитых.

Но случалось не только наблюдать. Джей Мэлони — из окружения Майкла — предложил мне однажды свои билеты на игру «Лейкерс»[37] — в свою очередь, он получил их от Майкла, но не мог ими воспользоваться. Мне? Два билета? Я набралась смелости и спросила у Майкла, могу ли пойти на матч. «Конечно. И почему бы тебе не взять с собой приятеля?»

Я ликовала. Наконец-то! Наконец я увижу город! Да и на

играх НБА бывать мне не приходилось. Поскольку в радиусе тысячи миль друзей у меня не было, я спросила у Майкла, можно ли взять с собой Делму. Майкл удивленно взглянул на меня, но согласился, протянув пропуск на VIP-парковку.

Исполненные восторга, мы с Делмой отправились навстречу нашему счастью в ее стареньком автомобиле. Едва мы прибыли к месту действия, появился служащий парковки, чтобы отогнать наш «драндулет» на стоянку. Я не знала, как себя вести. Что здесь принято? Нужно ли давать чаевые? Сколько? Сейчас или позднее? Моим последним опытом посещения зрелищных мероприятий был концерт Оззи Осборна в Портленде. Моя подруга Эми и я приткнули тогда наш «Норт-40»[38] между парковочной площадкой и цирком — нам не хватало денег на парковку у стадиона. На спортивных же мероприятиях я была впервые.

Делма, посмеиваясь, тут же принялась разыгрывать из себя «важную особу». О, я нашла друга! Решив, что с парковочным протоколом разберусь как-нибудь позже, я великодушно одарила парня огромными чаевыми в два доллара!

Дальше — больше. Наши места оказались сразу за скамьей гостей — игроки «Сиэтл супер сониксе» потели на своей лавке перед самым моим носом. Меня ничуть не волновало, что я не знаю никого из команды. Делма тотчас же обнаружила телевизионные камеры и весь остаток вечера провертелась, выясняя, на кого в данный момент нацелены объективы. На Джека Николсона, как обычно. Мы сидели всего в десяти креслах от него! Одним глазом я косилась в камеру. Каждый раз, когда она отъезжала назад, чтобы взять общий план, я представляла, какой фурор произведу в Коттедж-Грув…

К нашим местам был приставлен официант. Несколько раз он подходил к нам и вежливо осведомлялся, не желаем ли мы чего-нибудь. Меня будоражил вопрос: «Если у меня этот билет, действительно ли он считает меня важной персоной? Или он понял, что мы самозванцы?»

Так мы ничего и не заказали. Я не знала, включены ли напитки в стоимость билета, а спросить боялась. Денег же на двоих у нас было всего-навсего 8 долларов. Ох, хорошо. Приятно ощущать преимущество своего положения, даже если привилегии взяты напрокат. Кратковременное пребывание на этом «олимпе», как оказалось, пригодилось мне в будущем. Отныне я знала, где сидит Майкл. И годы спустя благодарила судьбу за то, что запомнила это. Так я хоть издали начала мельком видеть детей. Но это потом. Сейчас я была счастлива тем, что сижу в первом ряду.

Но не только приятные моменты довелось мне пережить на почве приобщения к чужому богатству.

Однажды утром в пятницу Майкл предупредил меня, что после обеда должны доставить картину из художественной галереи его нью-йоркского друга. С дилером, оформлявшим для Майкла эту крупную сделку, всегда обращались как с почетным гостем, предоставляя в его распоряжение, если он наносил визит с ночевкой, роскошные гостевые апартаменты.

Все, что от меня требуется, сказал Майкл, — это проводить работников службы доставки в гостиную и показать им, куда повесить картину. Джуди была где-то занята, у Кармен был выходной, поэтому Майкл объявил, что поручает дело мне и я должна отнестись к нему со всей серьезностью. Я знать не знала, сколько стоит эта вещь. Точкой отсчета до меня была одна из небольших картин в гостиной. Кармен как-то обмолвилась, что стоит она 750 000 долларов — столько, сколько зарабатывает большая часть жителей в Коттедж-Грув за всю жизнь.

Надо сказать, с живописными шедеврами мне еще не приходилось иметь дело. В представлении моего отца кубок, выигранный им в боулинг в далеком 1969-м, уже был художественной ценностью. То же наши часы в гостиной. Художественная коллекция моей мамы состояла из шерстяного снеговика, которого мы с сестрой смастерили для нее своими руками. Мое собрание предметов искусства состояло из снимка Джона Бон Джови — я заказала его через журнал «Тин» и держала в рамке на туалетном столике. С таким активом мне и предстояло выполнить ответственное поручение.

Майкл в тот день звонил, наверное, раз шесть, чуть ли не каждые полчаса. Все спрашивал, не привезли ли картину. Нет, еще нет. Я не выходила из дома, опасаясь пропустить доставку. Наконец ближе к четырем появился грузовик, и я открыла для него передние ворота. Двое мужчин вынесли из кузова деревянный ящик около шести футов длиной. Я указала им путь в гостиную, где они сразу начали орудовать гвоздодерами. Картина была обернута в пергамент, под которым оказался еще и толстый слой плотной черной бумаги.

— Куда вы хотите ее повесить, мисс? — спросил один из рабочих.

— Вот сюда. На эти крюки.

Я в нетерпении ждала, когда они снимут последнюю обертку, — очень было любопытно увидеть прекрасное творение мастера. Но рабочие подняли картину и осторожно повесили ее на стену. Почему они ее не раскрывают? Или им приказано оставить ее в таком виде? Возможно, Майкл хотел приготовить

сюрприз и планировал грандиозное открытие шедевра. Будет много шума, снимут черное покрывало, и он будет говорить о достоинствах последнего приобретения. Что ж, я решила ждать.

Миновало четверо суток. Никаких грандиозных событий. Состояние неизвестности меня убивало — почему они не разворачивают эту проклятую вещь? Что еще добавляло таинственности, так это специально установленные перед шедевром перила, выступающие приблизительно на три фута. Я слышала, как Майкл давал указания Кармен не разрешать девушкам (относилось ко всем взрослым женщинам в доме) прикасаться к картине, смахивать с нее пыль и даже дышать на нее. Правильно, это понятно. Но зачем держать ее завернутой? Этого я никак не могла понять. Но вопросов не задавала, чтобы не показаться неотесанной деревенщиной.

Наконец однажды вечером я случайно услышала разговор по поводу покупки. Это привело меня в замешательство. Разве они ее видели? Но…

О-о-о-х-х-х! Картина ничем не была прикрыта. Это было просто большое черное полотно! Ни пейзажа, ни цветных пятен, вообще ничего. Только черный холст. Я уловила моменты и исследовала картину более тщательно. Она состояла из трех панелей, и каждая была обтянута черной тканью. Может быть, там хотя бы было три различных оттенка черного? Я понимаю, что это нелепо. Но все же… Я так и эдак разглядывала шедевр, надеясь, что что-то щелкнет в моем мозгу и мне откроется тайный смысл, но этого не произошло. Мне ничего не оставалось, как сказать себе, что «художник-драпировщик», создавший эту штуку, должно быть, имеет некий скрытый феноменальный талант, оценить который могут лишь очень богатые…

Постепенно острота новых обстоятельств моей жизни начала сглаживаться, и к марту я почувствовала, что могу влиять на происходящее. Не могу сказать, что мы с Амандой стали друзьями, но она по крайней мере уже не швыряла в меня игрушками, когда я пыталась ее успокоить. Брэндон дарил мне обворожительные улыбки, надувая свои образцово-показательные щечки. Никто вокруг меня, слава Богу, больше не орал, чего не могу сказать об одной моей приятельнице. Каждый раз, когда мы встречались в парке, я ужасалась тому, как она выглядит: изможденная, под глазами темные круги. Мы были приблизительно одного возраста, но на вид она казалась старше. Единственное, что могло успокоить ее кричащего до колик малыша, — это усадить его в автомобильном кресле на бельевую сушилку, когда она работает. Вибрация действовала безотказно, и бедная девушка безвылазно торчала в прачечной, следя, чтобы

ребенок не перегрелся. Родители же были благодарны няне за ее находчивость и не думали ничего предпринимать.

Впрочем, проблем хватало и у меня. Однако далеко не все они были достойны того, чтобы обращать на них внимание. Мои работодатели думали иначе. И я искала как сумасшедшая какую-нибудь несчастную туфельку Барби, хотя Аманда несколько недель не играла с куклой и неизвестно, когда она взяла бы ее в руки. Я отчетливо поняла, что они погрязли в своем порядке и совсем не умеют радоваться жизни. Представляю, что бы они сказали о нашей семье, заглянув когда-нибудь к нам на вечерок: все пятеро, родители и дети, отплясывали рок, изображая из себя певцов на сцене, вместо микрофонов — ложки.

И я продолжала быть неисполнительной. Посудите сами: дети должны обедать строго в шесть. В те редкие вечера, когда Майкл возвращался рано, они хотели побыть вместе — и чтобы прислуга ничем о себе не напоминала. Исчезла. Испарилась! Замечательно. Но как я могу, скажите на милость, не обозначая своего присутствия, кормить Брэндона, менять ему рубашечки? Этого я не знала.

И сколько бы я ни убеждала себя в обратном, я скучала по Райану. Светловолосый, мускулистый Райан был немного похож на актера Мэтью Макконахи. Годом моложе меня, Райан все еще учился в школе, в выпускном классе. Мало того что я была старше, в моем отношении к нему было что-то материнское. Райан же исполнял при мне роль дерзкого, плохого мальчишки. Я не знаю, чем он хотел заняться после окончания школы. Мне казалось, он вряд ли захочет ломать семейную традицию и пойдет, как все у них, в лесорубы. Мы определенно двигались в разных направлениях. Однако мне совсем не хотелось, чтобы он завел себе кого-то. Хотела ли я встречаться с кем-то другим? Сказать трудно. Никто не привлек моего внимания, с тех самых пор, как Джош Эванс высадил меня из автомобиля, доставив из аэропорта к месту службы.

Вероятно, все это не имело значения — свободного времени у меня все равно не было. Пятилетний подопечный одной моей знакомой как-то на Рождество уселся Санта-Клаусу на колени и нашептал ему, чтобы тот устроил для его любимой няни свидание. Милый малыш! Да разве ж Санта может тут помочь?

Тем не менее я прекрасно видела, что Джошуа никогда ничего не попросит для меня у Санты-Клауса. Да и у кого бы то ни было тоже. Он вообще не начал относиться ко мне лучше. Все становилось только хуже.

Родители Майкла, Дэвид и Сильвия, жили в Вэлли. Иногда они приезжали навестить внуков. Я чувствовала себя уже гораздо

увереннее, но их присутствие всегда было мне в радость. Старшую чету Овитцев я полюбила с той самой минуты, как познакомилась с ними. Дедушка Овитц был спокойный, с небольшим брюшком, но колесики у него в голове крутились не переставая. (Кармен не преминула мне сообщить, что он занят какой-то работой, связанной с винным бизнесом.) Сильвия Овитц — о, это была самая настоящая еврейская мать, какими их обычно изображают. Сердце у нее было золотое. Ходила она в хлопчатобумажных трикотажных рубашках, расшитых стразами и блестками. Говорила не умолкая, так что деду и слово вставить было некуда. Единственный раз, когда ему это удалось, они повздорили. Но что это были за ссоры! Слушать их было весело. Обмен репликами походил на старомодную комедию. «Не начинай. Я говорю тебе, не спорь со мной». Было ясно, что они и дня не могут прожить друг без друга.

В один из их приездов Джуди и Майкл уехали. После обеда я зашла на кухню посмотреть, что там делает Джошуа. Он сидел один за столом и играл бруском сливочного масла. Оно уже начало таять. Он стащил с него обертку и бросил на пол. Я подняла грязную бумажку.

— Джошуа, оставь масло, — недовольно проворчала я. — Ведь ты же не можешь все его съесть!

— Могу! — вызывающе ответил он.

— Нет, не можешь! — повысила я голос, нарушив одно из незабываемых правил: не пытайтесь перекричать ребенка.

— Нет, могу.

— Нет, не можешь!

— Могу! — Джошуа вошел в азарт.

А я-то в своем ли уме? Иду на поводу у шестилетки! Надо что-то предпринять!

Я схватила его за руку, чтобы отнять это чертово масло, забыв, разумеется, другое незабываемое правило: быть умнее ребенка. Он резко отдернул руку:

— Отстань, дура! — Выскользнув, масло каким-то образом подлетело вверх и угодило ему прямо в щеку. — Ненавижу! Ты по-о-па-ла-а-а в меня м-м-маслом! — взвизгнул он и разревелся. Не желая остаться в долгу, он отер с лица то, что осталось от брикета, и запустил в меня. Желтая масляная каша влепилась в мои волосы… Еще лучше!

Угораздило же меня ввязаться в эту пищевую баталию!

Требовалось срочно взять ситуацию в свои руки. Сделать это достаточно быстро мне не удалось. На шум явился дедушка Овитц. Я доложила, что Джошуа забавлялся с брикетом масла, а потом бросил в меня, на что Джошуа завопил:

— Нет! Нет, она первая бросила! Первая!

Увы. Физиономия Джошуа вся была в масле. Дэвид перевел взгляд на мои волосы. Как объяснить ему всю эту нелепицу? Хотя дедуля Овитц иногда и имел грозный вид, человеком он был очень добрым и участливым. Но сейчас я готова была сгореть со стыда. Вытирая лицо Джошуа посудным полотенцем, он бросил на меня взгляд, в котором я прочитала: «Вам лучше знать».

Не стоит и говорить, что я чувствовала. И у меня не было никаких слов, чтобы объяснить — масло попало в его внука случайно.

И что еще хуже, я услышала:

— Может быть, вам стоит сделать перерыв, Сьюзи? Я сам поговорю с Джошуа.

Мне дают отставку?

Я вспыхнула. Можно ли нанести няне большее унижение? И все же, не скрою, отчасти я рада была улизнуть. Джошуа доставлял мне столько неприятностей! Возможно, совет пойти проветриться и остыть был не такой уж оскорбительный.

К тому же был уже девятый час. Я уложила Брэндона в кроватку, о Джошуа и Аманде — я была в этом уверена — позаботится бабушка Овитц. Я решила воспользоваться этой маленькой свободой и поплавать. Быстро натянув купальник и набросив сверху халат, я отправилась в бассейн. Надо было пройти по улице довольно далеко, до сверкающего прямоугольного оазиса. Рядом с ним был отдельный домик для переодевания и тренажерный зал. Я шла сюда впервые и заранее предвкушала удовольствие, которое получу от прыжка в голубую сияющую чашу. Уже от одной этой мысли страсти мои поутихли. Сейчас поплаваю и окончательно приду в норму, думала я. Само собой разумеется, надо было и голову помыть — мои волосы были все масляными.

Бассейн был небольшим, но желоб для спуска, как оказалось, с лихвой восполнял «изъян». Я не придумала ничего умнее, как съехать на животе, головой вперед. И-а-а-а-х! Желоб был значительно более скользким, чем я себе представляла. Разогнавшись, я не удержалась и, пролетев над манящей голубизной и почти не коснувшись ее, торпедировала бортик на противоположной стороне бассейна. Удар был сильным. Я тут же пошла ко дну, как мешок с камнями! Странно, что происходит в мозгу, когда думаешь, что умираешь. Большинство, наверное, вспоминали бы о своих любимых, о несбывшейся мечте. Меня пронзило вот что: «Боже, что они обо мне подумают? Запустила куском масла в ребенка, и это последнее, что я сделала в своей

жизни. Что за дурацкая смерть!»

Впрочем, жизнь тоже… Никогда больше я не пойду сюда одна! Называется, восстановила душевное равновесие! Я осторожно повертела головой — все на месте! — и вылезла из бассейна. На лбу вздулась и пульсировала шишка размером с шарик для пинг-понга. Я потрогала ее. Кровь! Мои пальцы были в крови…

Я не утонула. Но истеку кровью… Я представила себе завтрашние заголовки в «Лос-Анджелес таймс»:

Няня, обвиняемая в том, что кидалась маслом в шестилетнего мальчугана, очевидно, совершила суицид, чтобы избежать гнева суперагента Овитц.

Она совершила суицид, забросав ребенка маслом…

Меньше всего мне хотелось попасться на глаза дедушке и бабушке Овитц. Вернувшись, я крадучись проскользнула в свою комнату и прильнула к зеркалу. Кожа рассечена, а рана, хоть и небольшая, очень глубокая. И из нее продолжала сочиться кровь.

— Сьюзи, что с тобой? — услышала я дедушкин голос. Неужели я закапала кровью безупречный мраморный пол?

— Гм… мистер Овитц, я здесь, у себя. Я ударилась головой. В бассейне! — откликнулась я, надеясь, что он не станет подниматься ко мне.

Но нет. В свои шестьдесят он почти бегом взлетел по ступенькам и оказался в моей комнате.

— Ну-ка, ну-ка! — Он отстранил мою руку с полотенцем. — О Боже! Тут нужно зашивать. Немедленно!

Этого еще не хватало! Уж лучше бы я разрешила Джошуа съесть это масло! Может, и не заболел бы. Тогда я не пошла бы в бассейн и ничего бы не случилось. Вдобавок ко всему я видела, как расстроен несчастный Овитц.

Он держал меня за руку, пока доктор в травмпункте накладывал мне швы.

Хорошо бы снять повязку к приезду Майкла и Джуди. Я так и представляла себе, как через пару дней, когда они вернутся, Джуди будет недоверчиво качать головой. Как в тот раз, когда она случайно услышала, что я наставляю детей, чтобы те уважительно разговаривали с прислугой. Или как после моего похода в универмаг «Фред Сигал»[39], где я по ее просьбе покупала одежду для Брэндона. Я купила тогда три костюмчика. Она посмотрела на них и брезгливо поморщилась:

— Совершенно ясно, Сьюзи, что у нас с тобой абсолютно

разные вкусы.

Все, что случилось сегодня, только усугубит наши и без того напряженные отношения.

Их реакция, против моего ожидания, была совсем не такой, какую я ожидала. Дедушка Овитц тем же вечером рассказал все по телефону. Они нашли случившееся забавным. Никто и не думал метать гром и молнии!

— Сьюзи и Джош кидались маслом! — хохотала Джуди. — Забавно!

Это не было забавным! Я схватила трубку и попыталась дать объяснения, но они ее совсем не заинтересовали.

Я чувствовала себя глупее некуда. И была вконец расстроена. Но Джуди это, похоже, совсем не волновало. Странно, но она обостренно реагировала на то, что, на мой взгляд, вообще не заслуживает внимания! Вчера я несла Брэндона на руках купаться, сложив в корзинку для белья все необходимые принадлежности. Джуди, встретив нас, сокрушенно покачала головой и спросила, почему я с корзинкой. Я ответила, что собираюсь искупать малыша. Как еще можно было объяснить, для чего мне все эти полотенца? И что плохого в том, что я несу все в корзине для белья? Она лишь тяжело вздохнула и пошла себе дальше вверх по лестнице. То, как она на меня взглянула, заставило меня почувствовать себя уязвленной. Или колючкой в ее заднице! Она всегда всем недовольна. Кармен уговаривала меня не переживать. Джуди не была довольна ни одной няней! Должно быть, Кармен права. Джуди раза два действительно обмолвилась, как сильно ей досаждала «та няня», Летиция. Несмотря на то что ее очень любила Аманда!

Пожалуй, и в самом деле не стоит принимать все так близко к сердцу. Но как не принимать близко к сердцу, если кому-то не нравится то, что ты делаешь?

— Сьюзи, удар был нешуточный. Думаю, нелишне показаться специалисту. Мой доктор по иглоукалыванию тебя посмотрит, — предложил Майкл, вернувшись домой спустя два дня после событий.

— ???

— Ты могла защемить нерв, — разъяснил Майкл. — Береженого Бог бережет. Лучше показаться сейчас, чтобы потом не иметь проблем со спиной или шеей.

О, как мило! Я ответила, что очень ценю его участие. И он попросил Сару записать меня на прием на следующую субботу.

Я слышала об акупунктуре и раньше, но в самых общих чертах — Коттедж-Грув, собственно говоря, не был Меккой альтернативной медицины.

По прибытии в офис меня препроводили в маленькую комнату со столом — нечто среднее между средневековой дыбой и креслом парикмахера. Вошел доктор. Задал мне несколько вопросов о том, как я получила свое увечье, и велел мне лечь лицом вниз на кресло-дыбу. Я улеглась, после чего он поворотом какой-то ручки привел кресло в нужную позицию.

— Больно почти не будет, — предупредил он, натягивая хирургические перчатки и открывая ящик, полный коротких тонких игл. Я напряглась. Удивительно, но он был прав: больно не было. Меня удивило также, что он воткнул мне пять иголок в нижнюю часть спины и еще несколько в разные части тела, включая уши. И ни одной — в области шеи.

И тут пошли тревожные новости.

— Ага! — сказал он.

Мне не нравится, когда врачи говорят «ага».

— Что?

— У вас слабые почки, — произнес он деловито.

— С чего вы взяли?

Он со значением кивнул, игнорируя вопрос.

— Возможно, это результат того, что ваши родители находились в конфликте во время зачатия.

Час от часу не легче!

Нет, у меня широкие взгляды! Моя бабушка была, по сути, хиропрактиком — еще до того, как большинство людей узнали, что такое хиромантия. Но мысль относительно конфликтного зачатия, угрожающего теперь моим почкам, переварить было трудно. Это проблемы, гм… с недержанием? Кажется, это снижает мои шансы когда-либо выйти замуж? Я буду старой девой?..

Я покидала доктора, зажав в руке конверт с обратным адресом. В нем был счет — 75 долларов. Сумма изрядная. Но ведь это доктор Майкла? И Майкл предложил мне этот визит. Он даже организовал прием. Значит, он покроет расходы, поскольку страхование на случай болезни ни разу не обсуждалось.

Дома я положила счет на столик внизу у лестницы, где обычно лежала почта. У меня и в мыслях не было ничего, кроме как при первой же встрече с Майклом поблагодарить его и сказать, что я чувствую себя хорошо и не думаю, что у меня будут какие-либо проблемы. Я отмахнулась от того, что доктор предрекал мне провести всю жизнь на иждивении. Еще чего не хватало! Мучений мне и без того хватает!

На следующий вечер конверт появился на моем туалетном

столике. Странно… Наверное, его принесла сюда Роза, увидев на нем мое имя. Утром я вернула конверт вниз. Вечером он снова был у меня. Я спустилась вниз и положила счет на прежнее место, отметив про себя, что надо поговорить с Розой. На следующий день конверт со счетом был на моем столике… Это повторилось четыре раза, прежде чем мне удалось улучить момент и поговорить с Розой.

— Но, мисс Сьюзи, я ничего не клала на ваш туалетный столик, — сказала она со своим испанским акцентом.

О-о-о-х! Это Джуди! Это она упорно носила мне конверт!

Счет я оплатила сама. И так же, как о многом другом, никогда не упоминала об этом в разговоре с хозяевами.

6
Ничего, кроме работы

Никогда не думала, что, подобно многим, не смогу легко и быстро вернуться к работе. Но это так. А я-то думала, что шутя со всем справлюсь! Как заполошная я только и делаю, что ношусь туда-сюда, растрепанная… неодетая…

Мелисса Риверс[40]

Каждая неделя завершалась тем, что я оказывалась замурованной в стенах этого дома.

Соглашусь, «замурованная» — слишком сильно сказано. Но если в будни у тебя нет возможности никуда выйти вечером, а в субботу и воскресенье ты слоняешься где-то поблизости, то, по существу, это и означает, что ты безвылазно торчишь в одном и том же месте. Мысль о том, что я в ловушке, не давала мне покоя, и неразрешимость ситуации становилась все более очевидной. Уйти в пятницу вечером я еще не могла, поскольку ночью должна была следить за младенцем. В понедельник утром мне уже надо было быть на месте — к моменту, когда все просыпались. У меня оставалось сорок восемь часов благословенной свободы начиная с субботнего утра до вечера воскресенья — куда бы я ни отправилась, вернуться я должна была прежде, чем все лягут спать. Сигнализация непременно сработает и всех перебудит, если я вернусь поздно ночью. К тому же у меня не было машины.

Во время собеседования Джуди сказала, что мне будет разрешено пользоваться джипом «чероки». Такое великодушие было как нельзя кстати. Мне не хотелось пригонять свой более чем видавший виды автомобиль. Семья имела также «мерседес», «ягуар» и «порше». Проблема была в том, что с тех пор, как я начала здесь жить, они каждый уик-энд уезжали на джипе. На побережье, в Малибу, у них был дом. (Иметь второй дом в двадцати милях от первого казалось мне странным, но были еще и апартаменты в Нью-Йорке, за содержанием которых следила Джуди и тратила на это массу времени. Они особенно не распространялись по поводу жилища в Нью-Йорке, потому что, как мне сказали, если знакомые узнают о его существовании, непременно будут докучать просьбами разрешить им временно

там пожить, а это — лишняя головная боль. Ну не нелепо? Что за бедные родственники могли бы попросить воспользоваться их апартаментами?)

У меня не было даже велосипеда, на котором я могла бы колесить по городу, лавируя между автомобилями. Когда я попыталась объяснить ситуацию Джуди, она пожала плечами: ей жаль. Она просто упустила, что на джипе они ездят по выходным. И не любит, когда кто-то чужой садится за руль «мерседеса».

Поначалу это действительно не имело значения — у меня все равно не было в Лос-Анджелесе знакомых. Все мои дружеские связи были здесь, и мне не нужно было куда-то выходить, чтобы перебросится словечком. И кроме того, я очень уставала. По выходным я уединялась в своей комнате: читала, отсыпалась или писала в дневнике.

Если семья в это время была в сборе, я отваживалась покинуть комнату лишь для того, чтобы перехватить сандвич или печенье. В конце концов, это мое драгоценное свободное время, и я не хочу сталкиваться нос к носу со своим боссом. Мои понятия о семейном времяпрепровождении сводились к тому, чтобы вместе поиграть в «Монополию» или покататься по озеру на водных лыжах. Но отнюдь не к поездкам на лимузине в «Диснейленд», где через ворота вас провожает охрана, дабы вы миновали очередь. Видит Бог, я торчала в доме, как свинья на цветочной клумбе. И пряталась. У Майкла было правило — проводить выходные с семьей, и если они не уезжали на побережье, то толклись дома всю субботу и воскресенье. Я прислушивалась за своей дверью: если слышу, как отъезжает джип, иду общаться «со своими». Если же семья дома, я часами сижу у себя, не решаясь даже поинтересоваться, могу ли я взять джип.

Я убеждала себя, что должна организовать себе какое-то подобие личной жизни и не важно, как я это сделаю. Как-то, листая «Лос-Анджелес таймс», я увидела приглашение на отбор участников для телевикторины. В следующую субботу! А вдруг я выиграю сколько-то денег?.. Или даже автомобиль! Но в любом случае — это поступок. Я позвонила и записалась. Авось и подвернется какой-нибудь транспорт.

Вырядившись в свое «маленькое классическое» черное платье, я покатила на грузовичке, который выпросила у Розы. И ужаснулась, посмотрев в зеркало службы охраны, когда добралась до студии. На видавшем виды пикапе «шеви» не хватало переднего бампера, зато горделиво красовался номерной знак «Баджа-Мексико», прикрученный проволокой прямо к решетке радиатора. И не забудьте уродливый тент, хлопающий поверх открытого кузова. Я высунулась в окно и протянула охраннику

свою идентификационную карточку, болтающуюся у меня на «бриллиантовом» браслете. В этот момент мое лицо отразилось в зеркале — в милом обрамлении красных колокольчиков, прикрепленных по всему верху кабины, рядом с плюшевой игральной костью, болтавшейся на зеркале заднего вида.

— Удачи, мэм, — сказал охранник, возвращая мне документ, со странной улыбкой. — Вон под эту арку и далее по стрелкам к стоянке.

Элегантно тронуться с места мне не удалось. В порыве творческого вдохновения кто-то заменил наконечник рычага переключения передач бильярдным шаром, и рука скользила по его гладкой поверхности.

Через огромную щель в полу, откуда торчал рычаг, я могла видеть дорожное покрытие. Одной изящной ножкой я выжала сцепление, другой надавила на педаль газа. Потом я медленно отпустила сцепление, старый грузовик качнулся, резко дернулся и, наконец, набычившись, двинулся вперед, под арку, на которую указал охранник. Надпись «Максимальная высота 8 футов 6 дюймов» я оставила без внимания. Как оказалось — напрасно.

Протащив свою развалину до середины проезда, я услышала отвратительный звук: жесть скребла по бетону. Я подумала, что в машине не отлажен какой-то механизм, и бодро продолжила путь. О том, что у меня проблемы, я начала подозревать, когда взглянула в боковое зеркало и увидела искры, а затем почувствовала запах нагретого металла. Я потянула ручной тормоз и выскочила из машины, только чтобы убедиться: автофургон стал ниже на целый дюйм. Я подозрительно оглядела парковочную площадку в поисках команды «Скрытой камеры». Эх, не повезло им! Съемка получилась бы что надо.

Запечатлеть себя в кадре мне не удалось и далее. Ведущий программы, явно пытавшийся походить на Боба Баркера[41], оценивал конкурсантов по их энергии, энтузиазму и тому, насколько у них естественный смех. Мой искренний смех был для него, по-видимому, недостаточно искренним. Из студии я вылетела, будто мной выстрелили из пушки.

Отдышавшись, я включила зажигание, но тут же вспомнила, что грузовик попал в переделку. Что делать? И тут же меня, образно говоря, озарило: я достала шариковую ручку и, нажимая на вентили, выпустила из шин некоторое количество воздуха, чтобы грузовик стал на дюйм ниже. Жаль, что я не пробовалась на роль в сериале «Макгайвер»[42]. Позже, когда Кармен и Делма поинтересовались моим новым звездным статусом, я рассказала им всю историю. Они долго смеялись и утешили меня тем, что высказали предположение: я — кандидат для участия в «Гонг-

шоу»[43]. Может быть, мне действительно не стоило покидать надежных стен моего воскресного убежища…

Итак, чему я научилась сегодня?

1. Прежде чем выходить на публику, нужно тщательно продумывать свой гардероб.

2. Я не настолько общительна, как считала.

3. Мне нужно посещать какие-нибудь курсы публичной речи.

4. Не следует ездить на чужих автомобилях.

Этого пока будет достаточно.

Примечание: присоединиться к тем, кто умеет говорить тосты!

О том, чтобы побездельничать вечером в будни, нечего было и думать. Майкл, напряженно работая, один или два раза в неделю присылал кого-нибудь за Джуди, когда они оба должны были присутствовать на показах, благотворительных ужинах, церемониях присуждения наград или вечеринках с клиентами. Впервые наблюдая этот ритуал, я предположила, что случилось нечто экстраординарное: Джуди вдруг предстала в умопомрачительно красивом черном, расшитом блестками платье. Она казалась взволнованной, причесываясь перед зеркалом в холле в ожидании водителя. Я не удержалась от того, чтобы заметить, какое потрясающее у нее платье, и тут раздался звонок. Я подумала, что кнопку на главных воротах нажал водитель лимузина. Но, выглянув из-за шторы, обнаружила обшарпанный «фольксваген-жук». Он урчал на холостом ходу на подъездной дорожке.

Водитель, молодой парнишка, высунувшись в окно, помахал рукой и просигналил. Увидев меня, он заорал:

— Я должен забрать миссис Овитц! Я не могу заглушить мотор. Не могли бы вы ее позвать?

Впервые я посочувствовала Джуди! Золушка, страстно желающая попасть на бал, открыла дверь и вместо кареты увидела тыкву, изрыгающую выхлопные газы. Старенький «жук» с пыхтением подполз к ней по дорожке, мотор его работал с перебоями и, казалось, вот-вот заглохнет. Позднее я узнала, что Майкл имел обыкновение посылать за своей женой того, кто в данный момент был под рукой, независимо от того, каким транспортным средством тот располагает. Сегодняшний водитель был принят на работу в почтовое отделение всего три дня назад. Возможно, Майкл не знал, что он снимался в «Душителях с холмов»[44]. Однако в начале карьеры Майкл, как я слышала,

заказал для себя и своих партнеров новенькие «ягуары». Нечего и говорить: в Лос-Анджелесе ваше авто — это ваша визитная карточка!

Моя визитная карточка — детская коляска.

Были в моей жизни и другие «веселые» моменты.

Иногда Джуди могла днем уехать на джипе. Мне в этом случае ничего не оставалось, как изобретать альтернативный способ забрать детей из дошкольных учреждений. Джошуа ходил в детский сад Джона Томаса Дайе, эксклюзивное частное детское учреждение, расположенное высоко на холме. Аманда проводила полдня в группе трехлеток. Меня выручала Кармен. Я была ей очень благодарна, но сразу же поняла, насколько неуместен ее автомобиль на территории частной школы. «Короллу» цвета ржавчины, в которой я восседала, окружали «бимеры», «мерседесы», «ягуары», а иногда попадались и лимузины. Позвякивающий бампер, облезающая клочьями краска. Я следовала за парадной колонной породистых жеребцов и чувствовала себя доживающей век клячей. Чтобы двигатель не заглох, постоянно газовала, ломая голову, кто сдохнет первым — мотор (от возраста) или я (от конфуза).

Догадываюсь, что должны были думать окружающие: «Кто это, черт возьми? И почему она все время газует? Почему она вообще здесь? Что за оскорбительное зрелище! На территории школы! Неужели ничего нельзя сделать с этой… этой штуковиной? Я плачу пятьдесят тысяч долларов в год не за это! Кто-то должен позвонить директрисе!»

Я была уверена, Майклу даже и в голову не приходило, что его жена или дети разъезжают на груде металлолома, когда ему об этом думать с его плотным рабочим графиком, а машины, в конце концов, всего лишь доставляют людей из пункта А в пункт Б. Но была ли во всем этом логика? В этих правилах, нормах и ритуалах?

Я все еще не могла этого понять. Я продолжала совершать грубые ошибки, пытаясь придерживаться строгих правил, принятых в этом обществе. Делая все наугад, я часто переходила некую грань. Особенно это касалось информации. В Коттедж-Грув все знали, кто твои родители, где ты живешь, на каком автомобиле ездишь и не пронес ли тайно «Бад лайт»[45] на школьную дискотеку. Здесь же вы могли контролировать сведения о себе. Можно было скрыть какие-то подробности или, наоборот, придумать собственный образ по своему вкусу. Здесь не было миссис Марпл, чтобы она проникновенным голосом спрашивала, какого цвета у тебя волосы — грязно-блондинистые

или платиновые.

Майкл очень дорожил неприкосновенностью личной жизни. Не хотел, чтобы о нем судачили. Он не испытывал никакого желания видеть свое имя в отделах светской хроники. Более того, просто скрывал некие подробности своей жизни. Однажды, когда он был в тренажерном зале, зазвонил телефон. Узнав голос Дастина Хоффмана и подавив радостный вопль, я, как и должно было, хладнокровно сообщила, что у Майкла сейчас урок военных искусств и он перезвонит позднее. Я сообщила о звонке Майклу. Он недовольно поджал губы и слегка покачал головой. Оказывается, никто не знал о его занятиях айкидо. Что-то на эту тему просочилось недавно на страницы нью-йоркской прессы, однако он не хочет ее развивать. У меня не было сомнений — он раздосадован.

Майкл высказал все это мягко, спокойным тоном, приобняв меня за плечи. Я поняла, что он оценил мои старания, но что я должна быть очень осторожной, чтобы не наделать еще больших ошибок. Почему я не чувствовала себя свободной в его присутствии? И я знала, что не только я чувствую то же. Кармен как-то призналась мне, что, даже проработав здесь семь лет, продолжает испытывать в его присутствии некоторую скованность.

Забавно, что Майкл, при своем не слишком высоком росте, почему-то кажется огромным. Ему не приходится повышать голос. Весь его облик вызывает уважение. Если бы он приказал прыгать, ты бы не только спросил «Как далеко?» и «Насколько высоко?», но даже «Как долго вы хотите, чтобы я прыгал, сэр?». Может быть, это потому, что он всегда столь безупречно одет. Даже когда он возвращается с работы, его одежда выглядит накрахмаленной. Может быть, он заставляет Делму гладить ее?

Я продолжала узнавать все новые подробности о моем новом доме. Одна из них — почему в доме нет автоответчика или голосовой почты? У такого влиятельного господина — и такой рутинный способ связи с внешним миром, даже при условии, что номера его телефона нет на страницах справочников и звонят только «свои». Позднее я поняла бесполезность здесь любых электронных ухищрений. В доме всегда есть кому ответить на звонок. Однако Джуди частенько расстраивалась из-за путаницы с написанием имен звонивших: за исключением меня вся прислуга была испаноговорящей. Они с трудом писали по-английски и, видя неудовольствие Джуди, начали приходить ко мне с просьбой написать правильно. И я рада была помочь.

Конечно, я знала эти имена. Звезды звонили сюда каждый

божий день!

Ближе всех я познакомилась с партнером Майкла — Роном Мейером. Он не был знаменитостью — хотя внешне очень походил на Сильвестра Сталлоне. Доводилось мне разговаривать и со многими титанами киноиндустрии. И тем не менее я не была готова к звонку, который прозвучал в тот, особенный день. Трубку схватил Джошуа, оторвавшись на минуту от «Лучшего стрелка» — он смотрел его в сотый раз. Я ушам своим не поверила.

Том Круз!

В волнении я бросилась к телефону в кухне и, затаив дыхание, бесшумно подняла трубку.

— Привет, Том! Это Джошуа. Я как раз смотрю тебя в «Лучшем стрелке». Моя любимая сцена! Ты входишь в пике!

Я тоже готова была войти в пике.

— Привет, приятель! — весело ответил Круз. — Какая, говоришь, сцена?

— Ты говоришь: «Мне необходима скорость!»

Давясь смехом и прикрыв рукой микрофон, я продолжаю ловить каждое слово.

— А-а… это… — Голос Круза звучит не слишком радостно.

Они проговорили минут пять, Круз терпеливо отвечал на все вопросы Джошуа. Правда, у него были веские причины, чтобы быть вежливым. По существу, открыл и раскрутил его Майкл, так что, думаю, он действительно получал удовольствие от беседы с его сыном — своим маленьким поклонником. По некоторому шуму в трубке я понимаю, что он на какой-то вечеринке, однако закончить разговор все же не спешит.

Наконец он спросил, дома ли Майкл, и Джошуа завопил:

— Па-а-а-па-а! Ма-а-а-верик у телефона.

Это означало, что я должна немедленно повесить трубку. Мне очень жаль. Этот чудесный голос! Но чувства приличия и самосохранения заставляют меня сделать над собой усилие. Я аккуратно кладу телефонную трубку на рычаг.

Пару дней спустя Делма и Глория подошли ко мне, вовсю улыбаясь. У них для меня любовное послание. Какой-то Томас Круз. Правильно они все записали? Им нравилось подтрунивать надо мной. Ну да, Том Круз был моим маленьким увлечением, и оно только усилилось, после того как я услышала его голос почти вживую. Может быть, он как-нибудь нанесет визит? Представляю, какая у моих подруг будет замечательная возможность повеселиться потом.

Все больше я узнавала и о недавнем прошлом семьи Овитц. Кармен также была близка и с предыдущей няней, Летицией, — она вынянчила Аманду. Но между Легацией и мной была еще

одна девушка, та самая, которой хватило лишь только на два месяца. Кармен сказала о ней — «заносчивая». Должно быть, ей тут было очень одиноко — я представила себе, что рядом со мной нет ни Делмы, ни Кармен. Как эта девушка обходилась без их дружеской поддержки, не могу и вообразить. Но все же я начала понимать, почему она так быстро ушла от Овитцев…

Еще я узнала от Кармен, что Легация и Джуди повздорили, да так, что Джуди, по сути, прогнала няньку, пригрозив, чтоб та больше не появлялась в этом доме. Спустя несколько недель Летиция позвонила Кармен. Она хотела видеть Аманду и просила ей помочь. Джошуа не должен был знать о встрече, чтобы не проболтался. Кармен боялась впустить Легацию, поэтому встреча должна была состояться за пределами дома. Как же они обе решились так нагрузить трехлетнюю малышку? Ведь и она должна была держать в секрете от родителей эту встречу!

Потом я увидела, как они встречаются. Кармен сообщает Аманде, что ее ждет Летиция. Девчушка со всех ног несется к воротам. Несется так быстро, как только могут ее маленькие ножки. Там, словно у тюремной стены, стоит Летиция, полная латиноамериканка, ухватившись за чугунную ограду, просунув между прутьями лицо. Мое сердце так и упало. Глаза женщины сияли счастьем. Вряд ли я тогда могла предположить, что такое может случиться и со мной. Что я тоже когда-нибудь окажусь в числе тех, кого вычеркнули из сердца.

Я стараюсь соблюдать правила и потому каждое утро спрашиваю Джуди, не хочет ли она покормить Брэндона. Она отвечает, что у нее сейчас нет времени. Я задаю свой вопрос все последние пять дней и каждый раз слышу: нет времени. А что, если она испытывает неловкость от того, что она не может покормить сына? Может быть, надо прекратить задавать ей этот вопрос?

Довольно часто ноги сами несли меня к Кармен. Пока она стряпала, мы болтали. Я лениво следила за тем, как она помешивает ложкой какой-нибудь суп и улыбается, тихонько мурлыча себе под нос. Но однажды я не поверила своим глазам: колдуя над супчиком, Кармен как ни в чем не бывало с довольным видом сыпанула в кастрюлю приличную порцию соли!

Изумленная, я резко подняла голову. Майкл гордится тем, что ему удается поддерживать отличную физическую форму. Не дает себе поблажек на тренировках; у него черный пояс, и он неукоснительно соблюдает диету. В то, что он ест, абсолютно не допускаются соль, масло, приправы и любые жиры. Майкл и

Джуди следили и за детской диетой. Обезжиренное молоко и крошечные кусочки сливочного масла (только для аромата), никаких жареных цыплят, «биг-маков» или шоколадно-молочных коктейлей. Их «Хэппи-милс» состояли из запеченной меч-рыбы и фруктового напитка из цитрусовых.

— Кармен! — ужаснулась я. — Ты кладешь соль?! А разве…

Кармен не отозвалась, продолжая помешивать суп и улыбаться. Мало того, она добавила еще немного соли!

— Малышка Сюзита. Наш Мигель, — так она называла Майкла за глаза, в лицо же величала «мистер Овитц», — не стал бы есть и половины блюд, которые он просит меня готовить, если бы я не добавляла немного специй, — наконец сказала она, посмеиваясь. — Ему нравится вся моя стряпня! Я кладу в нее все, что считаю нужным, чтобы сделать ее muy bien[46]. А потом говорю ему, что все так вкусно, потому что я такой хороший повар.

— Не может быть! — вскричала я. — Он же думает, что он на диете!

Что, если бы он обо всем этом узнал? Наверняка бы уволил. Я ни за что не решилась бы на что-либо подобное. Кармен же и не думала беспокоиться. По ее мнению, если вся эта низкокалорийная диета и была важна для Майкла, то уж никак не для Джуди.

Кармен действительно отличная повариха. Но когда дело доходило до званых обедов, шоу устраивали профессиональные фирмы — организаторы банкетов. Я так много слышала о любви Майкла к приемам, что сгорала от любопытства, предвкушая свой первый светский раут. Кармен показала мне список гостей. Я жадно пробежала его глазами…

Майкл и Джейн Эйснер. Я уже встречалась с ними. Это очень хорошие друзья Майкла, у них какие-то большие дела с Диснеем.

Ирвин и Марго Уинклер. Я отметила для себя, что надо позвонить домой и сообщить, что мистер Артур Фонзарелли[47] собственной персоной пожалует на обед. Мы с сестрами в детстве были фанатками «Счастливых дней». Этот парень Ирвин — скорее всего Генри Уинклер.

Стив Мартин и его жена Виктория. Кажется, это актриса, предположила Кармен. Я никогда о ней не слышала.

Шон и Мишелин Коннери. Миссис Коннери однажды долго добивалась от меня, чтобы я пригласила Джуди к телефону. Джуди отсутствовала, но она настойчиво повторяла мне, кто она такая, продолжая просить, чтобы я соединила ее с Джуди. Словно я ее личный секретарь! Я, наверное, раз пять повторила ей, что миссис Овитц действительно нет дома. Наконец она повесила

трубку, страшно раздосадованная.

Барри Диллер[48]. Я никогда о нем не слышала. Может быть, это муж Филлис Диллер?

Диана фон Фюрстенберг. Нет сомнения, это дизайнер одежды.

Аарон и Кэнди Спеллинг. Ну, этого-то я знаю! Еще девочкой я очень любила смотреть «Ангелов Чарли».

Барбара Уолтерс[49]. Последняя по списку, но, конечно, не по значимости.

— О Боже, надеюсь, Майкл не посадит меня рядом с Барбарой Уолтерс! — в который раз восклицала в день приема Джуди. — Пусть бы он посадил ее рядом с Джейн! Она гораздо более начитанная…

Вот это удар! Безусловно красивая Джуди производила впечатление очень умной, и, уж конечно, общаться со знаменитостями ей не привыкать. Откуда же такая неуверенность в себе?

В столовой на расстоянии нескольких футов друг от друга стояли два квадратных мраморных стола. За каждым могли разместиться восемь человек. На званых обедах обычно присутствовали от восьми до шестнадцати человек. Майкл был известен тем, что любил «тасовать» гостей. Иногда он пересаживал их прямо посреди блюда, независимо от того, закончили они есть или нет. Интересное пристрастие — смешивать личности и темы разговоров. Подозреваю, Джуди нервничала именно поэтому. Она подозревала, что вероятность того, что она в конечном счете будет сидеть рядом со знаменитой и начитанной мисс Уолтерс, была высока. Оказалось, у нее нет выбора, где сидеть на собственном приеме! Все решал Майкл.

До того как начали прибывать гости, Джуди попросила меня сфотографировать ее вместе с Майклом. Он остановился на секунду, пока я соображала, как обращаться с камерой, и вдруг услышала:

— Не стой так близко.

На Джуди был очень красивый свитер из белой ангорской шерсти. На черном костюме Майкла от него могли остаться ворсинки.

— Что я должна делать? Не приближаться к тебе весь вечер? — не сдержалась Джуди.

Он бросил на нее взгляд, который говорил: «Именно! Никакого ворса на моем костюме». Ох!

— Улыбнитесь!

На приеме я отнюдь не должна была выполнять роль

фотографа. Предполагалось, что я буду сидеть в гостиной с детьми. Джошуа, маленький комедиант, то и дело бегал в столовую — поболтать с гостями. Официанты пару раз приносили нам закуску. Знаменитости тоже заглядывали сюда, чтобы взглянуть на детей. Я была в нерешительности — остаться ли мне в своих обычных футболке и шортах или одеться понаряднее? Однако глупо сидеть с детьми облаченной в вечернее платье (правда, его у меня все равно не было), так что я осталась в шортах. Перед тем как гости сели за стол, я привела детей, чтобы им пожелали спокойной ночи. Затем я должна была отвести их спать — прямо как Мария в «Звуках музыки»[50]. В некотором смущении вошла я в столовую с Брэндоном на руках. Глупая дворняжка, явившаяся на чванливое дог-шоу чистокровных собак!

Но в тот вечер, во время этого первого своего «выхода» я смогла поупражняться в непринужденном общении со знаменитостями — словно они никакие не знаменитости, а вполне обычные люди. Я равнодушно и спокойно перекинулась парой слов со Стивом Мартином. Однако его жена прервала нас, начав выговаривать ему за то, что он ел орехи кешью. Безумно тяжелая и жирная еда.

— О, разве они не полезны для здоровья? — ребячливо изумился Стив, будто дитя, которого мать распекает за провинности. Он разыгрывает жену? То, что она его ничуть не разыгрывает, — это абсолютно ясно. Она так посмотрела на него и с таким видом повернулась на своих тонких каблуках, отходя прочь, что не возникало никаких сомнений — она не на шутку поглощена проблемой сжигания калорий.

Выяснилось, что Уинклер не имеет никакого отношения к «Счастливым дням». Он продюсер большинства главных хитов, начиная с фильмов «Рокки». А Барри Диллер, главный управляющий компании развлечений, вовсе не муж Филлис. Это было здорово, так как он встречался с модной мисс фон Фюрстенберг. Барбара Уолтерс отменила свой визит. Хозяйка была спасена, я же — разочарована: мне удалось всего лишь поговорить с ней по телефону. Я с детства была большой поклонницей «20/20»[51]. Если быть откровенной, именно это шоу моя мама винила в том, что я начала проявлять чрезмерный интерес к людям.

Однажды вечером Майкл пригласил Дастина и Лизу Хоффман посмотреть фильм. Едва замелькали первые кадры, мистер Хоффман принялся давать комментарии — то ли для себя самого, то ли для своей жены, и сказать затрудняюсь.

С семейной традицией кинопросмотров я познакомилась вскоре после моего первого «выхода». Это был ежемесячный

ритуал предварительного показа фильмов для семьи и ближайших друзей. В одной из комнат с потолка спускался исполинский экран, и приходил специальный сотрудник, чтобы управлять громадным проекционным аппаратом из маленькой комнатки за стеной. Настоящий кинотеатр в миниатюре. Меня всегда весьма благожелательно приглашали присоединиться к просмотру.

Это была прекрасная возможность воспрянуть духом, но я и тут чувствовала себя в напряжении. Вжавшись в сиденье на кушетке между проектором и стеной, я терзалась опасением, как бы моя голова кому-нибудь не мешала или не проецировалась на экране.

— Персонажи начинают плакать раньше, чем мы! — выкрикнул Хоффман.

Я сделала вывод, что это не хорошо. Он встал и ткнул пальцем в экран, как будто хотел сцепиться с кем-то, кто с ним не согласен.

Дальше продолжалось в том же духе. Казалось, что сидишь в кинотеатре рядом с бесцеремонным олухом, который либо уже видел этот фильм и теперь хочет поведать о нем остальным, либо видит его впервые и предлагает направление критического разбора. Может быть, Хоффман в плохом расположении духа? После пространного комментария чуть ли не каждой сцены он замолчал, бросив напоследок: «Плохая картина!» — и вышел из комнаты. Майкл и Джуди потрясенно переглянулись.

Я никогда не слышала, чтобы кто-то разговаривал с Майклом подобным образом. Это было так не похоже на мое собственное поведение — каждую секунду бояться ошибиться, расписаться в своей некомпетентности!..

Однако неожиданно я была приятно удивлена. Как-то поздно вечером я спускалась по лестнице за бутылочками для Брэндона. В гостиной разговаривали Майкл и Джуди. Услышав свое имя, я перегнулась через перила и начала прислушиваться, рискуя свалиться вниз. Я даже убрала волосы за уши, стараясь уловить каждое слово.

— Как работает Сьюзи?

— От той последней девушки она отличается, как день от ночи, — ответила Джуди. — Все замечательно.

Я не ослышалась? Кровь застучала у меня в висках. Я мучилась недостатком теплоты и общения и воспринимала его как выражение неудовольствия. Я неправильно ее истолковывала? Я все понимаю неправильно? На самом деле у нее нет ко мне претензий?

Тут дети начали кричать, и остального я не услышала.

7
Преступления и наказания

Надеюсь, что благодаря детям я избавлюсь от своего тщеславия. Чтобы расти, ребенку необходимо грудное молоко. Мы все должны признать это.

Гвен Стефани[52]

На следующий день, когда я с детьми играла в «Кэндиленд»[53], в гостиную вошла Джуди и объявила: Майкл готов заплатить за то, чтобы я нарастила себе ногти. Если я хочу иметь ногти, как у нее, она пошлет меня к своей «девушке».

Как это любезно! У Джуди безупречные акриловые пластины. Правда, еще не известно, как за ними ухаживать. На худой конец, с ними можно и расстаться. Впрочем, волноваться рано. А так я, может быть, избавлюсь от своей всегдашней привычки грызть ногти.

— Я бы очень хотела, — ответила я быстро. — Спасибо, миссис Овитц.

— Мы не поедем на побережье, и ты можешь взять джип, — продолжила она.

Я остолбенела. Так, значит, я правильно расслышала их вчерашний разговор? Джуди прониклась ко мне благосклонностью! Дела определенно имеют тенденцию к улучшению.

Утром Джуди вручила мне ключи от машины вместе с адресом салона. Но не успела я проехать и четырех кварталов, как раздались короткие сигналы полицейской сирены. Я подняла глаза. В зеркале заднего обзора я увидела быстро приближающиеся красные огни. О, мой Бог, что я опять натворила?

Ехать быстрее двадцати миль в час по улицам Брентвуда запрещено, а с моей позорной полицейской историей и подавно. Черт подери! И лицензия! Я ведь не поменяла мою орегонскую на калифорнийскую. Срок уже упущен. Неужели штраф?

Я не могла себе этого позволить! Сердце мое застучало: представила себя в наручниках, приткнувшуюся в заднем отсеке полицейской машины. Далее пошли картины: и вот меня выпускают из тюремной камеры, чтобы я могла сделать один

телефонный звонок. Кому я буду звонить: маме или Кармен? Мое сердце трепыхалось в грудной клетке, как пойманный мотылек. Я представила себе джип: его затаскивают на эвакуатор и увозят куда-то на штрафную стоянку в недрах Лос-Анджелеса.

— Пожалуйста, водительское удостоверение и регистрацию, мэм, — прервал офицер мои кошмарные видения.

— Гм, да, они у меня где-то здесь, сэр. Сейчас посмотрю в коробке с игрушками, — ответила я, начиная поиски.

— Где-где? — переспросил он.

— Ох, простите, в бардачке! — Мысленно я сделала зарубку, надо обязательно спросить отца, не было ли это семейным термином. Неужели здесь все не так, как в Коттедж-Грув?

Лучше-ка я скажу офицеру, что забыла лицензию дома. И дам ему адрес семьи Овитц. Выйдет, как будто я проживаю в Калифорнии. Тогда он только выпишет мне квитанцию за нарушение правил дорожного движения. Если же я дам ему мою орегонскую лицензию, он тут же узнает про все мои подвиги, и мне не миновать облачения в полосатую арестантскую робу. Все это вихрем пронеслось у меня в голове.

Но офицер сказал:

— Разве вы не знаете, что ваши номера не действительны?

— Гм, нет, офицер, я не знала. Это не моя машина. Она принадлежит моему боссу. Мой босс — Майкл Овитц.

Я специально подчеркнула фамилию. Сработает ли? Я скрестила пальцы.

— Тот самый? — удивился офицер. Как будто в городе было несколько Майклов Овитцев.

— Да.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста!»

— Ладно, — снизошел офицер. — Я делаю вам устное предупреждение.

«Спасибо! Спасибо! Спасибо!»

— Передайте мистеру Овитцу, что ему необходимо продлить срок номерных знаков. Счастливого пути!

И он, слегка прикоснувшись к своей шляпе, пошел назад к машине. Ура! Мое сердце забилось ровнее и постепенно приобрело отличный ритм. Я выжала сцепление, тронулась с места и влилась в дорожный поток. Неужели подействовало? Магия громкого имени! Впервые в жизни меня остановили за рулем и не вручили квитанцию!..

По пути к салону на Хилман-авеню я проезжала — лучше сказать, кружила — по Брентвуду, Санта-Монике и затем Пасифик-Палисайдсу. Когда я добралась по нужному адресу, оказалось, что это в старой части Лос-Анджелеса. Я здесь ничего

не знала. Как и в тот раз, когда я искала вожделенный институт, мои ожидания оказались обманутыми. Передо мной был архитектурный монстр. Старый многоквартирный дом. Краска на его стенах облупилась, и выглядел он обветшалым. Неужели Джуди действительно отсюда привозит свои прекрасные ногти? Такого я не могла предположить. Но ошибки нет. Я прибыла точно по адресу.

Я поднялась на два лестничных марша и постучала в квартиру номер 223. Дверь открылась, и в лицо мне ударила волна горячего воздуха с сильным запахом тяжелого парфюма. Я едва устояла на ногах. Хорошо бы мне тут не задохнуться! Помещение было тесным. Скорее всего однокомнатная квартира.

— Ты, должно быть, Сьюзи, — сказала женщина, открывшая мне дверь.

Мои мечты окончательно рухнули — я все же надеялась, что тут какая-то ошибка.

— Заходи, дорогая! Входи, входи. А то сквозняк.

Я осторожно ступила внутрь. Одно из окон было закрыто картоном и заклеено скотчем. А женщина, испугавшаяся свежего воздуха, была необъятных размеров. Из ее черной безрукавки торчали мясистые руки. Ягодицы и бедра красноречиво рвались наружу из черных лоснящихся брюк, растянутых сверх всякой нормы.

— Иди сюда, дорогая. Садись. Давай-ка взглянем на твои ногти! — Она ловким движением подкатила и уместила между нами лоток со всем необходимым.

Спустя два часа я любовалась на свои новенькие аккуратные ноготочки. Выглядели они изумительно. Но… Неторопливое пребывание в душистом салоне… Где все это? Я представила себе Джуди в этих облезлых стенах, на этой оранжево-зеленой кушетке, в удушающем запахе растворителей. Лишь бы сэкономить несколько баксов на своих акрилах.

Майкл предложил заплатить за мои ногти? Я оценила это. Дареному коню в зубы не смотрят…

Два ногтя вскоре сломались. Я съездила по уже известному мне адресу, и женщина в черных спандексах немедленно восстановила их. Поблагодарив ее и думая, что расходы будут оплачены со счета Джуди, я уехала, не расплатившись. Следующий мой визит состоялся после того, как я сломала еще несколько ногтей. На этот раз, после всех манипуляций, мастерица доложила:

— Ты задолжала мне четыре бакса.

— Что? Разве Джуди не заплатила?

— Извини, детка, нет. Ты должна мне два бакса за прошлый

раз и два — сегодня. Миссис Овитц сказала, что не собирается оплачивать сломанные ногти, она платила только за их изготовление. Думаю, она считает, что раз ты их сломала, то должна и заплатить.

Я дала ей четыре доллара и щедрые чаевые. А на свои ногти махнула рукой. В любом случае это очень непрактично.

Это не укладывается в моей голове! Вся история с ногтями — непонятная. Хотелось бы знать, почему Джуди была уверена, что я заплатила 2 доллара. Кажется, она боится, что я обману ее. Держу пари, она не разговаривала с Майклом об этом, потому что именно он предложил сделать мне ногти в качестве небольшого подарка, и я знаю, его не стали бы волновать два бакса. Думаю, он хотел показать, что высоко ценит мою работу. Я думаю, Джуди похожа в этом на Опру, которая до сих пор покупает накладные ресницы в «Уолгринс»[54]*. Догадываюсь, что она не была такой бедной, как Опра в детстве, но я знаю также, что она выросла совсем не среди такого количества денег, каким окружена сейчас. Кажется, деньги — это территория Майкла. Поэтому она, возможно, чувствует, что есть только одна область, где она может распоряжаться, — оплата наемной прислуги. Кармен говорит, что так было всегда, и не надо принимать это на свой счет. Все это кажется мне достаточно грустным.*

Несколько недель спустя Джуди и Майкл позвонили с яхты на Средиземном море, куда они отправились на неделю в круиз с друзьями.

— Здравствуйте, резиденция Овитцев. У телефона Сюзанна.

— Здравствуйте, говорит оператор международной связи. Звонок от мистера и миссис Овитц.

— Да, пожалуйста.

— Говорите, сэр. Тариф — три доллара пятьдесят два цента в минуту, — произнес оператор.

Майкл первым взял трубку, связь была отвратительная.

— Сьюзи, мы звоним откуда-то из Средиземного моря. С моей коллекцией все в порядке?

«Он действительно спросил это, или мне показалось?»

— Да, мистер Овитц. Все отлично. Брэндон спит, Аманда и Джошуа гуляют, — ответила я ему, но связь прервалась.

— Я не слышу тебя, Сьюзи, плохая связь. Все в порядке?

— Да, сэр. Все хорошо.

— Мы можем поговорить с Джошуа?

— Да, конечно. Он на улице. Подождите минутку.

Я положила трубку, выбежала на улицу и позвала Джошуа.

Прошло две или три минуты, пока он подошел к телефону.

— Алло, вы еще там, мистер Овитц?

— Нет, Сьюзи! Это Джуди! — рявкнула она. — Ради Бога, где Джошуа? Этот звонок обойдется нам в целое состояние!

Она наскоро поприветствовала сына, и Джошуа передал мне трубку.

— Алло, миссис Овитц. Аманда…

Буззззззззз. Линия умерла. Она положила трубку!

Я попыталась проанализировать ситуацию.

20 000 долларов — стоимость круиза. Родители не раздумывают.

15 долларов — стоимость звонка, чтобы узнать, все ли в порядке с детьми. Родители считают это слишком большими расходами.

Я в полном недоумении.

Логика расходования денег в этой семье мне непонятна. С одной стороны, Джуди заставляет Делму выводить пятна с дешевой футболки Брэндона, вместо того чтобы купить новую. В то же время они тратят деньги непонятно на что, как будто чеканят, их на чердаке. В какой-нибудь званый обед могут вбухать и 12 000 долларов — даже глазом не моргнут. Как они решают, что важно, а что нет?

Через несколько дней — Овитцы еще не вернулись — я зачем-то спустилась в прачечную. Мой взгляд упал на утюг в руках Розы. Боже, что это был за уродец! Шнур его был таким старым, что сквозь изоляционную ткань я могла видеть оголенные медные провода. Не хватало только пожара в доме! Не думаете о домочадцах — подумайте хотя бы о своей коллекции!

— Ради Бога, Роза, нам нужен новый утюг! Они, должно быть, не знают, что этот в таком состоянии.

— Ты забыла, как мисс Джуди относится к деньгам? — отозвалась Кармен с другого конца помещения.

— Помню, но я уверена, что им просто невдомек. Я схожу в магазин, где у них счет, и куплю новый. Не сомневаюсь, все будет хорошо, — произнесла я с большим апломбом.

Я действительно отправилась в магазин и купила утюг. Старый, обмотав его истрепанным шнуром, препроводила в мусор.

Через два дня, когда вернулись хозяева, я услышала, как Джуди в холле разговаривает со своей подругой Джейн.

— Они, наверное, задались целью потратить все мои деньги, — жаловалась Джуди.

— Миссис Овитц, это я купила новый утюг! — бросилась я объяснять.

Молчание.

— Я решила, что нам нужен новый утюг, — твердо заявила я. Таким образом, мои друзья не будут казнены на электрическом стуле, а художественные ценности не обратятся в пепел.

— Мы могли бы просто заменить шнур, — произнесла наконец Джуди. — У тебя остался чек, Сьюзи?

К счастью, Кармен извлекла старый утюг из груды мусора до того, как его успели вывезти.

Она знала Джуди гораздо лучше, чем я.

По счастливой случайности чек сохранился, и утюг удалось вернуть. Из г. Юджина мне позвонила моя лучшая подруга Кристи, где она училась на первом курсе Университета штата Орегон. Ей пришла в голову мысль навестить меня во время весенних каникул. Наконец какая-то кампания! Я была в восторге. Джуди разрешила Кристи остановиться у нас. Надо было видеть лицо Кристи, когда она разглядывала «Голливуд» изнутри. Она как раз читает Даниэлу Стил. И поражается: как все похоже!

Я провела для нее экскурсию по дому, картинной галерее и прилегающей территории. Садовники подстригали кустарник. Мы помахали им. Они нам тоже. Потом я привела Кристи в гараж. Вот они — черный «ягуар», черный «мерседес» и особенно любимый мной «порше». Я небрежно повела рукой, как это делает ведущая Ванна Уайт в «Колесе Фортуны». Я очень старалась быть спокойной и невозмутимой.

И тут включилась автомобильная сигнализация.

Ваааааа! Ваааа! Ваааа! Вуууууп! Вууууп! Вууууп! Ваааааа!

— Черт! Неужели это я? — застонала я.

— Должна приехать полиция? — испугалась Кристи.

— Надеюсь, нет! Оххх! Но как же это вышло?!

Прибежали садовники с секаторами в руках. Потом примчались из дома Кармен и Делма.

— Сю-зи, ты опять? — не сдержалась Делма. (Ладно, ладно, это уже в третий раз по моей вине воет сирена.)

— Да! Майкл и Джуди убьют меня!

Вой продолжался… Ваааааа! Ваааа! Ваааа! Вуууууп! Вууууп! Вууууп! Казалось, звук становится все громче. Или это мое воображение? О чем я только думала, размахивая руками перед капотом «порше»?

— Я чувствую себя круглой идиоткой! — проорала я, пытаясь перекричать сирену.

— Ты не идиотка! — прокричала мне в ответ Кармен в самое

ухо. — Со мной тоже такое случалось. Здесь повсюду натыкана сигнализация. Ты просто еще не привыкла.

— Я знаю, что делать! — крикнула Делма. — Выходите отсюда! Я сейчас позвоню Саре и спрошу, как это выключить. И потом включить. И Майкл не узнает, что это сделала ты.

Мы выбежали из гаража и закрыли за собой дверь. Слава Богу, вой стал не таким жутким.

Делма обняла меня за плечи.

— Что бы там ни было, Суу-зита, мы вместе. Семья внутри семьи, понимаешь? Всегда кто-то поможет.

Однако друзья не могли выручать меня из беды каждый раз. На третий день после приезда Кристи мы отправились гулять с детьми. Маленький Брэндон раскинулся в своей огромной старомодной английской коляске — кинозвездные мамочки, завидев ее, каждый раз не преминут высказаться. Джошуа и Аманда шли по обе стороны от «кареты». Вдруг Джошуа решил повезти коляску сам. Я колебалась, но он настаивал, и я наконец сдалась, чтобы избежать неминуемой сцены.

— Только одну минутку, — предупредила я. — Коляска большая и тяжелая. Она не рассчитана на то, чтобы ее катали маленькие мальчики.

— Я не маленький!

Умная девочка! Назвать мальчика — маленьким! Да училась ли ты в институте, душа моя, сказала я себе.

— Я знаю, ты не малыш; я забыла. Ты большой мальчик, — опомнилась я, молясь, чтобы лесть сработала.

— Я не маленький мальчик! — продолжал свое Джошуа.

— Ладно, Джош, прости меня. Вот держи!

Я остановилась и пропустила его впереди себя. Он взялся за ручку и покатил коляску. Быстро, быстрее, еще быстрее… Я ускорила шаг.

— Джош, не так скоро; будь осторожен.

— Мне не нужно быть осторожным! И ты не можешь указывать мне, что я должен делать.

— Нет, могу, дорогой. И ты должен быть осторожным.

— Я знаю, что делать! — заорал он и нажал на ручку.

Все произошло в одно мгновение. Коляска вздыбилась, так что Брэндон прямиком полетел на тротуар. Мое сердце стукнуло аж в самом горле. Я рванулась и подхватила его, не дав ему коснуться земли. В этот момент колеса коляски продолжали вращаться в воздухе. Я была так напугана, что не могла даже отругать Джошуа. Домой мы возвращались оглушенные, мои руки дрожали. Кристи предложила повезти Брэндона, но я не отважилась положить его снова в эту помпезную — и такую

опасную — коляску. Когда мы подошли к воротам, мое сердце билось, наверное, так же сильно, как у жертвы в «Чужом», перед тем как «вылупиться» этому существу. «Боже мой, я не справляюсь с этими детьми! — сокрушалась я. — Я не могу их никуда взять! Они совсем меня не слушаются, а так и до беды недалеко!»

Дома я все рассказала Джуди. Она взбесилась:

— Отправляйтесь в свою комнату, мистер!

— Не хочу я идти в свою комнату! — завопил в ответ Джошуа. — И не приказывай мне, что делать!

— Это ты не смей возражать мне! Хватит с меня твоей грубости! — кричала Джуди.

— Ты ничего не понимаешь! — орал Джош.

— С кем ты разговариваешь? Ты меня унижаешь!

— Нет, мамочка, это ты меня посылаешь!

— О Боже! Я ушам своим не верю! Как ты со мной разговариваешь? Прекрати немедленно! — И Джуди выскочила из комнаты, громыхнув дверью.

А Джошуа продолжал стоять и ухмыляться. Он знал, что выиграл сражение.

Подобные сцены повторялись изо дня в день. Джошуа делал что-то, за что должен был быть наказан. Мать требовала его «заточения», он упирался, а она не доводила дело до конца. Думаю, она просто не знала, что делать, поэтому его поведение становилось все хуже. Как, интересно, должна была я ладить с ребенком, если даже собственная мать не знала, как повлиять на него? Она боролась с Джошуа точно так же, как он боролся со своей сестрой. Аманда частенько бывала свидетелем сцен и тоже примеряла на себя роль участницы демонстрации своеволия. Я понимала, что и милый маленький Брэндон, вероятно, возьмет за образец поведение братца, когда подрастет достаточно, чтобы понимать, как обстоят дела в этом доме.

Я не скрывала от Кристи сложности своей работы. Но мне хотелось показать ей и яркую сторону жизни в Голливуде. Мы решили раскошелиться на модный обед. Я позвонила Саре и спросила, куда бы нам сходить. Она предложила заказать столик в «Спаго», ультрамодное местечко. Там часто бывают и звезды. Фантастика! Мы были очень взволнованы — ни мне, ни Кристи раньше не приходилось бывать в местах, подобных «Спаго». Кристи в колледже не носила практически ничего, кроме джинсов и спортивных рубашек, я носила главным образом шорты и футболки, поэтому мы вырядились так, будто были приглашены на вручение премии «Оскар». Я этого не осознавала до тех пор, пока мы не прибыли в ресторан. Почти все там были в джинсах, футболках, спортивной одежде. И только мы: я — в моем черном,

«на все случаи жизни», коктейльном платье и Кристи — в аналогичном темно-синем, с ниткой жемчуга на шее.

Хорошо хоть, что не надели колготки.

Сара сделала заказ на имя Хансен/Овитц — с тем чтобы нам уделили особое внимание. Что касается удовольствия понаблюдать за звездами, вечер получился довольно-таки унылым; были замечены лишь не самые крупные — Салли Стратерс[55] и Рикардо Монтальбан[56]. Зато еда была превосходной. Я заказала цыпленка, откормленного розмарином; Кристи отведала одну из знаменитых пицц Вольфганга с козьим сыром. Затем нам принесли ошеломительный десерт и особо подчеркнули, что за него заплатил Майкл. Как мило! Я вынула свою чековую книжку и оплатила остаток счета. Я планировала поблагодарить его на следующий день, но смогла увидеть только через день, и то лишь мельком. Я выразила ему свою признательность за десерт. Он несколько смутился.

— Предполагалось, что они должны были записать на мой счет все расходы. Ты расплатилась собственными деньгами? — спросил он.

— Да, конечно.

— Гммм. Я скажу, чтобы записали все на меня. Вот… — С этими словами он вытащил свою чековую книжку, поинтересовался суммой и выписал чек. Я очень долго благодарила его. Возможно, таким образом Майкл хотел выразить свою признательность за всю ту любовь и заботу, которые я дарила его детям.

Мне просто не верится, что Майкл сделал для нас заказ в «Спаго» и заплатил за наш обед! Далеко не каждый может заказать там столик. Сара сказала, если заказ поступает от лица «без имени», то ждать надо больше месяца. Вольфганг Пак самолично пожелал узнать, довольны ли мы едой. Просто фантастика! Я почти привыкла видеть в доме таких, как Мартин Скорцезе, и никто тут не сознает, насколько это сюрреально. Для меня стало уже привычным, что телефонная трубка в руке означает разговор с Шер или Чеви Чейзом либо обсуждение опрелостей у детей с Кристиной Феррейре. На следующий после «Спаго» день я приняла сообщение от Джона Траволты, и он оказался действительно любезным. Обычный парень.

Возможно, верно говорит Опра: «Ты все тот же, каким был до того, как к тебе пришла известность; просто теперь тебя знают миллионы».

8
Док Голливуд

Мне не нравится, когда дети сильно избалованы, и мои такими не будут — я не супербогата. Я заработала очень много денег, но личные самолеты не могу себе позволить. Туфли Гуччи… Такое не случится и через миллион лет. Если ребенок получит их в качестве подарка, это будет потрясающе. Но не от меня.

Элизабет Херли[57]

Я выждала несколько недель, прежде чем набралась смелости и спросила Джуди, нельзя ли мне снова взять джип. Даже зная, что они не собираются уезжать на выходные, я не была уверена, смогу ли осуществить свое желание. Однако она сказала «да». Свобода! Но что с ней делать? Друзей, не занятых на работе, с которыми я могла бы куда-то отправиться, у меня не было, я решила развлечь себя другим способом. Покупая детскую обувь в местном торговом центре Брентвуда, я обнаружила симпатичный косметический кабинет. Опыт, приобретенный мной в «салоне» по наращиванию ногтей, был, мягко говоря, разочаровывающим, но я не отказалась от своих фантазий. Я очень хотела посетить настоящий косметический салон. Все утро я только и думала об ожидающем меня там наслаждении. Успокаивающая музыка, фиточай, полный комфорт. Пакет услуг включал даже массаж шеи и стоп, что звучало совсем уж божественно. Я заслужила небольшую релаксацию в Эдеме. И я собиралась провести это время в лучших традициях голливудского стиля жизни; я даже подумала, что после всего могу побаловать себя ленчем в бистро.

Вывеска в окне салона гласила: «Салон Флёр де Лиз. Модные прически, косметология, маникюр, педикюр». Девушка за конторкой немедленно провела меня в заднюю комнату и предложила переодеться в белый халат — он висел на двери. Затем я должна была занять место в большом кресле, обтянутом тканью «Ногахайд»[58].

В течение нескольких минут невысокого роста женщина, одетая во все белое, кружила вокруг меня. Поглаживая рукой свой

подбородок, она склонялась к моему лицу и тихонько приговаривала «так, так», словно я была некоей антикварной вещицей, которую она оценивала. Непонятно, какой она была национальности, но ее сильный акцент и очень темные глаза заинтриговали меня. Там, откуда я родом, большого этнического разнообразия не наблюдалось, и для моих ушей ее акцент звучал экзотично. Она представилась как «Са-ми-и-на».

— Здравствуйте, юная леди, — сказала она. — Ми-и должни сделат вам пи-и-илинг.

Я побледнела. Неужели я выгляжу настолько плохо, что она настаивает на необходимости изменений в моей внешности? Я сконфузилась. И уж тем более не протестовала. Я знала, что накладывать макияж, отправляясь на свидание, мне необходимо.

— Да, да, моя дорогая. Пилинг, — повторила она, видя выражение моего лица. — Кислотный косметический пилинг! Солнце си-и-льно повредило твою кожу. И у тебя еще не закончился период полового созревания.

Она не шутила. Я все еще была тинейджером.

— Нам придется усилить обычную процедуру. Ты, наверное, из сельской местности, — прибавила она.

— Ммм… Пожалуй, я действительно из сельской местности.

Должно быть, эта женщина полагала, что я каждый день провожу в прерии под палящими солнечными лучами без солнцезащитного крема. Этакая Лаура Инголлс[59]. Теперь я знаю, почему у Нелли Ольсен[60] бледная кожа. Она из «того города», Уолнат-Грув.

— Вы действительно по моей коже можете определить, где я жила? — спросила я.

— О да, весьма точно. Подожди, ты сама увидишь. Когда я все сделаю, твоя кожа будет как шелк. Как попка бамбино! Я рекомендую нашу самую мощную очистку. Это будет ровно сто девяносто долларов, — сказала она.

Именно столько стоит ленч в бистро! Пожалуй, вместо него мне придется довольствоваться «Карлс джуниор»[61].

Задрапировав меня от шеи до щиколоток большим пластиковым передником, Саймина нанесла на мое лицо очищающую пену и промокнула все горячим полотенцем. Кожа запылала, словно я побывала на солнце. Оставив ненадолго в покое мою физиономию, она натянула резиновые перчатки такого типа, как носят пожарные, до локтей. Далее последовал огнеупорный передник. Осторожно, чтобы не попасть на себя, она начала покрывать мое лицо каким-то химическим желе, оставляя нетронутыми лишь веки и губы. Я старалась не думать о том, почему она обращалась с этим веществом, как с вирусом Эбола.

Почти сразу же я почувствовала приятное легкое покалывание. Может быть, это будет не так уж плохо?

— Не шевелитесь, мисс Сю-за-на. Это займет семь минут, чтобы подействовало. Я вернусь и проверю вас, — сказала она, уходя из комнаты.

Однако скоро легкое покалывание сменилось жжением. Я всерьез забеспокоилась и стала лихорадочно соображать. Действие вещества продлится семь минут? А что, если я умру раньше? За семь минут я могу превратиться в пылающую головешку! Минуты тянулись медленно, жжение становилось все сильнее. Может ли мое лицо расплавиться? Конечно, нет. Ради всего святого, это же лечебно-оздоровительный комплекс! По правой стороне дороги.

Скосив глаза, я попыталась прочитать этикетку на банке с гелем. Там был указан состав снадобья. Длинное слово. Я разобрала «оксид» и «пропилен гликоль».

О Господи! Час от часу не легче! Возможно, я не так хорошо знаю иностранные языки, но в автомагазине мне действительно можно поставить высший балл. Мне знакомы эти слова. Она нанесла на мое лицо антифриз! Я чуть не заорала. Но, вспомнив приказ, сдержалась. Лежать спокойно все равно не могла. Надо срочно что-то предпринять. На моем лице антифриз!

— Су-ми-ин-ха, Су-миин-ха, — ухитрилась я промычать.

Нет ответа.

Неожиданно запищал таймер. Я вздрогнула. Семь минут истекли, и в этот самый момент появилась Саймина, проверила часы и опять начала действовать пропаренным горячим полотенцем, на сей раз смывая ядерные осадки.

Я боялась дотронуться до лица.

— Немножко поболит. День или два. А потом вы увидите. Кожа будет, как у младенца. С вас ровно сто девяносто долларов, пожалуйста, — проговорила она и оставила меня наедине с моими планами.

Итак, лицо осталось на месте. В кармане же — сорок три цента.

Саймина оказалась права. Действительно, появилась легкая боль — едва я добралась до дома. Но не настолько сильная, как я того опасалась. Я еще не знала, что чудодейственный химикат пропитал первые два слоя кожи. Я оптимистично пересмотрела свое прежнее мнение относительно расходов и подумала, что 190 долларов — сущая ерунда для ожидаемого эффекта увлажнения и приобретения дивного цвета лица. Но, конечно, не ожогов второй степени. Мне был выдан с собой специальный лосьон, который надо было наносить один раз утром и один раз вечером перед

сном, чтобы ослабить неприятные ощущения. Должно быть, это был чистый новокаин, потому что после того, как я им намазалась, вся моя голова онемела и речь стала нечленораздельной. Я решила использовать его только перед сном.

На следующий день приехала с визитом бабушка Овитц. Она сразу заметила мой розовый румянец и спросила, получила ли я удовольствие от посещения салона. Я ответила «да», это было настоящее событие, и этим ограничилась. На второй день, когда я проснулась и увидела свое лицо в зеркале, я буквально подскочила от ужаса. Кожа на нем облезала, причем гораздо сильнее, чем от самого ужасного солнечного ожога, который когда-либо со мной случался. Я выглядела так, как будто пережила пожар. К вечеру я сбросила целые пласты кожи, как гремучая змея в августе.

Я не могла сдерживаться, чтобы не сдирать ее кусками. Под первым слоем багровел еще один — горячий и зудящий. Он только и ждал, чтобы подсохнуть и начать облезать, как предыдущий. Я ударилась в панику. Делу не помогло, когда Джуди заметила, что я выгляжу так, будто только что сбежала из лепрозория. В ужасе я в тот же день отправилась в салон и разыскала там Саймину.

— О мой Бог! Мисс Сюи-за-на, вы трогали лицо? Вы не должны были трогать его руками! — воскликнула она, как будто я была виновата в том, что мое лицо линяло. Как я могла не обдирать его? Я готова была его расцарапать, и, так или иначе, большей частью оно само собой отпадало. Я лишь хотела, чтобы чешуйки не летели на одежду и мебель. Саймина не смогла мне дать никакого другого совета, кроме как продолжать использовать лосьон и не трогать лицо руками. Ничего не добившись, я крадучись вернулась домой. Как удается живущим в Лос-Анджелесе все время выглядеть такими целенькими?

Пилинг — это настоящая жуть!

Сегодня уже четвертый день, а мое лицо по-прежнему все в пятнах. Очень похоже на воловью кожу «Гернси». Я и представить себе не могла, что облезание будет столь длительным. Леди в салоне могла бы дать мне чуточку больше информации относительно последствий процедуры. Знаю, вы скажете, что ради красоты можно и пострадать. Но степень мучения по отношению к эстетическому улучшению здесь явно высока. Это если не брать в расчет фактор унижения.

В довершение ко всему Джуди сообщила мне доверительно, что она размышляла над косметическими процедурами. Она ни за что

не пойдет в этот салон. Ведь не исключена вероятность, что она окажется в таком же положении.

Примечание для себя: собирать больше информации, прежде чем позволять кому бы то ни было раскрашивать себя химикалиями, которые можно купить в любом магазине запчастей и автокомпонентов.

Я пережила достаточно приключений в последнее время, поэтому с облегчением восприняла известие, что в конце следующей недели Майкл и Джуди уезжают. На всякий случай с нами оставались бабушка и дедушка Овитц. В первый же субботний вечер такой случай и представился.

Уже днем стало ясно, что Брэндону нездоровится. К вечеру у него подскочила температура. Испугавшись такого жара, мы решили позвонить в детскую педиатрическую помощь. Дежурный врач посоветовал немедленно везти малыша в отделение неотложной медицинской помощи. Он прибудет туда же. Бабушка осталась с Джошуа и Амандой, а дедушка повез меня и Брэндона в больницу. (Мне было интересно, помнит ли он нашу последнюю поездку в неотложку. Слава Богу, голова моя зажила.) Брэндон весь горел, но, как ни странно, улыбался мне и что-то ворковал. Доктор уже успел приехать, но был занят: усаживал в кресло какую-то женщину, которая, казалось, сошла с обложки издания «Спортс иллюстрейтед», рекламирующего купальники. Доктор был совсем молоденький, и я с трудом сдерживала свой непроизвольный гнев. «Обратите внимание, голубчик! На ребенка, а не на эту модель для демонстрации дамского белья «Тайна Виктории». Смею вас уверить, она строит вам глазки только потому, что думает, будто вы стоите больших денег».

Наконец доктор пригласил нас в кабинет и взял у меня Брэндона. Он пощупал гланды на его шее, лоб, а затем макушку.

— Вот, — сказал он, — чувствуете?

Он взял мою руку и положил ее на «родничок» — он есть у каждого младенца.

— Это нормально? — спросил он меня.

— Конечно, нет! — Родничок пульсировал и буквально выпирал из черепа, хотя Брэндон продолжал улыбаться.

Да что это, в самом деле, внутренне возмутилась я.

Кто из нас враг? Что это за клоунада? Мне нужны ответы, а не вопросы!

Но то, что сказал доктор в следующую секунду, заставило меня перепугаться.

— Вероятно, у него менингит!

Я знала, что это опасная инфекция, которая затрагивает мозг.

Мы с дедушкой Овитц с недоверием переглянулись.

«Что делать? Что нам делать?» Я растерялась.

— Мне нужно позвонить, — сказал врач.

Я с облегчением вздохнула. Наверное, он хочет проконсультироваться. Доктор взялся за телефон, а мы с дедушкой обратились в слух. Очевидно, этот молодой врач только начинал практиковать под руководством более опытного коллеги.

— Да, Брэндон Овитц, — ответил он в трубку. — Нет, вам нет необходимости приезжать. Я справлюсь. Хорошо, если вы настаиваете. Ладно, пока.

Увидев приехавшего доктора, я немного успокоилась. Наверняка он уже сталкивался с подобными случаями.

— Этот малыш не болен, — услышали мы. — Посмотрите, каким довольным он выглядит!

«Что? Не может быть!»

Молодой врач тоже выразил свой протест, но в других выражениях, и я почувствовала, что солидарна с ним. «Сколько лет этому старикану? Когда в последний раз он посещал курсы повышения квалификации?»

— Необходимо сделать спинномозговую пункцию, — заявил молодой врач.

— Вы смеетесь? Вы знаете, чей это ребенок? — возразил ему коллега.

— Знаю. И потому хочу, чтобы родителям позвонили и спросили их разрешения.

— Они в отъезде, — вступила я. — Но у меня есть номер для экстренных случаев.

Тут вмешался дедушка Овитц:

— Я сейчас позвоню! Прошу всех быть рядом.

Бегло переговорив с Майклом, он передал трубку доктору.

— Да, мистер Овитц, — сказал тот. — Да, верно. Прежде чем делать пункцию, я должен заручиться вашим согласием.

Секундное молчание. Майкл, должно быть, уловил, насколько молод этот эскулап, собирающийся предпринять нечто серьезное в отношении его сына.

— Ну, гм, да, мистер Овитц. Угу, я лично. Я делал это сотни раз.

И он передал трубку мне. Майкл спросил меня, что я обо всем этом думаю. Но я мало что знала о менингите. Я сказала только, что все, что я вижу, ненормально. Родничок вспух, такого я раньше никогда не видела.

— Мы возвращаемся. Я дал согласие. Постараемся вылететь сегодня же, — ответил Майкл.

С Брэндоном на руках доктор спустился в вестибюль и позвал медсестру.

— Она будет его держать, — объяснил он мне. Я представила себе моего маленького Брэндона, распростертого под яркими лампами, в то время как незнакомая особа сжимает его крохотные ручки и ножки, а доктор вонзает в его позвоночник иглу. Я хотела быть с Брэндоном сама! Но меня не пустили. От отчаяния тошнота подступила к моему горлу.

Потянулись тягостные минуты ожидания. Спустя двадцать минут медсестра вернулась и сказала, что необходимо осмотреть сестру и брата больного ребенка.

— Сделайте так, чтобы они коснулись подбородком своей груди, — сказала она. — Если это будет болезненно или они не смогут согнуться, значит, у них то же самое.

Полумертвая от беспокойства, я набрала номер. Телефонную трубку почти тотчас же сняла Кармен:

— Разбудить? Уже середина ночи! Как ты себе это представляешь?

Мы обе хорошо себе представляли последствия… Аманда… Ее вопли…

— Пожалуйста, Кармен! Все очень серьезно!

Через десять минут я снова набрала номер Овитцев. Сквозь рев Аманды я еле расслышала: поводов для беспокойства нет.

Еще через десять минут появилась медсестра с Брэндоном на руках, и мое сердце опрокинулось. Его мордашка была заревана, он уже не улыбался. Пока его несли через комнату, он тянул ко мне свои ручки, а я давилась слезами…

Я бросилась к нему, но медсестра остановила меня:

— Нет, нет. Еще не все! Он сильно плакал, и я принесла его, чтобы он увидел вас. Он звал вас. Нам нужно сделать еще несколько анализов. Предстоит госпитализация.

С этими словами она повернулась и, сопровождаемая криками Брэндона, скрылась в дверях. Закрыв лицо руками, я пыталась овладеть собой. Дедушка Овитц обнял меня.

Повинуясь необъяснимому порыву — чем она могла мне помочь? — я позвонила моей давней подруге Мэнди. Она работала в штате Монтана, и я, вероятно, разбудила ее, взахлеб рассказав о случившемся. Не важно, какие она нашла для меня слова! Я просто слышала ее голос, уверенные интонации: все будет хорошо…

Снова ожидание. Наконец пришла другая медсестра и проводила нас в детскую палату. Душа моя болела. Одна ножка Брэндона была опутана проводочками, а сам он лежал в какой-то холодной, похожей на клетку, металлической кроватке. Бедный

милый малыш! Могу ли я взять его на руки? Да, ответили мне, только осторожно с трубками.

Было уже далеко за полночь. Я предложила дедушке вернуться домой и дождаться Майкла и Джуди; я же останусь здесь. У меня и в мыслях не было оставить тут Брэндона одного — в этом ужасном месте, в этой ужасной кровати, даже если бы он и заснул! Прижав к себе, весь остаток ночи я держала его на руках, сидя на стуле…

Брэндон все еще спал на моих коленях, когда около восьми утра прибыли его родители. Джуди бросилась к моим ногам на пол, забирая у меня свое дитя. Но тут произошло то, от чего жалость вновь пронзила мое сердце — на этот раз к матери: ее сын начал вырываться, плакать и потянулся ручонками ко мне. Джуди взглянула мне в глаза — с таким выражением, какого я у нее никогда раньше не видела, и кротко вернула мне ребенка.

Я чуть не разрыдалась.

— Смотри, он хочет к Сьюзи, — сказала она еле слышно мужу. — Почему бы тебе не пойти домой, Сьюзи? Ты так устала, а мы побудем здесь. — В ее голосе звучала нежность.

Я прижалась щекой к мягким волосикам Брэндона и продолжала покачивать его до тех пор, пока он не перестал всхлипывать. Подняв глаза, я увидела, что Джуди все еще смотрит на нас с нежностью. Волна подлинного страдания и сочувствия заполнила пространство между нами. И шла она в обоих направлениях.

Мне очень не хотелось выпускать из рук Брэндона, но я понимала, что мне нужен отдых. Я отправилась домой и, рухнув в постель, проспала большую часть дня. Джуди предупредила меня, что за детьми присмотрят Кармен и Делма, и я была ей благодарна. Проснувшись, я тут же позвонила в больницу. День клонился к вечеру. Джуди сообщила, что результатов анализов еще нет и что она наняла для Брэндона частную медсестру. Мое сердце снова упало. Он плакал? Да, ведь он еще не привык к новому человеку.

Приехав на следующее утро в больницу, я наконец услышала хорошие новости: результаты анализов показали, что менингита у Брэндона нет и что у него всего лишь бактериальная инфекция. Температура понизилась до 99 градусов[62], и его могут выписать.

Вернувшись домой, на столике в прихожей я нашла большой букет цветов и записку, адресованную мне. Я развернула листок. Записка была от Мэнди.

Дорогая Сьюзи!

Я не перестаю думать о тебе и Брэндоне. Надеюсь, с ним все в

порядке, и, надеюсь, ты держишься.

С любовью, Мэнди.

Я разревелась — уже пятый раз за эти два дня. И как раз в этот момент вошел Майкл. Я сидела на нижней ступеньке лестницы с цветами в руках и заливалась слезами.

— От кого цветы? — спросил он бегло.

— От моей подруги Мэнди, — всхлипнула я.

— По какому поводу? — Его лицо не отражало никаких эмоций.

— Просто от души… Я так волновалась… И она… — невразумительно промямлила я. Мне действительно было неловко из-за своих слез. В конце концов, он ведь отец Брэндона!

Майкл безучастно смотрел на меня.

«Я столько пережила!» — хотелось мне крикнуть. Неужели он не понимает этого? Я люблю его сынишку! Не могу поверить, что он так и не понял, как мне было тяжело и как я за него испугалась.

Но, похоже, он действительно не понял. Он платил мне. Платил за то, чтобы я заботилась о его детях. Но не за то, чтобы я их любила.

Это я делала по собственному желанию.

9
Погоня за красотой

Я очень практична. Для меня очень важно, чтобы мои дети знали, что их мама я, а не няня.

Тони Брэкстон[63]

Спустя всего несколько дней после того, как я начала работать, Джуди заметила:

— Я ненавижу, когда ребенок тянется к няне, а не ко мне.

Как бы то ни было, она не делала ничего для того, чтобы это было не так. Мне было очень грустно сознавать, что Джуди воспринимала это как цену, которую приходится платить за то, чтобы иметь няню. Она, наверное, полагала, что должна отказаться от некоторых радостей материнства только потому, что имеет возможность нанять прислугу.

Однако от некоторых вещей она не желала отказываться. Однажды утром, после того как старшие дети ушли в свои дошкольные учреждения, а я кормила Брэндона рисовой кашей, вошла Джуди, долго и с неудовольствием смотрела на меня, уперев руки в бедра, а затем произнесла:

— Что ты делаешь?

Я в недоумении ответила:

— Ну, я кормлю…

— Тебе не кажется, что прежде следовало бы проинформировать меня, что ты собираешься кормить его твердой пищей?

Я сдержалась.

— Гм, когда мы были у педиатра, доктор сказал, что Брэндону можно давать рисовую кашку, смешанную с детским питанием.

— Хорошо, и тем не менее. Именно я и никто другой должен был дать ему первую ложку.

— Извините, — сказала я, передавая ей пластиковую мисочку и детскую ложечку. Я побоялась сказать ей, что следую совету педиатра уже почти две недели. Разве она не знала об этом? Однако она права — именно мать должна первой начать кормить своего ребенка с ложки. Я тихонько вышла, чувствуя себя страшно неловко, и поднялась поменять белье в постельке Брэндона. Когда я спускалась обратно с грязным бельем в корзинке, я увидела на

подъездной дорожке отъезжающий «мерседес» Джуди. Я вошла в кухню. Кармен вытирала с мордашки Брэндона остатки каши.

Чувствовала ли Джуди себя вычеркнутой из ежедневного распорядка Брэндона? Этого я никогда не узнала.

Из троих детей только Брэндон всегда был счастлив видеть меня.

Я знала, что Аманда и Джошуа, как и многие другие дети, которыми занимались няни, уже поняли, какова участь тех, кто заботился о них до того, как на сцене появилась я, — образ Летиции, томящейся у ворот, вспыхнул в моем мозгу. К тому времени, когда я влилась в ряды домашней прислуги, они уже научились защищать свои чувства. Они больше не хотели терять друзей. Поэтому сделали все, чтобы не заводить новых. Но я не была готова к тому, что они настроены воспринимать время, проводимое со мной, как визит к дантисту. Дети, с которыми я сидела в Орегоне, смотрели на это скорее как на поход в магазин игрушек.

Я знала, что Джошуа и Аманда могут быть любящими; я видела их волнение, когда у нас гостила Кристи. Однажды я решила убить двух зайцев — я попыталась продемонстрировать удовольствие от обретения новых друзей и заодно постаралась вовлечь детей в совместную деятельность. Как у беби-ситтера со стажем, у меня всегда были в запасе игры и творческие идеи, но оказалось, что очень трудно оторвать этих детей от телевизора и видеофильмов. На столе в гостиной я разложила цветную бумагу, клей и блестки. Все же они «клюнули» и принялись мастерить открытки для Кристи, а я записывала их пожелания. Несмотря на небольшую стычку из-за блесток, время мы провели великолепно. Джошуа понравилось делать радуги, а Аманде — работать клеевым карандашом.

Это было невиданно, чтобы Аманда так веселилась. Иногда мы забавлялись, наряжаясь в костюмы Спящей Красавицы, Белоснежки или принцесс, и танцевали, дурачась, под мелодии Раффи. Мы играли в «испорченный телефон», «дочки-матери» и «угадай, что я думаю». Она была прелестным ребенком. Однако часто прямо в разгар нашего веселья какая-то мелочь могла выбить ее из колеи. Она требовала именно тот сорт крекеров, который давали в школе; хотела смотреть по «видику» «Золушку», вместо того чтобы качаться на качелях; не могла найти свою Барби из Малибу… Тогда она начинала визжать, кричать и разбрасывать вещи — свои и мои — до полного изнеможения.

Однажды днем Аманда вышла из себя из-за того, что ее мамочка собиралась уехать. Она вылетела из дома следом за матерью, топая ногами и пронзительно крича. Ей было три года;

она знала, чего она хочет, но она не могла получить это. Ее разочарованию и ярости не было конца. Она визжала, топала ногами, она задыхалась от рыданий. Я попыталась унести Аманду в ее комнату, но она вывернулась из моих рук и чуть не упала на ступени лестницы. Думаю, она сама испугалась того, что не может справиться со своим маленьким, переполненным злобой телом, так же как не могла этого и я. Поэтому мы просто остановились на полпути, и она продолжала плакать, но уже не так сильно. Наконец я села на ступеньки у ее ног и посмотрела снизу вверх на ее печальное, мокрое от слез лицо.

— Аманда, мне очень жаль, что ты так расстраиваешься и что это так тяжело для тебя, — сказала я ей. — Я люблю тебя.

— Я тоже тебя люблю, — ответила она, впервые за все это время, и хлопнулась своим дрожащим тельцем мне на колени.

Переломный момент? Однажды Аманда неожиданно заявила, что хотела бы, чтобы я была ее мамой. Я могла бы принять это как самый лучший комплимент, если бы это не происходило во время обеда, когда ее родная мать сидела рядом со мной. Я обмерла, и, полагаю, Джуди тоже. Уже одно то, что Джуди думала, будто Брэндон предпочитает ей меня, было достаточно плохо, но Аманда произнесла это вслух. В институте нам не предложили сценария преодоления такой ситуации.

— О, дорогая, я слишком молода, чтобы быть твоей мамой, — это лучшее, что пришло мне в голову.

— Аманда, наверняка Сьюзи приятно, что ты так сказала, — проговорила Джуди.

Я чуть не свалилась со стула!..

И это произнесла женщина, которая обращается со мной, едва сдерживая раздражение! Ее затруднения в воспитании детей навели меня на мысль, что ей просто недостает знаний в этой области, но как раз в тот момент, когда я уже переставала ожидать от нее чего-либо толкового, она вдруг отвечала мне или детям так мудро и душевно, что все мои надежды пробуждались снова.

Джошуа, однако, по-прежнему относился ко мне враждебно и продолжал сомневаться в искренности моей заботы. Я так хотела, чтобы он избавился от своего предубеждения и понял, что я на его стороне! Иногда случались проблески надежды; лучшее время для нас, казалось, наступало вечерами сразу после детского сада. Мы быстро пришли к соглашению о том, что я не буду слушать, как он обзывает своих одноклассников «тупыми», «слабаками» или «уродами». Вместо этого мы решили называть их «типы», выразительно приподнимая при этом брови. К примеру: «Сьюзи, Чантел показал себя таким типом сегодня: сломал колесо в

клетке хомячка!» Или: «Тэйла уронила мой рисунок. Что за тип!» То, как он говорил это — с особым выражением, было забавно; ему нравилось так развлекаться.

Он был чрезвычайно смышленым, но ранимым и желал все доводить до совершенства, очень сильно напоминая этим своего отца. Когда мы сидели рядом, повторяя домашние задания, которые он выполнял очень сосредоточенно, он мог выйти из себя из-за малейшей ошибки и протирал бумагу ластиком буквально до дыр. Жить ему с таким характером было явно не просто.

И Джошуа уже достаточно подрос, чтобы начать подражать поведению отца, все чаще копируя некоторые из его поступков. Когда Майкла не было дома, Джошуа, похоже, думал, что теперь он тут главный хозяин. Я видела, что его поведение коробит всех — неудивительно, ведь он угрожал уволить весь персонал, включая меня, практически еженедельно! Было трудно принять все это, но я понимала, что он всего лишь шестилетний мальчик, полный решимости не впускать в свою жизнь никаких новых людей. За отталкивающей защитной оболочкой скрывался нежный ребенок. Подтверждение тому — его преданность матери Майкла, Нане.

Когда мы разговаривали о ней, Джошуа постоянно поправлял меня, утверждая, что я неправильно произношу ее имя.

— Надо говорить Нона, а не Нанна, — повторял он, закатывая глаза и вопрошая, почему я не могу произносить ее имя правильно.

Я была скорее заинтригована, чем раздражена. По крайней мере он испытывал беззаветную любовь к кому-то еще в своей жизни, помимо родителей. Мне бы хотелось, чтобы он доверял мне, но я не знала, как добиться этого. Я старалась показать ему, что беспокоюсь о нем каждый день, особенно потому, что знала: остальная прислуга лишь терпит его.

Не единожды, когда он разражался одной из своих тирад, называя всех вокруг «дебилами», я вспоминала, как Кармен говорила ему по-испански что-то, что звучало приблизительно так: «Комо сэй чингас». Когда Джуди спросила Делму, что это значит, та ответила ей: «Иди с миром, малыш». Настоящий же перевод, как бы это сказать помягче, означал «маленький засранец». Но тут Джуди недоставало сообразительности, и Кармен часто пользовалась этим, всегда с дружелюбной улыбкой на лице. Это был ее личный маленький акт возмездия за все те моменты, когда Джош называл ее тупицей или идиоткой и заявлял, что не желает ее слушать.

И он действительно не желал слушать никого из нас. Однажды, когда я помогала Джошуа одеваться, с ним случилась

истерика: он не мог найти свои голубые носки. Он начал, как обычно, громко выражать свое негодование, называя Делму тупой, идиоткой, дурой и говоря, что это она во всем виновата. Я сказала ему, что нехорошо обзывать людей. Тут как раз в комнату вошла Джуди:

— Ну и где его носки? Эти девицы вечно теряют вещи, что обходится мне недешево.

Вот и попробуй тут преподать урок почтительности!

Но мои уроки продолжались.

Как-то утром я вышла из передней двери, когда Джуди собиралась отвезти его в школу. Он писал на дерево. Писал на дерево! Подождав, пока он закончит, я приблизилась к нему и сделала замечание. В конце концов, он был на виду у публики — во дворе перед домом, который прекрасно просматривался с улицы.

— Мама сказала, все в порядке! — крикнул он, стоя спиной ко мне и пытаясь стряхнуть капли мочи со своих мокасин.

— Сомневаюсь, чтобы твоя мама хотела бы увидеть тебя писающим перед домом, — возразила я.

— Нет, ты ничего не знаешь! Моя мама разрешила мне, и моя мама распоряжается тобой, — с особой интонацией крикнул он. — И-и-и… если я захочу, мой отец уволит тебя!

Опять про увольнение…

Джуди вступила в разговор, незаметно подойдя к нам:

— О да, Сьюзи. Я сказала ему, что все в порядке. Мы спешим, и я не хотела, чтобы он возвращался.

Джошуа молча показал мне язык и пошел прочь.

Я махнула рукой. Надо добавить это к моему списку правил. Обозначим это — параграф 42, статья 12, раздел 6. «О домашнем распорядке»: детям разрешается испражняться во дворе перед домом, если мы опаздываем.

После сегодняшнего инцидента у дерева, сомневаюсь, что я когда-либо привыкну к подобному. Вчера мне казалось, что я многого достигла. Л сегодня случается что-то дикое. Моя работа здесь похожа на попытку развести в воде Metamucil[64] *— никогда полностью не смешаешь. Я не могу добиться, чтобы дети доверяли мне или полюбили меня. Кармен советует, что лучше всегда соглашаться: «Хорошо, Джуди».*

Возможно, я сделаю это своей новой мантрой. Хорошо, Джуди. Как бы мне хотелось поговорить с кем-нибудь! Мне нужны друзья здесь! Получение почты — единственный приятный момент за весь этот длинный день. Я люблю получать веселые открытки с новостями или последними событиями из дома. Свежие новости из

Коттедж-Грув:

Футбольный стадион закрыт — наконец-то!

Открылся второй ресторан быстрого питания — «Тако тайм». На территории парковки крупнейшего гастронома — ну и ну!

Боб, отец Эмми, выиграл новый гриль для барбекю на Неделе открытых дверей для покупателей в «Би-Мартс»[65]*. Теперь ему больше не нужна горючая жидкость и брикеты.*

Примечание для себя: ты живешь в мировой столице развлечений, а самая главная новость твоей недели — услышать о том, что у отца твоей подруги появился новый гриль. Пора подумать о личной жизни. На самом деле мне необходима хоть какая-то жизнь.

Через пару дней позвонила Мэнди и сообщила, что хочет работать в Лос-Анджелесе. Выяснилось, что большинство жителей ее родного штата Монтана не нуждаются в подобного рода услугах. Я пришла в сильное волнение. Наконец-то выход из одиночества! Я рассказала о ней Джуди, дав блестящую характеристику ее способностям и человеческим качествам, и попросила ее подумать насчет того, чтобы порекомендовать Мэнди кому-нибудь из знакомых, кто нуждается в няне. Естественно, я не стала упоминать правило поведения «досчитай до десяти, прежде чем что-то сказать», которое рекомендовал ей отец.

Джуди сказала, что их добрые друзья, супруги Голдберг, как раз ищут няню. Лео Голдберг был главой кинокомпании, очень влиятельной персоной. Я сообщила Мэнди насчет этой работы, и не прошло и двух недель, как она приехала в Лос-Анджелес вместе со своей мамой (как когда-то это сделала я), чтобы пройти собеседование у них, а также в некоторых других семьях, которые подыскало для нее здесь агентство по трудоустройству.

После того как закончились все собеседования, Мэнди позвонила мне, чтобы посоветоваться. Она только что вернулась из Сан-Фернандо-Вэлли, где познакомилась с очень симпатичной женщиной и двумя ее прелестными детьми. Дама сообщила ей, что ее муж — актер. Однако к тому времени я уже знала секреты Голливуда. Я раскрыла Мэнди главный: множество людей здесь утверждают, что они актеры, хотя в действительности лишь пытаются чего-то добиться на этом поприще. Я предположила, что женщина, вероятно, преувеличила достижения своего супруга. Насколько мне известно, он поставщик провизии для определенного круга людей. Это было похоже на истину. Мэнди подтвердила, что семья в настоящее время занимается

реконструкцией дома и в данный момент у них всего одна ванная комната.

Именно это я и имела в виду! Кто из крупных голливудских звезд смог бы обходиться только одной ванной комнатой? Или делить ее с няней? А кроме того, я была уверена, что никто из по-настоящему важных персон не станет жить в Вэлли.

Мэнди продолжала настаивать, что она поладила и с мамой, и с детьми и действительно хочет получить это место, но благодаря своей бесконечной мудрости мне удалось убедить ее согласиться на работу у Голдбергов, тогда мы могли бы жить по соседству.

— Просто позвони в агентство по трудоустройству и скажи, что ты отказываешься от предложения этого Костнера, кем бы он ни был.

(Да, Мэнди и я по-прежнему друзья. Спустя годы мы все еще смеемся над этим случаем, но она давно перестала спрашивать моих советов по поводу своей карьеры.)

Голдберги жили в Бель-Эйр, недалеко от Брентвуда. Я уже предвкушала, как часто мы сможем видеться. Самое лучшее во всем этом было то, что Элли, малышка, о которой должна была заботиться Мэнди, была всего на пару месяцев старше Брэндона. Их мамочки заявили, что будет здорово, если мы будем встречаться, чтобы дети играли вместе. Ура! Серьезная беседа! С подругой, которая разбирается в тонкостях нашей профессии!

С самого первого дня появления Мэнди в Лос-Анджелесе мы начали по телефону делиться историями. Позвонив в первый раз, она призналась, что находится в ужасном затруднении. У Голдбергов она работала пока только три дня.

— Сьюзи, могу я спросить тебя кое о чем?

— Конечно. Что случилось?

— Как ты питаешься?

— Что?

— То есть я хотела спросить, где ты это делаешь? Можешь ли ты поесть, если проголодаешься? Можешь ли ты взять то, что хочешь?

«Неужели это еще одна семья, которая вешает замок на холодильник?»

— Они не разрешают тебе есть? У тебя голос, как у умирающего от голода беженца. Когда ты ела в последний раз?

— Практически это действительно было три дня назад, — смутилась Мэнди. — Об этом как-то не зашло речи. У них есть служанка, которая также готовит, но мне не удалось толком поговорить с ней. Пока что они питались все это время вне дома. Здесь не так, как у вас, где есть Кармен и Делма, с которыми ты

можешь вместе есть и общаться. Здесь все более официозно. Первый ее совет мне был — не называть ее Маргарет; для меня она миссис Голдберг. Не уверена, что ей понравится, если я начну хозяйничать на ее кухне.

Я перебила ее убедительной пламенной речью, эмоциональный заряд которой затем станет лейтмотивом наших последующих телефонных разговоров.

— Замолчи сейчас же! Ты не ела три дня? Немедленно отправляйся на кухню, открой холодильник и приготовь себе огромный толстый сандвич!

— Никто не показал мне кухню. Я буду чувствовать себя очень неловко, если пойду туда. А вдруг я съем что-то, предназначенное для особого случая?

— Правильно, лучше сиди в уголочке. Может быть, кто-то сжалится и подаст тебе сухарик.

После того как я положила трубку, колесики в моем мозгу начали быстро вращаться. Я должна записать эту девушку на занятия по программе «Возьми на себя ответственность за свою собственную жизнь»! К тому же мне всегда было легче советовать людям, как им поступить, чем заботиться о своей собственной жизни. Сама же я продолжала отсиживаться в своей комнате по сорок восемь часов каждые выходные.

Помимо малютки Элли, Мэнди должна была заботиться также о восьмилетней дочери Голдбергов. Как вскоре мы выяснили, у нее была та же манера выражаться, что и у Джошуа: «Я тебя ненавижу; ты дура». Мэнди посчастливилось услышать версию: «Ты жирная и отвратительная».

Что нам было делать? Мы с Мэнди смеялись над тем, что наши проблемы со стороны показались бы, наверное, несколько странными — кому-то, кто не заглядывал за эти высокие заборы.

— Ладно, у меня тоже есть для тебя история, — сказала я на следующий вечер. — Джуди вошла в кухню и увидела, как я складываю остатки еды с детских тарелок в зеленый пластиковый мешок для мусора, и ужаснулась. Говорю тебе, она точно на минуту лишилась дара речи! Я подумала, случилось что-то ужасное. Я спросила, все ли с ней в порядке, а она ответила: «Сьюзи, никогда не используй эти пакеты для мусорного ведра. Это прочные мешки для тяжелых грузов, и их используют только для загрузки в мусоровоз. Они слишком дорогие, чтобы бросать их в бак для мусора». Она пошла в кладовую и принесла оттуда упаковку мешков потоньше, которые и вручила мне.

Я рассмеялась, следом за мной и Мэнди.

— Это ерунда. А я вечером готовила себе обед вместе с экономкой, мы заболтались, и я не заметила, как сожгла

сковородку. Как она воняла!

— Погоди, стой! — перебила я ее. — А как ты теперь питаешься?

— О! Экономка сказала мне, что миссис Голдберг спросила ее, видела ли она, чтобы я ела. Таким образом все выяснилось. Но тут есть и приятный момент. Будучи бесхребетной медузой, я похудела на пять фунтов[66].

— Ого! Это здорово! — сказала я, размышляя, не начать ли нам активно следовать «нянькиной диете». Житье в доме, где чувствуешь себя так, словно ты в гостях, тоже имеет свои преимущества. — Ладно, продолжай свою историю; извини, что перебила.

— Когда я отскребала сковородку, вошла миссис Голдберг. Ты бы ее слышала! «Боже мой, что ты наделала? О-о! А-а! Ты ее испортила!» Так что теперь я должна купить ей новую. Так она сказала.

— Почему же ты просто не отчистила ту, которую сожгла? — спросила я.

— Я пыталась. Но она заявила, что это бесполезно. Собственно, так оно и есть.

— И что дальше?

— Вчера я была вынуждена зайти в «Мэй компани» и купить целый набор. Это стоило мне половину моей недельной зарплаты.

— Зачем же целый набор — ты ведь сожгла одну?

— Да, но она заставила меня купить целый набор. Чтобы я готовила на них свою пищу. Ее сковородки мне больше не разрешается трогать. Так что теперь в кладовой есть четыре сковородки с наклейками «Мэнди». Как будто они вшивые. Впрочем, я не удивляюсь. Этого надо было ожидать.

— Почему? — спросила я.

— Она скупая. Я тебе еще не рассказывала, что произошло с агентством?

— Нет. А что?

— Ну, там произошла путаница, и, конечно, все кончилось тем, что мне пришлось заплатить за это, по крайней мере половину.

— Заплатить за что? Ты что-то сломала там?

— Нет, я ничего не ломала. Но поскольку меня ей порекомендовала ты, миссис Голдберг не стала прибегать к услугам агентства, которое ей обычно оказывало помощь.

— Ясно, и поэтому…

— …и поэтому миссис Голдберг заявила, что не будет платить комиссионные никакому агентству.

— А в чем проблема?

— Няня, которая была у Голдбергов до меня, сообщила агентству, что у них есть вакансия, поскольку она увольняется. После того как состоялось мое собеседование, Голдбергам позвонили из агентства: они считают, что имеют право на комиссионные за меня. Миссис Голдберг была возмущена, что в агентстве узнали ее имя. Я предложила ей заплатить половину из этих тысячи двухсот долларов, которые составили комиссионный сбор. Уж так она была расстроена из-за всей этой путаницы! А я хотела работать поближе к тебе.

— О Боже, половину! Это же твоя плата за две недели! — ахнула я. — Не могу поверить, что она взяла с тебя половину комиссионных…

— Не все сразу. Она будет удерживать по сотне долларов из каждой зарплаты, пока не будет выплачена моя половина.

Я не ослышалась?

— Невероятно! Мэнди, ты можешь представить себе, каковы их доходы за полмесяца? Если бы ты подсчитала зарплату мистера Голдберга, он, вероятно, зарабатывает эти двенадцать сотен за час. Тем не менее его жена не против лишить тебя в свою пользу твоего двухнедельного дохода за то, за что ты не несешь никакой ответственности. Мэнди, ты должна проявить твердость характера!

Я чуть было снова не рассмеялась, но поняла, что Мэнди не до смеха. Поэтому я ей посочувствовала.

— Я должна идти, — сказала я, заканчивая разговор. — Брэндон плачет.

Я обещала, что позвоню ей позже на неделе, и побежала к малышу.

В десять часов наступает время моей обычной самоизоляции, и я перепроверяю дверь, предохраняющую меня от блуждания во сне. Однако заснуть я не могу, думаю о Мэнди и семье Голдберг. Может быть, я была слишком строга с ней сегодня вечером? Могу по себе судить, она действительно измучена. Не могу поверить, что она согласилась вставать к ребенку семь ночей в неделю, даже в свои выходные, потому что у Маргарет — упс! простите, у миссис Голдберг — проблемы со сном и, будучи разбуженной среди ночи ребенком, она не может снова заснуть.

Возможно, я должна прекратить критиковать Мэнди… Эй, Сьюзи, ты ведь тоже крутишься двадцать четыре часа в сутки. Давай подсчитаем, это составляет около 99 центов в час?

Подруга, мы обе такие тряпки! Я по крайней мере имею две свободные ночи в неделю, когда Делма подменяет меня. Лучше постараться уснуть. Брэндон скоро опять проснется. Он простыл и

потому просыпается каждые два часа…

Однажды вечером я едва дождалась, пока Мэнди подошла к телефону. Так сильно мне хотелось поделиться своим последним происшествием. Джуди занимается со своим персональным тренером Дженнифер, великолепной восходящей актрисой, которая решила сделать карьеру. Майклу и Джуди она нравилась, и они предложили ей помощь, но она, очевидно, не доверяла пословице «Важно не что ты знаешь, а кого ты знаешь». Даже при том, что ее звездный час к настоящему времени был всего лишь рекламой дезодоранта. Сегодня они рассуждали о волосах. Дженнифер упомянула свой любимый салон в Вествуде. Я сидела рядом, с Брэндоном на руках, и вдруг ни с того ни с сего Дженнифер порекомендовала мне этот салон и имя стилиста, делающего ей прически. Я знаю, есть только две причины, когда одна женщина рекомендует парикмахера другой женщине. Одна из них — если ее попросить об этом. Другая — если она думает, что другой женщине необходима небольшая помощь.

О, я получила краткую информацию и решила воспользоваться рекомендацией, полученной не по собственной инициативе. Джуди разрешила мне сделать перерыв в работе в следующую пятницу. Я не сообразила, что в Лос-Анджелесе все делается гораздо дольше, чем предполагаешь сначала, и, конечно, я не понимала, что назначенное время — это всего лишь точка отсчета или старт в начале дистанции, если угодно. Все те годы, пока мои волосы подстригала подруга нашей семьи Диана, она никогда не тратила на это более пятнадцати минут. Поэтому я рассчитывала не более чем на полтора часа, на которые и отпросилась.

Я никогда еще не бывала в салоне, где бы мной занималось сразу так много разных людей. Сначала девушка в приемной проверила назначенное мне время. Затем другая, встречающая гостей, предложила мне напитки. Следующие сорок пять минут я провела за чтением журналов «Гламур» и «Вог» — оба от корки до корки. После чего другая работница сопроводила меня к раковине, а еще одна служительница вымыла мои волосы. Потом еще одна девушка накрутила мои волосы на бигуди для перманента. Мне сказали, что лишь после того, как процедура будет закончена, тогда и только тогда я увижу владельца салона Фрэнка, который сделает мне стрижку. По крайней мере это было гораздо ближе к моим мечтам о косметическом центре, чем приключения в «гетто» по наращиванию ногтей и муки в салоне «Уродование лица».

Однако я начала беспокоиться из-за того, что могу опоздать

домой. На мне решили испытать новинку под названием «самовысыхающий перманент», но после приблизительно часа сидения в кресле с волосами, накрученными на бигуди размером с канализационную трубу, я поняла, что это затянется еще более чем на час, прежде чем мой перманент «высохнет». Джуди рассчитывала на мою помощь во время обеда. Я знала, что ей не понравится, если я опоздаю. Я позвонила домой, чтобы предупредить. Ответила Кармен, голос у нее был измученный. Она сказала, что не может разговаривать, так как занята приготовлением обеда. Она резко повесила трубку, после того как я извинилась и сообщила ей, что я уже в пути. У меня схватило живот. Я действительно не могла опаздывать.

Однако голова моя сверкала бриллиантовым блеском. Мне придется сейчас уйти и отправиться домой с нераскрученными бигуди. Девушка-ассистентка сказала, что все будет хорошо. Я могу самостоятельно снять бигуди и вернуть их завтра. Хоть я и не буду щеголять стрижкой от Фрэнка, но по крайней мере получу новые локоны.

Точно.

Выйдя из салона, я вспомнила, что Кармен просила меня купить по дороге йогурт для детского ленча. В Коттедж-Грув можно было не так уж редко увидеть женщину в бигуди, делающую покупки в гастрономе, поэтому мне не пришло в голову раздумывать над тем, как я выгляжу. Забыв про волосы, я была озабочена лишь тем, как предстану перед Джуди с опозданием на два часа. Итак, я бежала по проходу переполненного гастронома «Ральф», с волосами, накрученными на гигантские бигуди, в каждую из которых была воткнута соломинка для коктейля. Выглядела я так, будто только что ступила на землю с инопланетного корабля, с головой, утыканной антеннами, предупреждающими об опасности. Я заметила, что явно не осталась без внимания окружающих — на меня откровенно показывали пальцами. Я металась по проходам, скорбя об узости представлений жителей Лос-Анджелеса. Что происходит с людьми, однако? Неужели никому никогда не приходилось бывать в подобной ситуации? Неужели никто никогда не испытывал отчаянной необходимости в покупке йогурта, забыв о том, как он выглядит!

Так я думала, пока не увидела свое отражение в стеклянной витрине отдела замороженных продуктов. Я увидела то, что видели они. И мне захотелось провалиться сквозь землю.

Прикрывая свою голову экземпляром «Нэшнл инквайрер»[67], я просочилась через линию контроля. Почему другие могут преодолевать входы и выходы отделов самообслуживания с такой

непринужденностью? Я знала, что дома произведу еще больший эффект.

И в самом деле, Кармен и Делма пополам согнулись от смеха. Брэндон, увидев меня, расплакался.

— Сьюзи, я хочу, чтобы ты объяснила мне, что случилось с твоей головой, — сказал Джош, как строгий, подозрительный папочка. Он был настолько серьезен и озабочен, что я моментально почувствовала себя лучше. Я успокоила его и крепко обняла. И даже засмеялась вместе со всеми.

Но тут в кухню вошла Джуди.

— Не понимаю, как ты собиралась вернуться к четырем, если была назначена на два тридцать, — произнесла она раздраженно.

«Спасибо, что напомнила об этом, когда я записывалась на прием».

Она пристально посмотрела на бигуди и шпильки:

— И что ты сделала с волосами?

Кармен и Делме пришлось покинуть комнату — они никак не могли прекратить смеяться, а из ушей Джуди начал валить пар. Наверняка она не видела в этой ситуации ничего смешного. Пакет из гастронома я положила на стойку и виновато склонила свою тяжелую, непомерно большую розовую голову. Почему она не сказала мне, как долго длятся подобные мероприятия? Не могла ли она дать мне больше свободного времени? Или она хотела, чтобы я выглядела идиоткой?

Я решила, что лучшая тактика — прикусить язык и не давать волю черным мыслям, копошащимся в моей голове. Несмотря на все мои усилия, я пропустила обед. Когда Джуди вышла из кухни, Делма вынула тарелку с едой, которую она припрятала для меня, и разогрела в микроволновке, пока я готовила Брэндона ко сну.

Мне было очень грустно и одиноко.

Едва мне начало казаться, что дела и отношения с Джуди нормализуются, как случилось все это. Или она находится под большим давлением, или я ей не нравлюсь. Я только не могу разобраться, какое из этих двух предположений верное. Я не предвижу возможности завоевать ее расположение в скором времени.

Я скучаю по Райану; и желала бы, чтобы он был тут. Или чтобы я оказалась там. Когда какая-то мелочь идет не так, как надо, мне хочется позвонить ему и услышать его голос (хотя кто знает, что бы он сказал по поводу моего фиаско с прической). Хватит об этом, надо двигаться дальше. Сегодня я увидела в газете объявление группы поддержки для «Женщин, которые любят слишком сильно»[68]*. Должно быть, это по мотивам книги,*

которую я так люблю. Клянусь, автор наверняка шпионила за мной. Я виновна в каждой глупости, о которой она пишет, включая езду на автомобиле мимо его дома, пока он там со своей новой подружкой, в попытке увидеть их через занавески. Может быть, посещение этой встречи поможет мне покончить с мыслями о Райане?

10
Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир

Ты начинаешь жить для своего ребенка и прекращаешь жить для себя. Я обычный человек. И обыкновенная мать.

Уитни Хьюстон

— Я отправляюсь на разведку, Сара! — сказал парень из почтового отдела КАА, который заглянул в комнату и исчез, прежде чем я успела моргнуть.

— Отправляйся, — ответила Сара.

— Что за разведка? — спросила я, наблюдая за стремительной беготней курьеров по коридору.

Сара перегнулась через свой письменный стол и понизила голос.

— Это рекогносцировка местности, как в фильмах про войну, — сказала она, озираясь. — Знаешь, когда посылают бойскаута, чтобы обследовать район и удостовериться, что там нет вражеских солдат поблизости.

Что?

— Так вот, значит, что делает этот парень, — проверяет, нет ли вражеских агентов, которые могли бы спрятаться под лестницей, выжидая удобный момент, чтобы задерживать клиентов КАА?

— Нет. Он должен определить оптимальный маршрут для Майкла к его следующему месту встречи.

— Для того чтобы он смог миновать заложенные мины, которые могут встретиться ему по пути? — засмеялась я, подбрасывая Брэндона у себя на коленях.

— Да, — произнесла Сара, энергично кивая. — Ты же знаешь, Майкл не терпит попусту тратить время или опаздывать; он скорее умрет. Поэтому всякий раз, когда он собирается ехать через город на какую-нибудь встречу или в пригород на расстояние в радиусе двадцати миль, он посылает вперед разведчика, выясняющего дорожную обстановку и определяющего подходящий вариант маршрута. Затем разведчик звонит и сообщает Майклу, как ехать. Иногда я даже рисую карту, которую Майкл берет с собой.

— Вау, с ума сойти, — сказала я.

Однако смысл происходящего был понятен. Боже мой, ведь Майкл даже свои волосы раз в две недели подстригал, не выходя из офиса, чтобы не тратить время на посещение салона.

Частые визиты в КАА открыли мне глаза на мир Майкла. Сначала я просто думала, что это было бы неплохо, если Брэндон будет навещать своего отца, но затем я поняла, что и сама получаю от этого выгоду, поскольку могу общаться с кем-то в возрасте старше шести лет. Саре было около тридцати, она неброская, но привлекательная женщина. В отличие от большинства жительниц Лос-Анджелеса она почти не признает макияжа и не гоняется за модой. И она такая милая! Я всегда ценила ее за доброту и еженедельные дружеские беседы по телефону (ладно, в них я изливала душу).

Однако ее перспективы были самыми радужными. Сара знала, вероятно, лучше, чем кто бы то ни было, что означает жить рядом с Майклом, потому что большую часть времени он проводил на работе, а не дома. Невозмутимая и педантичная, Сара управлялась со множеством своих обязанностей с большим хладнокровием и необычайно эффективно. Она была правой рукой Майкла — ее небольшой кабинет даже был смежным с его огромным офисом.

— Твоя работа очень напряженная, — провозгласила я.

— Сьюзи, это как раз у тебя очень напряженная работа, — возразила Сара. — Я не могу представить себе, как можно жить в этом доме. Знаешь, когда Джуди звонит сюда, она называет тебя «эта нянька». Я всегда переспрашиваю ее: «Вы имеете в виду Сьюзи?», но на нее это, кажется, никогда не действует. Она ведет себя так, будто я не знаю, кто ты, или как будто ты не реальный человек.

— По крайней мере она хотя бы признает, что имеет няню, — ответила я. — Я встречала тут многих девушек, чьи хозяева не делают даже этого.

Договоры о конфиденциальности как раз входили в моду, и многие девушки были вынуждены подписывать «обязательство о неразглашении информации», прежде чем поступить на работу к знаменитости. Некоторые работодатели даже требовали, чтобы их обслуживающий персонал подписывал очень жесткие соглашения, с обещанием никогда не разглашать, на кого они работают.

— Одна девушка даже не могла сообщить матери свой адрес, — сообщила я Саре. — Ей пришлось арендовать почтовый ящик, чтобы получать почту!

Благодаря Саре я узнала много нового о моем боссе. Он был мастером сделок, и после образования агентства ему

потребовалось относительно немного времени, чтобы привлечь к сотрудничеству и завоевать доверие всех значимых персон в этой индустрии и составить список мультимиллионнодолларовых клиентов. Он готов был на все — от потакания любым желаниям своих суперзвездных клиентов до переманивания новых талантов, шпионя за их агентами, которые занимались кино, телевидением, сценариями и имели дело с самыми громкими именами в стране. Он был похож на спрута, щупальца которого завладевали всем, до чего могли дотянуться. Фактически все, кто когда-либо имел с ним дело, попадали под его обаяние и очаровывающую самоуверенность, но все также знали о его репутации беспощадного человека по отношению к людям, вставшим у него на пути. (Мне стало ясно, почему его любимой книгой была «Искусство войны».) Майкл был настоящий трудоголик и неистово загружал себя работой, но того же требовал он и от своего персонала.

Несмотря на такую тяжелую обстановку, персонал агентства был поразительно предан делу. Они были командой чемпионов; по крайней мере они были важными персонами в городе. Непосвященные думали, что все они были запуганы и подавлены. Однако изнанка такой корпоративной культуры была еще непригляднее.

— Сьюзи, я не рассказывала тебе о смерти отца подруги моего детства? — спросила Сара. — Я узнала об этом в четверг и сразу же попросила Майкла разрешить мне присутствовать на похоронах в понедельник. Я сообщила ему, что, вероятно, вернусь в офис во второй половине дня. Хотя, конечно, я знала, что он будет недоволен. — Она прикусила губу. — Ведь понедельник у нас традиционно самый напряженный день.

— Что? Ты смеешься. Ведь ты отпрашивалась на похороны, верно?

Иногда в Коттедж-Грув фирмы закрывались и в середине дня, чтобы владельцы могли посетить мемориальные мероприятия.

— Знаю. Но вид у него был мрачно-разочарованный, когда он ответил: «Сара, я не могу поверить, что ты покидаешь меня в понедельник».

— Правда?

— Если тебя это удивляет, — сказала она, потешаясь над моим смятением, — давай я расскажу тебе о том, как Карен просила предоставить ей немного свободного времени. Она одна из самых важных сотрудниц в этом здании — составляет платежные ведомости на всех работников компании каждые две недели. Три месяца назад она должна была рожать. И спросила моего совета, как ей подступиться к Майклу по поводу ее

предстоящего декретного отпуска — может быть, она могла бы составлять платежные ведомости дома? Я пошутила: «Отпуск? Тебе повезет, если ты сможешь покинуть офис в день родов». Проблема была как раз в том, что пророчество, как оказалось, было верным.

— Ты шутишь! Что произошло? — спросила я, пересаживая Брэндона на другое колено.

— Больше всего Майкл не хочет, чтобы кто-то знал о доходах сотрудников агентства.

Это секрет, который охраняется так же тщательно, как конверты от «Прайс уотерхаус»[69] ночью перед присуждением премии «Оскар». Карен — вероятно, единственный человек, помимо финансового директора, который это знает. Я уверена, Майкл заставил ее кровью подписать сорокастраничный договор о неразглашении информации.

— Во всяком случае, как выяснилось, она собиралась стимулировать роды в субботу вечером и в случае удачи надеялась разродиться в воскресенье. Я сообщила Майклу, что Карен, очевидно, будет не в состоянии прийти в офис в понедельник и что она, вероятно, будет отсутствовать по меньшей мере недели три, а возможно, и больше.

— И что он сделал?

— Он приказал мне отправить компьютер, принтер и все необходимое для составления отчетности ей на дом и заявил, что она может составлять платежные ведомости у себя.

Я уставилась на Сару.

— О, Карен была счастлива, — заверила меня Сара. — Так она могла проводить больше времени с младенцем.

Легко понять, почему такое решение проблемы было для Майкла естественным. В конце концов, его собственные дети имели сиделку, а затем няньку — чем же должна была заниматься мать?

Это заставило меня задуматься о том, как будут жить его дети, когда вырастут. По-видимому, они проживут всю свою жизнь с людьми, которым будут платить за то, чтобы те заботились об удовлетворении всех их потребностей. Они никогда не научатся многое делать самостоятельно.

С другой стороны, возможно, это не будет проблемой.

Я представила себе, что Брэндон, Аманда и Джошуа — все выросли и пробуют выяснить, как пользоваться веником или совком, задаваясь вопросом, где найти такие инструменты. Я могу представить себе каждого из них, имеющего свой собственный автомобиль: «порше» для Аманды, «феррари» для Джошуа и «хаммер» для Брэндона. И конечно, в их жизни не

будет такого опыта, как у меня в старших классах школы, когда я помогала моей подруге Кристине толкать ее старенький «фольксваген» с горки, чтобы он завелся. Эми и я толкали сзади, а Кристина сидела за рулем. Я пыхтела и задыхалась от выхлопных газов, держась за бампер древнего «жука». Кристина крикнула, когда мы разогнались достаточно быстро, и тогда Эми и я, обе рванули на себя дверные ручки и успешно запрыгнули на пассажирские сиденья, свалившись друг на друга. Кристина выжала сцепление, и мы поехали. Она даже не пыталась установить нормальный стартер. Иногда друзья удачно заменяют деньги. Однако я не думаю, что обратное бывает верным.

Что будут делать эти дети, став подростками, если у них возникнут проблемы с автомобилем? Я с трудом могу представить себе их, делающих что-то более сложное, чем вызов своих личных помощников по телефону. Однажды вечером, когда мы с Кармен ужинали, я затронула эту тему:

— Что будут делать эти дети, когда вырастут? Их ведь даже ни разу не просили сложить собственные вещи в корзину для белья, и они никогда не вынули ни одной тарелки из посудомоечной машины за все время своего детства.

— Су-зита, это не имеет значения, — ответила она. — У них будет так много денег, что им не придется делать ничего подобного.

Я же не могла не думать об этом в течение нескольких последующих дней. Чем такие дети закончат? Как они будут ходить в колледж и заботиться о самих себе, готовить еду, гладить рубашки, знать, что при стирке нельзя смешивать светлое и темное? Ради всего святого, Аманда даже не знала, что в мире есть люди, ездящие на автомобилях без автоматических стеклоподъемников. В первый раз, когда я взяла ее с собой в магазин на автомобиле Делмы, она вопрошающе переводила взгляд от ручки стеклоподъемника на меня и обратно.

— Где оконная кнопка?

— Некоторые автомобили не имеют электропривода стекол, Аманда. Иногда приходится крутить ручку самой, — сказала я, делая особое ударение на последнем слове. — Вот как это делается.

Я продемонстрировала ей, как обращаться с ручкой. Она смотрела на меня так, будто я дала ей детальное объяснение теории относительности.

Я тогда не знала, что многие потомки знаменитостей жили подобным образом защищенной жизнью. Годы спустя знакомая рассказала мне историю о сыновьях четырех и шести лет одного из наиболее популярных ведущих ток-шоу в Америке. Когда они

разместились в креслах салона первого класса, дети спросили няню: «А кто все эти люди на нашем самолете?» За всю свою короткую жизнь они еще ни разу не летали на рейсовых.

* * *

В те редкие выходные, когда Мэнди и я были свободны, мы любили ходить по магазинам. Мы не мечтали о том, чтобы посетить поражающий воображение дизайнерский бутик на Родео-драйв; вместо этого мы часто проводили вторую половину дня в «Беверли-центр» в Западном Голливуде, огромном торговом центре с «Хард-рок кафе», выходившем на улицу. Мой рабочий гардероб по-прежнему состоял большей частью из шорт, джинсов, футболок и джемперов — одежды, которой не страшны были рвота, грязь, краски и сопли. Это не было тем, что большинство женщин называют профессиональным гардеробом, если они не относились к моей профессии. На одной заслуживающей особого внимания вылазке ко мне прилипла одна очень настойчивая продавщица, пригласившая половину своих коллег к трехстороннему зеркалу, чтобы они помогли ей уменьшить счет на моей кредитной карте.

— О, моя дорогая, это как раз для вас, — сказала одна из продавщиц.

— Вы путешествуете? Это прекрасно подойдет для путешествия.

— Превосходно, абсолютно сногсшибательно; это вас так стройнит, — сказала другая.

Стройнит? Никогда не думала, что я толстая, но это делало меня более худощавой, фантастика!

— Я беру это, — сказала я. — Упакуйте.

Продавщица бережно сложила аккуратным квадратом белый хлопчатобумажный цельный спортивный костюм типа комбинезона и положила в пакет. Мэнди молча следила за мной во время примерки. Это было непохоже на нее, но я от комплиментов парила так высоко, что даже не заметила ее необычного поведения. Сейчас, вспоминая этот эпизод, я понимаю, что в магазине имелась только та одежда, которую ты видишь на экране «Телемагазина» и которую можно надевать пятьюдесятью шестью разными способами. Но я услышала только то, что продавщица сказала, будто этот костюм отлично подходит для путешествия, а я вскоре собиралась путешествовать.

Это верно, мы собирались в Аспен вместе с семьей Эйснер. Во время собеседования Майкл спросил меня, катаюсь ли я на лыжах

и могу ли я управлять автомобилем на заснеженных дорогах. Возможно, я помогла бы детям на некрутых склонах? Я представила себя изящно съезжающей вниз по склону горы и опрятный ряд укутанных малышей, двигающихся по моему следу. Однако когда я начала упаковывать детские вещи, никто не спросил, есть ли у меня самой лыжная одежда. Я ничего не собиралась говорить; я придерживалась своей политики справляться с проблемами по мере их поступления, вместо того чтобы задавать вопросы. Поэтому я просто бросила в чемодан пару орегонских свитеров на случай холода, рассчитывая, что смогу взять лыжи напрокат, если потребуется. И кроме того, у меня был новый комбинезон для полета на частном самолете.

Когда наконец наступила суббота, я бросила на себя в зеркало торопливый взгляд. Поскольку оно было небольшим, я видела мой новый ансамбль только до талии. Ужасно стильно, подумала я. Когда я спустилась по ступенькам лестницы, Джошуа и Аманда остановились как вкопанные в прихожей со своими чемоданами. Их глаза буквально вылезли из орбит.

— Ты выглядишь как астронавт! — выпалил Джошуа.

Аманда указывала на красный пояс, опоясывавший мою талию.

— Что это? — спросила она так презрительно, как только может трехлетка с косичками.

— Характерный штрих, — объяснила я неуверенно.

Появился Майкл. Выражение его лица при виде меня я не могу описать точно — нечто среднее между досадой и смущением.

Я решила подняться наверх и переодеться.

Придя в свою комнату, я встала перед зеркалом на стул и поинтересовалась, чем же это я произвела такой фурор. Дети и их отец были правы. Я была похожа на снеговика из детской школьной пьесы. Когда же я повернулась, то отчетливо увидела маленькие красные сердечки на моем нижнем белье. Они просвечивали сквозь белую ткань костюма. Боже всемилостивый!

Пристыженная, я переоделась в свою стандартную униформу: шорты и футболку. Крадучись спустилась вниз и начала загружать багаж в лимузин, пытаясь втиснуть в багажник гору поклажи, которую мы брали с собой на шесть дней в Колорадо.

Семью Эйснер мы встретили в аэропорту. Их «караван» состоял из самих супругов Майкла и Джейн; их няни-мужчины по имени Пол, который был на несколько лет старше меня; и трех их сыновей в возрасте девяти, двенадцати и восемнадцати лет. В Колорадо мы должны были встретиться также с матерью мистера Эйснера плюс девушкой его старшего сына, которая должна была

прилететь откуда-то с восточного побережья. Эйснеры были хорошими друзьями семьи, и Майкл Эйснер, главный исполнительный директор компании Диснея, предложил использовать диснеевский корпоративный реактивный самолет. Оказавшись на борту этого самолета, можно было забыть, где находишься. Все предметы в самолете были украшены изображениями или Микки Мауса, или Гуфи — от карандашей до салфеток и стаканов. Я не могла не усмехнуться, когда увидела, что с каждого квадратика туалетной бумаги мне улыбается большой Микки.

Я забеспокоилась, как бы мне не пришлось глазеть на эту туалетную бумагу в продолжение всего полета — мой желудок выписывал «мертвые петли» все время, пока мы были в воздухе. Я вообще чувствовала себя нехорошо, но сумела держать себя в руках весь полет. После приземления, несмотря на тошноту, я помогла погрузить более двадцати мест багажа опять в лимузин, затем еще и разгрузить его у дома Эйснеров. Однако затем я почувствовала, что покрываюсь холодным потом, и тошнота накатила на меня, как приливная волна. Я подумала, что это из-за полета, и убедила себя, что все быстро пройдет, если только я смогу добраться до стула и посидеть несколько минут. Но к тому времени как все уже были в доме, я поняла, что со мной действительно не все в порядке. И само это не пройдет. Я догадалась, что вдобавок к обильной начинающейся менструации я, вероятно, подцепила какую-то разновидность гриппа.

С трудом я доползла до спальни, которая предназначалась для Брэндона и меня, но не прошло и минуты, как я услышала, что меня зовут. Я вышла. Мистер Эйснер и его мать стояли в холле и оба внимательно смотрели на меня. Мое лицо было белым, как простыня, и по нему струился пот.

— Бог мой, Сьюзи, ты выглядишь ужасно. С тобой все в порядке? — спросила миссис Эйснер.

— Тебе надо прилечь, — сказал ее сын.

Я начала отвечать им, когда увидела Джуди. Выражение ее лица как бы говорило: «О чем вы толкуете? Я не заметила, чтобы с ней было что-то не так!»

Я быстро прошла в ванную комнату, заперла дверь и нечаянно услышала, как Джуди начала жаловаться, что в комнате недостаточно чисто. Это строение было небрежно декорировано в стиле полудеревенского дачного дома, но — для отдыха, для детей, собак и катания на лыжах — этой педантичной семье тут было очень неуютно.

Но даже это не могло расстроить меня: через несколько секунд я уже лежала на ледяном кафельном полу, свернувшись

калачиком. Я знала, у Джуди нет времени на мою болезнь, и я полагала, что ее автопилот с программой отказа был уже активирован. В этом плане она была похожа на своего супруга; иногда казалось, она не испытывает никакой симпатии к своим работникам. Мне чудилось, что я уже слышу ее голос: «Мы проделали весь этот путь не для того, чтобы подстраивать наш отдых под физическое состояние нашей прислуги».

Я слышала, как Майкл громко вопрошает в холле:

— Где Сьюзи? Где же Сьюзи? Нам пора отправляться.

Мне было так плохо, что я не могла собраться с силами, чтобы откликнуться. Я знала, что Брэндон спит в своей кроватке. Если они сейчас уйдут, я могла бы добраться до постели и отлежаться. Но сейчас мне было слишком больно, и не хватало сил отозваться. Я только молча продолжала молиться, чтобы они ушли: «Уйдите, уйдите, уйдите. Пожалуйста, оставьте меня в покое».

— Где Сьюзи?

Я все еще слышала его крик по другую сторону двери и детские голоса, отвечающие хором:

— Я не знаю, папа. Пойдем!

Наконец, к счастью, я услышала, как открывается и закрывается входная дверь. Дом опустел и погрузился в тишину. Когда мне удалось заставить себя подняться на ноги, я обнаружила, что все ушли — за исключением Брэндона, который лежал в кроватке, спокойно играя своими ножками. Неужели они действительно все ушли, не зная, где я? Почему они не взяли с собой малыша? Что, если я серьезно заболела и не могла бы следить за ним?

Это поразило меня. Они действительно обращали на меня слишком мало внимания, чтобы заметить, что у меня могут быть собственные проблемы. Я чувствовала себя очень, очень одинокой.

К следующей ночи болезнь, которую я подхватила, навалилась на меня, как зимний шторм. Спазмы составляли мне компанию два последующих дня, но мне удалось справиться с этим. Однажды, когда я выползла из своей комнаты, я обнаружила, что весь огромный дом заполнен людьми. Старший сын Эйснеров сидел на кухне со своей девушкой. Она была богатой наследницей какого-то очень известного состояния и была наиболее эгоцентричной и надменной из всех, кого я встречала до сих пор. Думаю, что из сказанного ею за всю поездку нашлось лишь несколько слов, не связанных с богатством ее семьи. Мне пришлось отдать должное ее умению находить изобретательные способы, чтобы по любому поводу упоминать

свое исключительное финансовое положение, независимо от темы: снегопад на улице, ее ночной сон, способ соления картофеля. У нее был очень необычный талант, в значительной степени отшлифованный. Сознаюсь, я терпеть ее не могла.

На третий вечер нашего пребывания в Аспене вся компания отправилась в дом Голди Хоун на обед. Брэндон и я остались дома, поскольку они предполагали задержаться в гостях допоздна. Нянь Эйснеров тоже остался дома. Он оказался достаточно симпатичным парнем — невысокий и очень скромный. Редко приходится встречать мужчин, ухаживающих за детьми. Я была более чем заинтригована.

После краткой вежливой беседы я застенчиво спросила:

— Могу я узнать твое мнение кое о чем?

— О чем же? — взглянул он на меня с любопытством. Может быть, готовился услышать нечто приятное?

— Джуди намекала, что я встречаюсь со старшим сыном Эйснеров, — сказала я, сама смутившись своих слов.

Пол разразился хохотом. Это не было так уж смешно.

— Погоди минутку, Пол!

— Нет, нет. Прости! Я смеюсь не над тобой. Это потому что мы, няни, находимся на самой нижней ступени в неофициальной иерархии. Фактически я даже не знаю, включены ли мы в нее вообще. Совершенно исключено, чтобы Эйснер стал встречаться с няней. Этого просто не может быть. Они никогда не снизойдут до прислуги.

Он встал и вышел из комнаты, посмеиваясь.

Очевидно, мне еще многое нужно узнать о социальной лестнице богачей. Но Джуди, возможно, тоже. Свое предположение она высказала искренне, причем дважды. Возможно, она считала, что это прозвучит для меня комплиментом? Или, может быть, это ей показалось, поскольку мы с ним были одного возраста, а что может быть иначе, ей даже не приходило в голову. Я всегда думала, что выражение некоторой неловкости на лице Джуди объясняется ее социальным статусом, и задавалась вопросом, насколько комфортно она чувствует себя при всем своем богатстве. Уверена, что подростком она никогда не думала, что выйдет замуж за человека, стоящего миллионы. Может быть, она считала это просто счастливой случайностью, чем-то таким, с чем я, например, даже не могла бы столкнуться.

Разговор с Полом помог мне разобраться кое в каких мучивших меня чувствах. Я старалась быть незаметной именно из-за такого отношения к себе. Я никто! Мы никто. Сейчас он это очень точно сформулировал. Я все больше и больше

привязывалась к детям, но способ построения наших отношений все больше запутывал и их, и меня. Извращенное отношение, которое практиковал Джошуа, имело свою подоплеку — я действительно заботилась о них, потому что мне платили. Не имело значения, что моя любовь и привязанность были подлинными. Я начала понимать, что богатые рассматривали статус няньки как очень низкий и считали ее легко заменимой.

Пол был прав. Я всего лишь прислуга. Даже если я в десять раз более привлекательна и весела, чем мисс Присси[70], это не имеет значения. Просто я не в той лиге. Я даже не играю в нужную игру, чтобы присоединиться к ним. Моя проблема в том, что я не люблю слушать правду. Пол лишь пытался объяснить мне, где мое место. Кажется, он смирился со своей ролью в семье Эйснер. Он поделился со мной тем, что у миссис Эйснер, как оказалось, была достаточно странная стандартная практика ведения собеседования — каждого парня, который приходил на собеседование, она спрашивала, не гей ли он. Его предшественник предупредил его об этом и порекомендовал «не принимать это на свой счет». Я решила обратиться к этой логике и в моей ситуации. Мне просто надо постоянно напоминать себе, что мои хозяева не друзья мне и что нет ничего личного. Почему я сетую? Эту работу я выбрала сама, и мне платят гораздо больше, чем другим няням. Приободрись, Сюзанна! И попроси какое-нибудь болеутоляющее средство в медицинском кабинете за чужой счет.

Майкл был единственным, кто на следующий день действительно отправился кататься на лыжах, а мы все потащились по склонам и сели в гондолу, которая доставила нас прямо к вершине. Там на самом верху стоял фотограф, делавший семейные снимки, снимая всех в их яркой и дорогой лыжной экипировке. Джуди подошла к нему и стала обсуждать стоимость группового портрета. Вернувшись, она спросила, не могу ли я подождать в стороне, пока они будут фотографироваться. Они хотели бы сфотографироваться «только семьей».

— Да, конечно, — ответила я, мысленно закатив глаза. «Да, я понимаю, что вы не желаете видеть няньку на своих фотографиях в семейном альбоме».

И они дружно начали снимать свои лыжные куртки и шапочки, сваливая их мне в руки.

— Сьюзи, как хорошо, что ты здесь, — бросила Джуди через плечо, отходя. — Ты замечательная вешалка для одежды.

Это путешествие заставило меня почувствовать себя

тетушкой Эдной из семьи Грисволд в «Рождественских каникулах», связанной брачным аферистом и брошенной по пути в «Уолли Уорлд»[71]. Когда мы наконец вернулись домой, я позвонила Мэнди, которая только что вернулась из поездки в Нью-Йорк с семьей Голдберг. Она сообщила, что некий парень по имени Дэвид Геффен[72] и его подруга Кэрри Фишер летели вместе с ними на том же самолете. Она узнала в Фишер принцессу Лею из «Звездных войн», но не имела понятия, кем был этот мужчина. Она отнесла бы его к классу владельцев студий звукозаписи. Он проводил время, болтая с ней о детях, и, как оказалось, был очень милым, поэтому мы обе высказали предположение, что он не мог быть кем-то уж очень важным. Большие «шишки» не тратят свое время, болтая с няньками.

Разрешите девушкам из провинции ошибиться снова. Мы не знали имени Геффен, музыкального колосса нашего времени.

Поездки Мэнди всегда были более богаты событиями, чем мои.

Ее семья дружила также с Куртом и Голди — однажды она летела с ними из Нью-Йорка. Она описывала их как поразительно доступных людей. Во время полета Курт готовил сандвичи для детей, а Голди заставила всех петь хором. Я попыталась представить себе Майкла, обращающегося к каждому пассажиру самолета с вопросом: «Тебе сандвич с майонезом без холестерина, конечно же?», а затем Джуди, распевающую куплет «Девяносто девяти бутылок импортного пива на стойке»[73].

Почему-то мне никак не удавалось представить это.

11
По секрету

Надеюсь, я не поступаю в ущерб родительским обязанностям ради профессиональной карьеры. Очень трудно соблюсти этот баланс, но это то, к чему я стремлюсь.

Ума Турман

То, что мы с Мэнди могли обмениваться историями, очень облегчало душу. Недостатка в них не было.

— Подожди. Прежде чем ты начнешь, я хочу задать вопрос, — сказала она.

— Черт! Что такое?

— В твою спальню провели телефон, верно?

— Ага! Отдельная линия от их четырех, — напомнила я ей.

— Хорошо, когда я въехала, миссис Голдберг сказала, что мне не нужно устанавливать мой собственный телефонный номер, что я могу пользоваться ее телефоном. Поэтому теперь в конце каждого месяца она просматривает все счета и отмечает мои звонки, чтобы я их оплачивала. Проблема в том, что она делает при этом небольшие комментарии, типа «Ты разговаривала с кем-то полтора часа».

— Почему бы тебе не сказать ей: «Да, разговаривала. Мне нравится поддерживать контакт с окружающим миром»? — сказала я. — Говоришь, она проверяет счета и отмечает все твои звонки? Держу пари, те пятиминутные звонки в Мизулу вряд ли привлекли внимание хозяйки. Что она говорит? Там есть один за сорок три цента… Упс, вот еще один, г. Бозмен, Монтана… О, здесь есть настоящая громадина: шесть долларов двадцать восемь центов с Еленой. Рада, что я не пропустила его…

Мэнди перебила меня:

— Это не смешно.

Я не могла удержаться:

— Тогда ладненько, я рада, что они понимают, что не занимаются благотворительностью, когда берут у тебя эти деньги. А ты не получила очередной бесплатный сыр на этой неделе?

И такая скаредность на фоне того, что ее хозяин только что установил в одной из нижних ванных комнат небольшой витраж стоимостью пятнадцать тысяч долларов. А у бедной Мэнди

удержания из ее платежной ведомости были больше, чем законные налоговые вычеты.

Мне нравилось слушать о несчастьях бедной девушки — тем более что я делаю это по телефонной линии, за которую плачу сама.

Кроме того, мне тоже необходимо было выговориться. Я бы умерла, если бы не рассказала кому-нибудь о тысячедолларовых нарядах, которые доставил в наш дом персональный агент по закупкам. Я не могла поверить своим глазам, когда какой-то фургон остановился у наших дверей и двое мужчин суетливо и быстро вкатили стойки с моделями одежды от-кутюр для Джуди. Прекрасно одетая продавщица, на которой был костюм, стоивший, вероятно, больше, чем я заработаю за год, вместе с ней переходила от платья к платью, записывая то, что она выбрала, в маленькую записную книжку ручкой «Монблан» (кто знал, что такая ручка может стоить пятьсот долларов?). Неудивительно, что Джуди не часто ездила по магазинам — магазины сами приезжали к ней!

К этому моменту я провела так много времени в этом доме, что мой мир сузился, и такие маленькие события приобрели значимость. У меня не было перспективы. Я всегда была на посту, и мои рабочие дни были бесконечны. Я знала, что половина вины по крайней мере лежит на мне, и от этого только еще больше злилась. Я ругала сама себя за то, что никогда не упоминала о контракте и никогда не обсуждала, сколько часов я буду работать или каковы будут мои обязанности.

Я усвоила, что для меня не существует понятия «после работы». Никаких запланированных ужинов с друзьями или походов в кино вечером. Разве нет закона о труде, где говорится, что в течение восьмичасового рабочего дня ты имеешь право на два пятнадцатиминутных перерыва и один час для обеда? Полагаю, что это не касается нянь. А каковы правила для 16-часового дня? Ты получаешь четыре пятнадцатиминутных паузы и двухчасовой перерыв на ленч?

Мэнди и я считали, что нам необходимо завершить нашу печальную партию вдвоем и расширить наш мир, поэтому мы записали наших малышей в центр «Джимбори»[74] в Санта-Монике. Это было более привлекательно, чем прогулки в соседнем парке. В «Джимбори» собирали детей приблизительно одного возраста для совместных игр, пения и общения. И при этом родители — и няни тоже — могли общаться.

Мы с Мэнди ошеломленно слушали, как одна мамочка,

смеясь, рассказывала своим подругам, что ее няни должны были пройти тест на «уродливость».

— Я иду в офис Боба, чтобы отобрать кандидаток для первого собеседования, — хихикала она. — Чем толще и безобразнее, тем лучше. Знаете ли, лучше перестраховаться.

Тогда я этого не понимала. Зато теперь понимаю. Робин Уильямс закончил тем, что развелся с женой и женился на няне. А Стивен Сигал назвал свою дочь в честь няни, у которой позже родился от него ребенок. Может быть, в рассказе супруги, страдающей подобной паранойей, был смысл.

— Сьюзи, — сказала Мэнди, одним глазом глядя на Элли, кувыркавшуюся поблизости, — ты никогда не поверишь в это, я наконец встретила Мэла Гибсона собственной персоной!

Я усмехнулась. Мэл был для Мэнди — то же самое, что Том Круз для меня.

— А я оказалась такой недотепой, что сама не могу поверить в это! — застонала она.

— О нет. Что случилось?

— Ну, я заглянула в список приглашенных на празднование очередной годовщины Голдбергов, который лежал на письменном столе миссис Голдберг. С информацией о том, кто есть кто. Я имею в виду, что в нем были все — от Долли Партон[75] до Куинси Джонс[76], а прямо посередине был Мэл Гибсон. О небо, подумала я, наконец-то я встречусь с ним. Поэтому я добровольно вызвалась встречать гостей у дверей вместо привратника. Знаешь, таким образом я надеялась пожать ему руку или что-нибудь в этом роде.

— Ну и как, пожала?

— Итак, я пришла туда. И стою у дверей, приветствую Ширли Маклейн, Келли Ли Брок, Дона Джонса — сама ни жива ни мертва. На мне было синее платье, как у тебя. Наконец после того, как я впустила уже, наверное, человек сорок, появился он. Боже мой, он был такой красивый, даже лучше, чем в фильмах.

— Итак, что же ты сделала — попыталась обнять его или что-то еще?

— Нет, нет. Я начала говорить «Здравствуйте, мистер Гибсон», но слова из моего рта не вылетали, только воздух. Неожиданно я задышала, как чистокровный скакун, только что пересекший финишную линию. Я попыталась отвернуться, чтобы он не видел меня в таком состоянии, и повалилась вверх тормашками через стул, приземлившись на спину, дрыгая в воздухе ногами и потеряв при этом одну туфлю.

— О Боже мой! — засмеялась я.

— Знаешь, я чуть не умерла.

— Он помог тебе встать?

— Не совсем. Он хотел сделать это, но краешком глаза я увидела очень раздраженную миссис Голдберг, поэтому я выкарабкалась сама. Интересно, что он подумал — ведь не думаешь же ты, что он видит подобное все время?

— Уверена, что он привык к этому, Мэнди, — сказала я, пытаясь утешить ее. — Не расстраивайся. Ты выставила себя «в лучшем виде», как пораженная звездой идиотка. Слава Богу, ты не причинила беспокойства Мелу. Маргарет — упс, я имела в виду миссис Голдберг — никогда не простила бы тебе этого. Надеюсь, ты не сломала стул, потому что, как тебе известно, тебе бы пришлось заплатить за него!

— О, все плохое случается обычно по моей вине, — сказала Мэнди. — Моей или Грасиэлы.

Грасиэла была их домработница.

— Да, хорошо иметь прислугу, чтобы можно было упрекать ее по мельчайшему поводу, что бы ни случилось, — размышляла я.

Мэнди и я уже много раз обсуждали эту привычку, присущую обоим нашим респектабельным семействам, — обвинять прислугу, особенно когда что-то терялось. Такие мини-драмы приключались практически каждый божий день.

— Ты, наверное, слыхала, что миссис Овитц бранилась вчера из-за детского автомобильного сиденья, — сказала я. — Никто не мог найти его, и она пришла в настоящее бешенство. Глория, Роза и я терпеливо пытались расспросить ее, уверена ли она, что не забыла его в одном из других автомобилей, а она только огрызалась: «Конечно, уверена! Я думаю, садовники забрали его. Эти люди вечно что-то у меня воруют!» Как будто садовникам нужно детское автомобильное сиденье. Естественно, спустя час с четвертью его обнаружили в автомобиле Кармен. Представь себе, в этом, его и назвать-то так можно с трудом, автомобиле. Она брала Аманду с собой в магазин.

— О, не говори мне об этом, — возразила Мэнди. — Грасиэла и я однажды целый час искали одно из платьев Элли. Миссис Голдберг была уверена, что его унесли строительные рабочие, заменявшие окна. «Представьте себе — украсть у ребенка!», — сказала она нам. Как будто этим парням понадобилось стырить маленькое розовое платьице. Как выяснилось, оно лежало в сумке с пеленками в автомобиле.

Мы разразились приступом смеха, какой бывает, когда выпускаешь копившееся неделями напряжение. Мы смеялись даже после занятий в «Джимбори», ведя за собой своих подопечных. Миссия выполнена: дети утомились, няньки прошли терапию.

Однажды днем я случайно услышала, как Джуди произносит мое имя по телефону. Я напрягла слух, насколько могла.

— О да, вам определенно необходима няня, — говорила она, любезно соглашаясь. — Моя — просто спасительница. Я не знаю, что бы я без нее делала. Она — моя правая рука.

Ее правая рука??? Моя правая рука чуть не отвалилась.

— Она делает гораздо больше, чем просто заботится о детях. Однажды она, зная, что мне нужно заказать ленч в «Айви», в то время как я была очень занята, сделала это вместо меня.

Это были самые добрые слова, которые она когда-либо говорила обо мне. Наши, похожие на аттракцион «железная дорога с трамплинами и горками», отношения достигли наивысшего уровня. Если бы я только могла заморозить их в ту же секунду на этом месте. Позже в тот же вечер Джуди сообщила мне, что она разговаривала с Салли Филд. И спросила, не знаю ли я еще одну няню, которую могла бы порекомендовать, — Салли лежала «на сохранении» и должна была через пару месяцев рожать.

Ни одна из моих одноклассниц по Институту нянь не казалась мне достаточно подходящей. А как насчет Тэмми Манро? Она была классом младше меня в школе, и я всегда восхищалась ею. Я знала, что она могла бы быть превосходной няней. По правде говоря, я считала, что Тэмми была совершенна во всем — блондинка, красавица, милая, умная, добрая, любила животных и каждое воскресенье ходила в церковь. Единственное, чего ей не хватало, — хорошей работы. Она по-прежнему жила в Коттедж-Грув и работала в морозильном цехе по производству йогуртов вместе с моей младшей сестрой Трейси.

С позволения Джуди я позвонила Салли (обращаясь к ней «мисс Филд», конечно же, просто на тот случай, если она любила церемонии, как, например, миссис Голдберг) и рассказала ей все про Тэмми. Ее непринужденная манера разговаривать сделала беседу простой, и голос у нее был добрым и ласковым. Дрожа от возбуждения, я позвонила Тэмми и настояла на том, чтобы она немедленно прилетела и прошла собеседование. Менее чем через неделю она прилетела в Лос-Анджелес для личной встречи с Салли, после длительной телефонной беседы с ней.

— Скорее расскажи мне, как все прошло? — требовала я, после того как она вернулась из дома Салли. Тэмми остановилась у нас, пока шел предварительный период. Я ждала ее со скрещенными пальцами в надежде на то, что звезды расположатся таким образом, чтобы у меня здесь появилась еще одна подруга.

— Ладно. Знаешь, я очень нервничала, когда уезжала из дома, — сказала Тэмми, заваливаясь на персикового цвета

покрывало, — и ко времени прибытия сюда мне было так плохо, что я думала, меня стошнит. Но я помнила, что должна буду встретиться с тобой, это придало мне сил.

Я усмехнулась:

— Ты была слишком неопытной, чтобы пойти на попятный!

— Я позвонила у ворот, и вышел какой-то невероятно великолепный мужчина. Сьюзи, я думала, лишусь чувств, настолько он был красив.

— Кто-то знаменитый? — улыбнулась я понимающе. Ей еще предстоит привыкнуть к параду знаменитостей.

— Это был муж Салли, Алан, сама любезность. И Салли тоже. Но у меня было такое чувство, что они думают, будто я не очень-то толковая, — сказала Тэмми. — Алан спросил меня: «С нашим образом жизни нам нужен такой человек, который с нами поладит. Что ты думаешь по этому поводу?» Я ответила, что чувствую себя с ними нормально. Я достаточно спокойная. Однако спросила, как себя чувствуют они, комфортно ли им со мной. И тогда Алан согнулся пополам от смеха.

— Тэмми, ты «девушка из Мэйберри, США». Почему им было бы некомфортно с тобой?

— Я знаю! — съежилась Тэмми. — Идиотский вопрос. Алан сказал, он уверен, что я отлично подхожу.

Мы вдвоем провели большую часть уик-энда, отсиживаясь в моей комнате, смотря телевизор, читая журналы и взволнованно разговаривая о будущем Тэмми. Я посоветовала ей поступить в институт нянь и учиться там в оставшиеся месяцы, пока Салли не родит, что показалось ей отличной идеей. К концу вечера в наших желудках заурчало. Мы проголодались, но Майкл и Джуди были дома, и мне не хотелось спускаться вниз.

— Я уверена, что такого со мной не будет, если я стану работать у Салли, — сказала беспокойно Тэмми. — Не могу поверить, что ты чувствуешь себя так неловко в доме, где живешь.

Визит Тэмми заставил меня осознать, насколько я привыкла к чувству дискомфорта, испытываемого большую часть времени. Как я могла проигнорировать наставления по поводу контракта, которые мне давали в институте нянь? Я сама себя подставила. Сама виновата. Я привыкла считать себя достаточно смышленой, но должна признать, что была кретинкой, не настояв на точном определении рабочего времени. Мне необходимо было собраться с мужеством и сказать своим хозяевам, что мне надо поговорить с ними. Гораздо проще было бы сделать это в рабочем кабинете моего босса, постучать в дверь и войти. Но здесь — что я могла сделать? Спросить Джуди, не могла ли бы она зайти в мою

спальню для приватной беседы? Могу себе представить… Вот, Джуди, присаживайся на мою кровать, чтобы я могла затронуть некоторые проблемы уточнения условий труда. Ох! Запомни эту мысль… Брэндон плачет, а теперь он описал пеленки. Как только я их сменю, мы сможем продолжить анализ моей службы.

Я не задумываясь критикую Мэнди за то, что она не умеет постоять за себя. Однако гораздо легче ругать ее за слабохарактерность, чем позволять плохо обращаться с собой.

Примечание для себя: спросить, могу ли я встретиться с Мэнди в следующую пятницу вечером, чтобы вместе поужинать.

После отъезда Тэмми я по меньшей мере уже в десятый раз подумала, что должна позвонить Кэролин или Линде и спросить совета. Но каждый раз, собираясь сделать это, я понимала, что не могу преодолеть нерешительность. Подавленная, я решила позвонить этим вечером. Пора запирать дверь и попытаться уснуть. Мой мозг тем не менее отказывался подчиняться; вместо этого он отчаянно пытался найти некое подобие успокоения или решения проблемы. Я взяла ежемесячный информационный бюллетень для нянь, который выписывала. В этом номере был напечатан вопросник, который родители могли бы использовать для официальной оценки результатов работы няни. Я решила оценить свою собственную работу. Возможно, я все взвешу и моя ситуация окажется просто прекрасной. Даже лучше, чем среднестатистическая.

1. Занимается ли няня личными делами во время работы?

Она не имеет автомобиля, велосипеда или ходулей «поуго», поэтому подобных проблем не возникает.

2. Предлагает ли она варианты для управления поведением ребенка, когда это следует делать?

Тут можно вспомнить, что д-р Т. Бэрри Бразелтон не рекомендует родителям разговаривать с трехлетним ребенком так, будто ему тридцать. Но что знаю я? Мне только девятнадцать, и весь мой чистый доход менее 700 долларов.

3. Проявляет ли няня инициативу при планировании занятий для детей?

Да. Потом сидит в одиночестве за столом с творческими работами.

4. Поддерживает ли няня родительский стиль дисциплины?

Гм. Нет никакого определенного дисциплинарного стиля. Но

поддержит от всего сердца, как только таковой появится.

5. Поддерживает ли няня родителей в их стремлении ограничить просмотр ТВ их детьми?

Опять нет никаких видимых ограничений. Детям разрешено смотреть фильмы категории «детям до 16 смотреть не рекомендуется». Но будет с радостью поддерживать любые ограничения, если они когда-либо введут их!

В следующем разделе было оставлено пустое место, чтобы оценить семью по таким пунктам, как свободное время, поддержка няни в проблемах дисциплины и оплата сверхурочных, как прописано в контракте.

Я закрыла глаза.

Я пытаюсь не замечать моего разрастающегося недовольства своей работой, но это становится все труднее и труднее. Вероятно, я была несчастна все время, пока жила здесь. Я пообещала пробыть тут два года, и мне придется работать — ох! — еще пятьсот семьдесят восемь дней. Будущее предстало перед моими глазами замкнутым в образе одной нескончаемой «Улицы Сезам», наполненным грязными пеленками и подавляемой злостью.

Я повернулась, чтобы включить ТВ, как раз вовремя, чтобы увидеть профиль Робина Лича, еще одного из наших гостей на недавнем званом обеде, в программе «Богатые и знаменитые».

Это напомнило мне историю, которую недавно рассказала Мэнди.

История про няню по имени Шейла, работа которой была похожа на нашу, и ей, как и нам, частенько требовалось «выпустить пар». За чашкой кофе в «Старбрукс»[77] Мэнди без всякого умысла спросила, из-за чего она так расстроена, и Шейла разразилась гневной тирадой по поводу знаменитостей, участвующих в телевизионных ток-шоу.

— Мэнди, я просто испытываю отвращение, когда все эти лицемерные звезды лгут миллионам людей.

— Что ты имеешь в виду, когда говоришь «они лгут»? — спросила Мэнди. — Лгут о чем?

— Обо всем; своих детях, своем образе жизни, политике!

— Ты говоришь о чем-то конкретном, Шейла?

Это не выглядело пустым сотрясанием воздуха.

— Кого ты имеешь в виду? Что они сделали?

— Мэнди, клянусь тебе, мне пришлось оставить работу, потому что у парня была огромная проблема с кокаином, —

призналась Шейла. — Поскольку я еще делала кое-какую работу по дому, помимо того, что была круглосуточной няней, я время от времени помогала убирать ванную комнату. Однажды утром я нашла кучку белого порошка на ручном зеркале в углу ванной комнаты. Когда я поняла, что это, то взяла пылесос, чтобы убрать.

Мэнди подавила смешок при мысли о наркотике стоимостью в сотни долларов, который был уничтожен с помощью «Грязного дьявола»[78].

— О мой Бог! Он узнал, что ты сделала это?

— Нет, но меня не волнует, даже если бы и узнал; поделом ему! — Шейла плюнула. — Во всяком случае, он никогда ничего не говорил, вероятно, потому что у него этого добра всегда хватает. Что ему одна маленькая кучка?

— Так кто же это был? — спросила Мэнди.

И Шейла сообщила ей.

— Не может быть!

— Да. Он был моим последним боссом.

— Этот кристально чистый парень? — ахнула Мэнди. — По крайней мере таков его имидж ведущего расследования на ТВ.

— Именно он, — подтвердила Шейла. — Однако, Мэнди, дело было не только в том, что он нюхал дома кокаин. Я не могла видеть его на ток-шоу. Вот он рассказывает кивающему в знак одобрения ведущему обо всех несчастьях, приносимых наркотиками, и о том, как он боится, что это может затронуть его детей, живущих в Лос-Анджелесе — наркостолице США. Затем он сказал, что решил переехать на Средний Запад, чтобы спасти детей и чтобы они не сделались добычей этой пагубной страсти, бла-бла-бла. Что за лицемер! — сердито воскликнула Шейла, вытирая нос комком салфетки. — И в довершение всего они не позволяли мне видеться с детьми, после того как я уволилась; они сказали, это будет их травмировать.

После услышанного от Мэнди я вспомнила, что и сама встречалась и знакома с нянями большинства знаменитостей, которых видела в телевизионных интервью. И то, как описывали эти знаменитые мамочки свои занятия домашним хозяйством и собственные успехи в воспитании детей, сильно отличалось от того, что рассказывали их няньки. Если бы кто-либо из их прислуги выступил с правдой о том, что на самом деле делают звезды за закрытыми дверями, его бы, вероятно, потребовалось поместить в Программу защиты нянь-свидетелей — нечто похожее произошло, например, с няней Деми Мур, после того как она подала сенсационный судебный иск, который, по сути, предписывал Деми в обязательном порядке оставить ее на работе.

Истории, подобные этим, продолжают случаться все время,

хотя теперь они больше не шокируют меня так, как когда-то. Была история об исключительно успешной кинозвездной паре, которая, говоря о двух своих детях, всегда подчеркивала, насколько сильно она к ним привязана. Я же знаю истину, что в действительности дети были так одиноки и так расстроены полным отсутствием внимания со стороны обоих родителей, что даже начали писать на пол, для того чтобы их заметили — что, конечно, сработало, так как они уже давно вышли из возраста приучения к ночному горшку. А еще была дочь одной известной (ныне покойной) рок-звезды, признанной невменяемой, и няня официально хотела удочерить ее, потому что боялась за безопасность девочки, когда ее мать бывала в наркотическом угаре.

Нет, дела, конечно, обстояли совсем не так, как они выглядели на ТВ.

Истории, подобные той, которую рассказала Шейла, как это ни странно, помогли мне. Я видела, что няням других знаменитостей бывало гораздо хуже. Мне же лишь приходилось иметь дело с проблемами, которые были мучительны, но не грозили тюрьмой.

Как, например, укладывание детей. Однажды вечером Джуди сказала, что ей хотелось бы уложить Брэндона.

Это было исключительно важно. Обычно по вечерам, когда она бывала дома, мы вместе укладывали детей спать, но укладыванием Брэндона занималась я. Это разделение труда было частично моей собственной инициативой. Даже когда двое старших детей и я тяжело заболели от пищевого отравления пару недель назад, будя малыша нашей постоянной рвотой, я чувствовала, что должна крепиться. Джуди предложила отнести Брэндона в кровать и вставать к нему, если он проснется. Она даже сказала, что я могу разбудить ее, если понадобится. Я была озадачена этим необычным проявлением доброты. Возможно, мне не следовало так ее бояться, в конце концов.

Все же я не стала будить ее. Я так боялась, чтобы меня не начали считать не очень хорошим работником, что заявила, что чувствую себя хорошо и со всем справлюсь сама. И потом мне казалось, что пока я буду объяснять ей, как подогревать его бутылочки ночью, у меня уйдет энергии больше, чем если я все сделаю сама.

Однако в этот раз она настояла на том, что будет лично укладывать Брэндона, потому что сама этого хотела, а не потому, что я не могла.

— Как ты это делаешь? — еле слышно осведомилась она.

— Как я делаю что? — переспросила я.

— Как ты его укладываешь? Объясни подробно, что ты делаешь каждый вечер?

Невероятно!

— Не волнуйтесь. Это на самом деле просто. Я подогрею для вас бутылочку в подогревателе, — предложила я, — потом вы сядете с ним в качалку и дадите ее ему. После этого просто положите его в кроватку и накройте его любимым одеялом.

Я оглядела комнату. О, черт! Знает ли она, как опускать продольную боковину его кроватки? Лучше я ее опущу, тогда она не испытает неловкости. Я могу войти сразу после того, как она уйдет, чтобы снова поднять ее.

— Иногда я пою ему короткую колыбельную, прежде чем погасить свет, — продолжала я.

— Могу я побаюкать его немножко, после того как он выпьет бутылочку? — спросила она.

— Да, конечно, вы можете убаюкать его, — сказала я, глядя на Брэндона. — Он любит, когда его прижимают к себе.

В душевном смятении оставила я мать и дитя наедине. Мне было очень жаль ее. Она казалась неуверенной, столкнувшись с потребностями собственного ребенка, но я знала: она прекрасно справится. Просто ей это не знакомо, поскольку она переложила всю ответственность — и радость — на других.

Неужели иметь няню означает — жить с такого рода неуверенностью в отношении собственных детей? У Майкла, кажется, то же самое. Он заходил в детскую почти каждое утро, чтобы поцеловать Брэндона на прощание, но однажды утром он несколько секунд стоял здесь тихо рядом со мной. Когда он приблизился к Брэндону, чтобы взять его на руки, Брэндон прижался ко мне.

Майкл вздохнул.

— Как ты думаешь, он знает, что я его отец? — спросил он задумчиво.

— Ну… — запнулась я. — Да… Думаю, он знает.

— Не уверен, — возразил он, наклоняясь и целуя Брэндона.

Я наблюдала за ним, как он спускается и идет по коридору, как обычно, так быстро, как только возможно, нижняя половина его тела двигалась, в то время как верхняя оставалась неподвижна и бесстрастна. Я лишь могла догадываться, какие мысли проносятся в его голове, наверное, список «важных» дел, которые ему необходимо выполнить в этот день. Я ощущала печаль, стоя там и держа Брэндона. Мне пришло в голову, что Майкл почти не знает своих собственных детей. Он благоговел перед ними, как перед самой важной вещью в своей жизни, и я не сомневалась, что он сделает для них все, что угодно. Однако

видел он их всего лишь несколько минут в течение всей рабочей недели. И поскольку он не был частью их повседневной жизни, то в действительности даже не знал, как с ними играть. Он был не из тех отцов, кто взял бы Джошуа с собой на рыбалку или стал бы вместе с ним ловить сачком бабочек, играть в чайный домик с Амандой или отправился бы на прогулку с Брэндоном. Он нанимал людей для такого рода деятельности, чтобы у детей ни в чем не было недостатка.

Но что упускали родители? И могла ли вообще нанятая прислуга на самом деле помочь кому-либо?

Однажды вечером, после того как Джошуа и Аманда ужасно подрались за столом во время ужина и были сурово отосланы в свои комнаты, Майкл и Джуди затеяли дискуссию о поведении детей, в то время как я помогала Делме убирать со стола. Джуди изложила свои мысли, а затем Майкл высказал свое мнение. Потом он спросил меня, как я думаю, почему Джошуа так часто бывает неуправляемым и так склонен к вспышкам. Удивленная тем, что интересуются моим мнением, я выразила свою точку зрения.

— Я думаю, Джош по натуре перфекционист, то есть человек, стремящийся добиваться во всем совершенства, поэтому он выходит из себя, когда дела обстоят не так, как ему хотелось бы, — осмелилась сказать я. — У него очень завышенная самооценка.

— Я думаю, это совсем не так… — начала Джуди.

— Заткнись! — холодно произнес Майкл, ставя на стол свой бокал с вином.

Я потупилась в замешательстве, мне было неловко за него и за Джуди. Такое было впервые, мне никогда не приходилось раньше быть свидетельницей чего-нибудь подобного, кроме их холодного, формального общения.

— Сьюзи, не могла бы ты продолжить? — попросил он. — Я хотел бы услышать, что ты хочешь сказать.

О, прекрасно. Это уж действительно «поможет» моим отношениям с Джуди.

Ну и ну! Не могу поверить, чтобы Майкл был так груб с Джуди, как сегодня вечером. С другой стороны, было приятно, что со мной обращались, как с человеком, что мое мнение на этот раз хотели услышать. Что касается детской психологии, то это моя любимая тема! Как бы то ни было, ситуация очень затруднительная. Были ли у нас лекции о том, что делать, если родители, кажется, не очень-то любят друг друга?

Позвонила мама, узнать, как я поживаю, и передала, что

Райан сказал ей, что ему меня действительно не хватает. И он думает, что никогда не найдет кого-то другого, кого полюбит так же сильно, как меня. Не знаю, что об этом и думать. Хотя разве он мог бы вписаться в мою жизнь прямо сейчас?

12
Одни неприятности

Бывают моменты, когда она спит в своей кроватке, а мы думаем: «О Господи, вот еще один человек в нашем доме, и она не уйдет!»

Дениз Ли Ричардс[79]

Все-таки один момент я смогла обговорить, когда устраивалась на работу, а именно, что в июне мне необходимо будет съездить домой на празднование дня рождения моего дяди Скинни.

Слава Создателю! Мне уже давно надо было сделать передышку в череде моих ежедневных обязанностей и вообще отдохнуть от Лос-Анджелеса, и я страстно желала оказаться в том месте, где все ритуалы и правила были мне привычны. И я не могла дождаться этого времени, чтобы «подзарядить мои батарейки».

Однако с той секунды, как я села в автомобиль моих родителей в аэропорту, и до того момента, когда спустя три дня должна была уезжать, все мои так называемые каникулы я провела, отвечая на один и тот же вопрос: «Ну какие они?» Вот что хотели узнать абсолютно все. Иногда, правда, интересовались: «Как ты чувствуешь себя в своей роли?»

Я объясняла, что работаю не в актерских семьях. Ведь никто за пределами Лос-Анджелеса, если только он не выписывает «Голливуд репортер», не знает имени Овитц. Таким образом, терпеливо повторяла я, мой работодатель — это человек, перед которым трепещут наши кумиры. Наверное, мне не стоило удивляться подобному любопытству. Мои письма и телефонные звонки домой изобиловали описанием встреч и разговоров с такими любимцами публики, как Барбара Стрейзанд и Джон Траволта, а на расстоянии сила притяжения звезд еще сильнее. Воображение является своего рода усилителем мощности.

К третьему дню моего пребывания дома мне уже казалось, что проще вернуться к работе, чем продолжать рассказывать о ней истории. Но одна из руководительниц в моей средней школе попросила меня прийти к ним в День карьеры, и я согласилась. Я не могла отказать ей, как не могла и упустить еще один шанс поговорить.

Девчонки набились в компьютерный класс миссис Притман. Они жаждали услышать о «голливудской няне» все — или, точнее, услышать о тех, кто ее там окружает. Их тоже распирало от любопытства: «Какие они, эти звезды?» Мне хотелось рассказать им о своей реальной жизни, но я поняла, что не могу публично признать, насколько она унизительна. И, конечно, я не могла сознаться во всех своих ошибках. По их глазам я видела, что мое соприкосновение с героями легенд невероятно притягательно, и потому не захотела обмануть их ожиданий. А начав разговор, не могла остановиться. Я бегло обрисовала наш сумасшедший домашний уклад, тщательно избегая упоминания о своих обязанностях. Посетовала на то, как трудно покупать одежду для младенца; в моем изображении выходило, что каникулы и полеты на личных самолетах — такое же обычное дело, как смена носков. И со вкусом поведала, как любая мелочь, вроде потери кукольного башмачка, может вызвать настоящий переполох.

В результате сама начала чувствовать себя немного знаменитостью, урвав свои, как говорится, «пятнадцать минут славы». Репортер местной газеты даже взял у меня интервью, и «Коттедж-Грув сентинел» опубликовал статью, сопроводив ее ужасным фото. Я смотрю куда-то вдаль, в далекую галактику, размышляя над значением профессии няньки.

Слава — странная штука. Мое положение, которое в Голливуде бросало к самому подножию социальной лестницы, делая почти рабыней, в родном городе сделало меня звездой.

Потрясение от перемещения из Коттедж-Грув в Лос-Анджелес огромно — и времени полета мне не хватило, чтобы подготовиться к смене социальной культуры. Поездка домой, кажется, еще больше прояснила для меня положение дел, но я не могу отделаться от одной мысли. А именно: почему люди с большим количеством денег не понимают, что их богатство предоставляет им огромное количество шансов? Я вижу бесчисленные возможности того, что позволило бы им проводить с их семьями больше времени. В детстве у меня было много друзей, их родители были постоянно заняты — они должны были думать о хлебе насущном. Но жизнь детей не проходила мимо их внимания! А Майкл… Богатый преуспевающий Майкл никогда не снисходил до того, чтобы поинтересоваться уроком чтения Джошуа или танцевальными занятиями Аманды. Почему есть родители, забывающие об этой стороне жизни своих детей?

После возвращения мне уже стало не до психоанализа.

Каким-то образом я умудрилась влипнуть в историю даже во время своего отсутствия! По-видимому, в день моего отъезда зимнее расписание в «Джимбори» поменялось на весеннее. Физкультурные занятия в группе Брэндона передвинулись на час, и бабушка Овитц, придя в прежнее время, оказалась в окружении детей постарше. Она была вне себя! Делма и Кармен не поскупились на краски, живописуя, как они с Джуди честили меня… Объяснения всему этому у меня не было. Время, проведенное дома, немного встряхнуло мой мозг, и теперь я негодовала на них так же, как и они на меня. Безумно трудно играть с ребенком на полу в спортивном зале! Думаю, мы с бабушкой Овитц произносили одну и ту же фразу. Но смысл в нее вкладывали разный. Интересно, что будет делать эта семья, если столкнется с настоящей проблемой?

Как бы то ни было, я собиралась сделать решительный шаг в направлении получения некоторой независимости. Я скопила нужную сумму для первоначального взноса за автомобиль, «тойота-селика»! Наконец-то у меня будет собственный транспорт! Я поделилась своими планами с Майклом. Он удивил меня. Предложил помочь! И действительно, он дал указание своему финансовому директору позвонить в дилерский центр в Марина-дель-Рей, чтобы тот обговорил условия контракта. Когда я пришла забирать автомобиль, продавец пожаловался, что он не заработал на этой сделке никаких денег. Некая влиятельная рука согнула его в бараний рог, принудив продать машину по себестоимости. Мне было жаль его. Но это не омрачило мою радость от покупки новенького — впервые — автомобиля. Я была благодарна Майклу — он не обязан был помогать мне. Теперь, думала я, жизнь моя станет гораздо веселее!

Я позвонила Мэнди и сообщила ей радостную новость. У нее тоже не было машины, если не считать видавшего виды фургона «форд-эскорт» — Голдберги время от времени позволяли ей брать его по выходным. И как эти люди не боятся, что прислуга разъезжает с их детьми на каких-то катафалках, возмущались мы с Мэнди.

— Только подумай, как круто, рассекать на «тачке», которой нет еще десяти лет от роду и которая не проржавела насквозь! — сказала я мечтательно.

— Раз речь зашла про автомобили, — подхватила Мэнди, — у меня есть история. Тебе понравится! В прошлый уик-энд аж три автомобиля мистера Голдберга оказались у дома на побережье, и он попросил меня отогнать домой «порше». У меня чуть не вырвалось — а хорошо ли он себя чувствует? Я ведь уже несколько лет не ездила с рычагом переключения передач!

Однако быстро сообразила что к чему — пару раз дернулась и поехала. Ему-то уж ничего говорить не стала. И вот она я — на хайвэе Тихоокеанского побережья!

— На кабриолете? — восхитилась я.

— Ну да. Правда, никак не могла сообразить, как опустить верх. Жара была адская, и еще я хотела, чтобы волосы развевались на ветру. Промучилась до самой заправочной станции. Но и там мне это не удалось. Хотела было опустить стекла, а найти кнопку тоже не могу! Даже как выключить кондиционер — не знаю! Представь, как мне повезло! Пот с меня тек ручьями. Целый час в душегубке! Хоть выжимай. — Она сделала паузу. — И я все боялась, как бы не сморщилась кожаная обивка от моего пота!

Я засмеялась:

— А ехала быстро?

Она фыркнула:

— Как тюк сена, вылетающий из упаковочного пресса!

Можно вытащить девушку из сельской местности, но нельзя заставить ее забыть любимые словечки.

— Я разогналась было до семидесяти миль, но испугалась и сбавила обороты. Но это еще не все.

— Господи! Ты попала в аварию?

— Нет, слава Богу! Всего лишь обнаружила, что на связке ключей от «порше» у мистера Голдберга нет ключей от дома!

— О нет!

— Голдберги собирались вернуться не раньше воскресенья. Не звонить же им с сообщением, что я без ключей? Миссис Голдберг удар хватил бы от моей безответственности! Тут я вспомнила, что у Грасиэлы есть ключ. Но ехать мне пришлось в тот еще квартальчик!

— Вроде того, где мне делали ногти?

— Что ты, твой еще ничего! Этот вообще бандитский. Повсюду решетки на окнах… Я, как подъехала, даже выходить не стала. Сидела под окнами Грасиэлы и давила на гудок. Она высунула голову, и я давай орать, что мне нужны ключи от дома.

— И что она?

— Ну, она не очень хорошо говорит по-английски, а мой испанский, сама знаешь, одни названия блюд. В конце концов мы договорились. Там неподалеку можно было сделать дубликат. Но нам не повезло с парковкой. Я снизила скорость, а Грасиэла выскочила из автомобиля. Я сделала двенадцать кругов вокруг квартала, пока она не появилась снова на обочине тротуара с ключами. Уверена, полицейский на углу подумал, будто я какой-нибудь наркодилер, выискивающий покупателей. — Мэнди

вздохнула. — Господи, что за день. Но какой автомобиль!

По ее голосу я поняла, что она улыбается.

Моя блестящая новенькая «селика», конечно, не могла произвести такого впечатления, как авто Голдбергов, но в субботу, не успела я ее купить, Майкл тут же попросил меня оказать ему любезность. А именно — заехать в «Спаго» за копченым лососем. Пожалуй, «Спаго» — совсем не то место, где готовят еду навынос, но, видимо, ради Майкла Вольфганг Пак пошел против правил.

Я взяла с собой Аманду, и мы поехали. Двери ресторана оказались заперты. Странно. Середина дня. С чего бы? Я прижалась носом к дверному стеклу.

— Что, Сьюзи? — спросила Аманда.

— Не пойму, — ответила я. — Там внутри кто-то ходит. Похоже, у них частная вечеринка или что-то в этом роде.

Я постучала. Никакого ответа. Я постучала сильнее и снова уткнулась в стекло. Ко мне обернулись почему-то оказавшиеся в зале повара — величественные в своих белых одеждах, — увидев меня, они прижали пальцы к губам, будто прося замолчать. «Вот здорово! Что происходит, ради всего святого?»

Меня охватил гнев. Я решила действовать. Сняв туфлю, загрохотала каблуком по двери. Будь что будет! Потом снова прилипла к стеклу. Кажется, там что-то вроде спектакля. Какой-то мужчина сделал мне знак рукой, мол, уходи, не мешай.

«Черт возьми, почему мне не открывают? Мне, няне Майкла Овитца?»

Бах! Бах! Аманда присоединилась к моему штурму. Ну уж теперь-то они от нас не отмахнутся! И тут я увидела Вольфганга Пака — губы плотно сжаты, брови сошлись над переносицей. Ох!

— Что, черт возьми, вы вытворяете? — заорал он на меня через все еще запертую дверь.

— Мистер Пак, мне нужен копченый лосось. Для Майкла Овитца, — ответила я, робко улыбаясь.

Вряд ли он услышал, что я тут промямлила.

— Ради Бога, уходите! Мы снимаем рекламный ролик. Из-за вас мы теряем деньги! Ясно? — прокричал он и тут же скрылся.

К счастью, кто-то из массовки все же приоткрыл дверь и через щель поинтересовался, что мне нужно.

— Лосось! — повторила я.

Мне кивнули в сторону черного хода. Попробуй там! Мы с Амандой устремились к мусорным контейнерам. Там была задняя дверь и отдыхал персонал. Наши старания были вознаграждены. Но какой ценой досталась мне эта копченая рыба!

Я чувствовала себя униженной, тащась с добычей к

автомобилю. Аманда плелась следом за мной.

Хуже всего было то, что я так быстро вжилась в эту чисто голливудскую роль: «Разве вы не знаете, с кем имеете дело?» Никогда в жизни я еще не была так оскорблена! Что со мной происходит?

Я пришла к одному умозаключению. Если я так быстро приобрела характерное для Голливуда чванство, то с таким же успехом могу нахвататься и чего-то культурного, благо обстановка, в которой я пребываю сутками напролет, прямо-таки взывает к тому, чтобы я обогатила свой мозг знаниями по искусству. У меня голова шла кругом от линий и завитков, я смотрела и так и этак, пытаясь ухватить сюжеты изображенного на полотне абстракциониста. Но тщетно. Все непонятно! Майкл держал кучу искусствоведческих книг на столе в гостиной. Иногда я листала их в надежде что-нибудь усвоить. Однажды в каталоге мне попалась репродукция картины, что висела у нас в гостиной. Нет! Не может быть! Вот эта самая белиберда — неужели она может стоить миллионы долларов?

На следующее утро бригадиру строителей понадобилось позвонить. (Эти рабочие постоянно что-то доделывали, переделывали… Как орегонские мужья по выходным! Правда, Майкл не ограничивался выходными.) Карл был всего на несколько лет старше меня, разговорчивый и веселый. Его подъемная лебедка помогала ему оплачивать учебу в колледже.

— Коллекция картин впечатляет, — заметил он, входя в комнату после телефонного разговора и озираясь. — Ого! Пикассо. Копия?

— Подлинник, — уверенно вступила я в разговор: предмет был только что вызубрен. Жестом я пригласила Карла приблизиться. — Смотри, видишь это пятно? — Я с воодушевлением неофита ткнула пальцем в бесценный холст.

УАААА! УАААА! УАААА! Ой! Пронзительные звуки тревоги прорезали воздух. Как вой автомобильной сигнализации среди ночи. Только в сто раз громче. Я зажала ладонями уши. Слушать это было невозможно. Из кухни примчалась Кармен, причитая и в отчаянии заламывая руки:

— Мисс Су-зита, вы должны позвонить мистеру Овитцу.

«Он меня убьет! Но это лучше, чем слушать нестерпимый вой». Я бросилась звонить. Не попадая в цифры, я лихорадочно набрала номер.

«О Боже! Ответят там когда-нибудь?»

— Креативное Артистическое Агентство, — наконец отозвалась секретарша в приемной.

— Мне нужна Сара! — прокричала я. Сигнализация орала громче, но, кажется, меня поняли.

— Сьюзи? Я плохо слышу тебя, — невозмутимо ответила Сара. Еще бы! Я сама себя едва слышала. — Это сигнализация картины Пикассо? — спросила спокойно Сара.

— Да! — крикнула я.

— О, извини, но Майкла нет, — ответила она без запинки, с натренированной интонацией человека, столкнувшегося с привычной проблемой. — Просто подожди, пока позвонят из охранной компании. В любом случае через пятнадцать минут это закончится.

— Правда? — Я задыхалась.

— Да. А я попрошу заново включить ее, — обнадежила меня Сара.

Не успела я положить трубку, как телефон зазвонил.

— Алло. Алло? — закричала я.

— Какое кодовое слово? — спросил мужской голос.

Проклятие!

— Кармен, подойди, помоги мне! — орала я. — Какое кодовое слово?

— Понятия не имею, мисс Су-зита. Я знаю только код от сигнализации дома; а код для Пикассо я не знаю.

Ужасный шум продолжался уже почти десять минут. У меня заболели уши.

— Мы должны уведомить полицию, мэм, — сказал мужчина в трубке.

— Нет, нет, нет! — умоляла я. — Секретарь мистера Овитца должен позвонить вам прямо сейчас. Она должна знать. Пожалуйста, пожалуйста, не вызывайте полицию!

Кармен и я выбежали на улицу во двор, таща с собой Брэндона. Звук был таким пронзительным, что я испугалась, как бы это не повредило малышу. Крупные слезы катились по его щекам. И все по моей вине! И вся улица, сообразила вдруг я, слушает этот чертов вой! К счастью, никто не вышел, чтобы разузнать, в чем дело. Возможно, все уже привыкли к сигналам тревоги, раздававшимся по соседству.

Я старательно избегала Майкла в этот вечер и на следующий день. Но, как ни странно, он и словом не обмолвился по поводу случившегося. Может быть, был так поглощен работой или это действительно не было так уж страшно. Кто знает? Я была не столь изощрена, чтобы понять это. А кроме того, весьма вероятно, что Сара ничего ему не сообщила.

У меня был замечательный уик-энд — я не стала виновной в

срабатывании ни одной сигнализации! И увиделась кое с кем из Коттедж-Грув. Приехал Марк Гейтс — навестить своего отца, тот живет в соседнем районе Миракл-Майл. Пока я изучала путеводитель «Томас гайд», чтобы добраться туда, Джуди высказалась в том смысле, что она не может поверить, неужели у меня есть друг, который попросил меня приехать в такой подозрительный район. Миракл-Майл[80] *— звучит довольно мило. Но ее скептическое замечание смутило меня. Уж не придется ли мне ехать через пристанище гангстеров? Но проехать надо было всего лишь через Беверли-Хиллз. Мы с Марком готовили барбекю и играли в карты. Вечер получился чудесный. Однако я по-прежнему озадачена замечанием Джуди. Наверное, все дело в том, что у них не принято водить знакомство со средним классом.*

— Ты не поверишь, Сьюзи!

Я с трудом разбирала, что там говорит мне по сотовому телефону помощник Майкла — Джей. Он мчался по автостраде в новеньком внедорожнике, который только что купил Майкл.

— Чертов бак. Вау! Осторожно. Я чуть не задел зеркалом какой-то дом. Эта штука размером с трейлер, клянусь! Они не предполагали, что ты будешь ездить на этом монстре, не так ли?

— Ну да, пожалуй, так. Я уже сказала Джуди, что немного волнуюсь. Не мог бы ты поддержать меня и сказать, что, вероятно, это чересчур большое транспортное средство для такой маленькой бедной няни? — взмолилась я.

— Эта штуковина и для меня-то слишком велика! — засмеялся Джей. — Ладно, постараюсь сделать все, что смогу. Я буду минут через пятнадцать. Откройте ворота так, чтобы я мог протиснуться сквозь них колесами шириной восемнадцать дюймов.

Меня страшил этот новый «бегемот». Улицы Брентвуда были тесными, с обеих сторон пространство съедалось припаркованными автомобилями. А нескончаемый поток строительной техники? Бетономешалки, самосвалы, мусороуборочные машины… Успешное пилотирование седана даже до продовольственного магазина вызывало у меня чувство беспримерного ликования, как у крысы, выбравшейся из лабиринта. Джуди знала, что я нервничаю, и вытащила меня для показательной поездки. Она хотела оценить мои водительские способности.

Ради Бога, само по себе вождение не было проблемой. Я водила, начиная с шести лет, когда дядюшка Табби брал меня с собой на сенокос и позволял мне сидеть за «баранкой» грузовика, в то время как сам закидывал в него снопы сена. (Да, у меня есть

дядюшка Табби. Брат дяди Скинни.) Я могла даже обращаться с рычагом переключения передач; проблема была не в механике проклятого автоматического внедорожника. А в ее размерах. Особенно на этих тесных улицах. Подозреваю, Джуди не отказалась бы, чтобы тормоз был с ее стороны, как в старых автомобилях.

— Если ты так нервничаешь, держи руль обеими руками, — посоветовала Джуди.

Десять и два… десять и два…

Испытание я прошла, но чувствовать себя лучше за рулем этого монстра не стала. И, само собой разумеется, лучше водить его — тоже. Спустя несколько недель, проезжая по нашей улице, я вдруг услышала скрежет.

— Что это? — тревожно спросила Аманда. Она сидела рядом.

— Самосвал сгружает гравий, милая. Не волнуйся, — беспечно ответила я и мельком взглянула в зеркало заднего обзора. И как раз вовремя. Я успела заметить, что старый рабочий грузовичок, который я только что обогнала, раскачивается из стороны в сторону. О Боже, неужели я его задела? Должно быть, так — иначе с чего бы ему качаться?

Меня прошиб пот. Мысленно я представила себе безобразную, с зазубринами царапину, вспоровшую сверкающий бок. Когда-нибудь это должно было случиться! Снедаемая страхом и ужасом, я въехала на подъездную дорожку, остановилась и выскочила из машины. Борясь с отчаянием, осмотрела автомобиль. Ничего. Лишь легкое повреждение бокового зеркала со стороны водителя.

Спокойно! Я быстро завела детей в дом, нашла Кармен и Делму. Она дала мне тряпку, я отполировала хром на зеркале и вздохнула. Слава Богу, почти незаметно. Иначе как бы я смогла объяснить все Майклу?

«Искренне Ваша» на самом деле нуждается в поддержке. Боюсь, Майкл все-таки заметит. Он всегда все замечает! Только вчера Джуди говорила мне, что он никогда не совершает ошибок. Вот почему он ни в ком не терпит некомпетентности. Я слышала также ее разговор с миссис Эйснер. Она жаловалась, что такая нагрузка и стресс погубят его и она желала бы, чтобы он отошел от дел, хотя понимает — этого он не сделает никогда. Я не смогла бы так жить… Что в этом хорошего? Интересно, получится ли у меня прожить хотя бы одну неделю без каких-либо происшествий?

Примечание для себя: позвонить Мэнди и услышать ее последние историш, надеюсь, она совершила что-то еще более ужасное.

13
Вечеринка

Мы отказываемся от девяноста девяти процентов вечеринок и торжественных мероприятий, на которые нас приглашают, потому что если мы не можем взять с собой детей, то и идти не хочется.

Келли Райпа

— Ну где же поставщики? — в который раз спросила Джуди. В ее голосе звучало беспокойство.

Был уже час дня. Гости, включая многих знаменитостей, присутствовавших на последней церемонии присуждения наград Академии, должны были начать прибывать около пяти.

Я пожала плечами. Кармен тоже не могла сказать ничего вразумительного.

Июнь и июль в Лос-Анджелесе были, по всей видимости, месяцами больших торжеств. Если Овитцы на каком-нибудь из них не присутствовали, значит, устраивали прием сами. Ничего нового в этом не было. Каждый год Джуди демонстрировала свои способности в организации и проведении подобных мероприятий, выступая в роли хозяйки на приеме по поводу премьеры какого-нибудь фильма какой-нибудь крупной киностудии. Масштабные мероприятия требовали от нее усилий по координации действий легионов поставщиков провизии, публицистов, оформителей и руководителей киностудий. Меня не было в списке приглашенных, но я наблюдала за суетой подготовки: музыкальные приглашения, колоссальные ледяные скульптуры, столовый прибор на одну персону, стоивший больше, чем мои ежемесячные выплаты за автомобиль, фонтаны шампанского — и в довершение всего сумки с подарками: новейшие достижения электроники и ювелирные украшения от модных дизайнеров (это всегда казалось мне парадоксом: чем ты богаче, тем слаще халява).

Сегодняшнее мероприятие было всего лишь званым обедом, но я видела по лицу Джуди: она в панике, любая проблема будет воспринята ею как катастрофа. К тому времени, когда стрелки часов приблизились к двум, она впала в настоящее безумие. Теперь даже я начала осознавать, что на горизонте замаячило

крушение планов.

— О Боже мой, где же эти чертовы поставщики? — продолжала метаться Джуди. — Как ты думаешь, не могли они перепутать дату?

Она позвонила в офис Майклу. Он тоже не знал ответа, однако сказал, что скоро будет дома.

— Какой кошмар! — бормотала Джуди, трясущимися пальцами набирая номер фирмы-поставщика. — Где же вы?

Они и в самом деле перепутали дату! Неслыханно! Джуди разразилась такой тирадой, которая заставила бы побледнеть и бывалого моряка. Бьюсь об заклад, владелец компании до конца своих дней будет помнить этот короткий монолог.

— И можете не сомневаться, Майкл никогда в жизни не будет пользоваться вашими услугами! — крикнула она напоследок, бросая трубку, и повернулась ко мне: — Сьюзи, нужно что-то делать! — Она принялась мерить шагами комнату. — Это самый ужасный кошмар в моей жизни! Этого не должно случиться. Гости начнут собираться уже через два часа! Даже раньше! Майкл убьет меня.

Джуди в бешенстве металась по дому, в то время как Аманда находила это очень забавным.

— У мамочки кошмар! У мамочки кошмар! — распевала она, изображая безумную беготню матери.

Я догадывалась, что мое умение готовить гамбургеры вряд ли спасет положение. Я позвонила Саре — палочке-выручалочке в любых безвыходных ситуациях.

— Привет, Сьюзи, — сказала Сара. — Трудный день, да? Майкл звонил в «Спаго» — узнать, не могут ли они нам как-нибудь помочь. Я скоро вам перезвоню.

— О Боже, Сьюзи, — стонала Джуди. — Никто не захочет — более того, не сможет! — прибыть сюда в течение ближайшего часа и накормить такую прорву народа. Это кошмар; самый ужасный из моих ночных кошмаров сбывается. Знаешь, нечто подобное мне действительно снилось уже несколько раз! — Она вздохнула. — Мы собираемся осуществить большой прием, не имея ни крошки припасов, — произнесла она кротко.

Зазвонил телефон. Я схватила трубку.

— Сьюзи! Угадай! — Невозмутимую Сару буквально распирало. — Вольфганг сказал, что пришлет своих людей прямо сейчас. Передай Джуди, что кавалерия вот-вот прибудет.

Не позже чем через час начали прибывать гости. Первыми появились Аарон Спеллинг с супругой, леди предводительствовала.

— Дорогая, — выразительно произнесла она, громко чмокая

воздух по меньшей мере в шести дюймах от лица хозяйки. Джуди выглядела подавленной, несмотря на помощь Кармен, приготовившей вино и шампанское к прибытию ранних гостей.

Но спустя несколько минут показался вместительный «мерседес», а следом за ним огромный крытый фургон. Из него высыпало семь человек, они установили у задней части грузовика наклонный скат и принялись быстро выгружать тележки, лотки и контейнеры… Одному Богу известно, откуда они все это раздобыли. У них ведь тоже не было времени, чтобы что-то приготовить! И тем не менее там было все — и полный комплект закусок, и семга, и запеченные овощи — как говорится, все в лучшем виде. Кто сказал, что «Спаго» не работает навынос? А на десерт, к восторгу гостей, сияющая Джуди подала историю с проколом продуктовой компании. Это было ударное блюдо! Никто из гостей и не поверил бы, что прекрасная рассказчица всего пару часов назад рвала на себе волосы.

Следующее событие в светском календаре примечательно тем, что я впервые должна была появиться на званом ужине. Обычно Овитцы не брали с собой детей на вечерние мероприятия, и мою персону, разумеется, тоже. (Напоминание: няни не являются членами семьи.) Но в этот раз они хотели, чтобы Джош и Аманда побыли с ними, а после ужина вернулись домой. Передо мной опять встала проблема: что надеть? Я не знала, насколько официально это мероприятие, и я так никогда и не смогла научиться выглядеть по-лос-анджелесски, то есть «небрежно, но модно» одетой, что без усилия удавалось всем остальным. Старое коктейльное платье и туфли на каблуках? Не слишком практично, принимая во внимание некоторые мои обязанности. Я вздохнула и натянула свои извечные рубашку и джинсы.

Майкл и Джуди ехали на «ягуаре», я следовала за ними на «мерседесе». Мое волнение нарастало с каждой милей. Я понятия не имела, как в одиночку найти нужный дом. Что, если я потеряю их из виду? Если разобью «мерседес»? Или если они будут следить за мной в зеркало и им не понравится, как я веду машину?

Около семи часов мы прибыли к огромному имению, окруженному железной оградой в двадцать футов высотой, с чрезвычайно острыми наконечниками, украшающими верхушки копьеобразных столбов. Дом — нет, скорее, трехэтажный замок! — занимал по меньшей мере площадь в двадцать пять тысяч футов. Мы приблизились к навесу перед огромными porte cochere[81].

Нас встречали камердинеры, облаченные в подобия мундиров гвардии Букингемского дворца — красный бархат, золотые галуны, эполеты, а сопровождали их два сторожевых пса, каждый ростом с Гаргантюа.

Ротвейлеры? Питбули? Ужасающие гибриды? Это были самые жуткие собаки, каких я когда-либо видела, и были они, судя по виду, свирепыми. У каждой был свой поводырь, стоящий в полной боевой готовности; я бросила взгляд на толстые цепи и ошейники. Кажется, в порядке. Ну да, я не любительница собак. Брехливая шавка Жака Ла Ривьере точно знала это, я тоже это знаю и могу поспорить на свои целехонькие руки, что эти монстры знали тоже.

Помогая детям выйти из машины, я молилась. Все гости до нас прошли спокойно. Ни одна из собак и ухом не повела. Даже четырехлетняя Аманда прошла, будто никаких псов и не было вовсе. По мере своего приближения к сторожевым бестиям я старалась убедить себя, что на самом деле они изваяны из камня. Возможно, более искусно сделаны. Спецэффект. Я почти уже прошла, как вдруг они начали кидаться, как голодные крокодилы, — на меня, конечно! Только на меня! Неужели последнее, что я увижу в этой жизни, — оскаленные пасти и клыки? Я подпрыгнула фута на три и перелетела через порог парадной двери, как олимпийский призер, увлекая вместе с собой детей.

Ясное дело, собаки тут натренированы по запаху определять тех, чей доход менее миллиона.

Ладно, насчет собак я, может быть, и преувеличила. Но я по-прежнему задавалась вопросом: можно ли как-нибудь распознать низший класс? Возьмем, к примеру, очередную годовщину свадьбы моих хозяев. Во второй половине дня я расписалась за доставку длиннющей посылки — свидетельство учтивого внимания Майкла и Джейн Эйснер. Майкл и Джуди в тот вечер вернулись домой в одно и то же время, и я видела, как Джуди обнаружила пакет и как на лице ее засветилась радостная улыбка. Точь-в-точь маленькая девочка, которой не терпится получить в подарок обещанного пони.

— Как ты думаешь, что это? Такое большое! — спросила она Майкла.

— Не имею понятия, Джуди! Почему бы тебе не открыть и не посмотреть, что там?

Джуди разорвала коробку. Микки Маус. Огромная мягкая игрушка.

Тишина. Джуди посмотрела на Майкла. Одна его бровь

медленно поползла вверх. Он пожал плечами.

— Я не понимаю… — произнесла Джуди, засовывая мышонка обратно и вынимая его невесту. — А ты понимаешь? — недоуменно спросила она мужа. — А ты? — повернулась она ко мне.

У Майкла ответа не было. У меня тоже. Я сунулась в коробку и достала оттуда конверт.

— Вот, миссис Овитц. Тут открытка!

Дорогие Джуди и Майкл!
Желаем счастливой годовщины.
С любовью и дружбой,
Джейн и Майкл.

— И это все? Можно ли в это поверить? — воскликнула Джуди. — Да у Эйснеров денег больше, чем у Господа Бога, — и уж конечно, гораздо больше, чем у нас! А что они присылают нам? На нашу годовщину! Двух набитых трухой грызунов.

Еще одна длинная пауза.

— Бьюсь об заклад, они даже не платили за них! — вздохнула Джуди сокрушенно.

Кукол она отдала Аманде, а мне снова посетовала на своих друзей. Я же мыслей Джуди совсем не разделяла; я воспринимала это по-другому. Скорее всего Эйснеры думали, что две мышки — это символ союза, который нельзя разрушить, — очень уместный подарок к годовщине свадьбы. О да, вполне. Хорошо еще, что Овитцы не устроили вечеринку по этому случаю. И мне не пришлось волноваться из-за отсутствия у меня навыков выбирать подарки.

А вот радостно предвкушать Четвертое июля — увеселение, которое они посещали каждый год, мне ничто не мешало. Я слышала, что это что-то грандиозное — в Малибу, с фейерверками. И недалеко от их дома — значит, мне не надо будет следить сразу за всеми детьми, и к тому же там будет Мэнди, с Голдбергами. Ну что тут может пойти не так, как надо?

Вечеринку каждый год устраивал Фрэнк Уэллс (большая шишка у Диснея). Все дома в «ряду знаменитостей», как я это называла, стояли близко друг от друга, чтобы препятствовать доступу «всякого сброда» к общественному пляжу рядом с их частными владениями. Все собирались на прекрасном изумрудно-зеленом газоне перед домом Фрэнка, где подавались напитки. Затем гости перемещались немного дальше, к пляжу. Вокруг были расставлены шезлонги, чтобы было удобно наблюдать за фейерверками, там же устраивались ямы для костров и

натягивались волейбольные сетки, а обслуживающий персонал в крахмально-белой униформе и поварских колпаках занимал позиции за буфетным столом длиной в сорок футов. Музыка неслась из скрытых динамиков. Дальше на берегу, где кончался песок и начиналась трава, за всем происходящим с несчастным видом наблюдали несколько здоровяков в костюмах. Джошуа и Аманда хотели поиграть с другими детьми на берегу, и я спросила Джуди, может ли она подержать Брэндона. Она не возражала, а судя по милому воркованию Брэндона, ему весьма понравились дамы, суетившиеся вокруг него.

Мелодии регги наполняли воздух. Я играла в салки вместе со своими подопечными и целой оравой других ребятишек. Впервые за долгое время я веселилась и носилась до испарины. Минут через двадцать я решила подвести детей к буфету. По пути я нагнала только что появившуюся на берегу Мэнди.

— Ну где же ты? — с ходу встретила я ее вопросом. — Ты пропустила самое веселье!

— Ой! — Она скорчила трагическую мину. — Большие неприятности… У тебя. Миссис Овитц рвет и мечет.

— Ну и что я такое на сей раз натворила? — опешила я. — Ты не могла бы последить за детьми? Дай им что-нибудь поесть! Я пойду выясню, что стряслось.

Я бросилась искать Джуди. Она уже довела себя до белого каления, разыскивая меня.

— Где ты была? — рявкнула она. — Я везде ищу тебя! Мы в бешенстве.

— Что случилось? — В своем воображении я уже представила Брэндона: упал? плачет? один-одинешенек? — С Брэндоном все в порядке?

— Я не могу найти его соску! Куда ты положила ее? — требовательным тоном вскричала Джуди. — Он стал беспокоиться.

— Она была в его кармане, — ответила я. — Она всегда там.

— Хорошо, но мы не могли найти ее. Мы обшарили все, и я послала их домой. Майкл оставит Брэндона с Кармен. Иди и помогай ей. Немедленно. — Надо ли говорить, что это звучало как приказ?

«Мне очень жаль, что случившееся вызвало столько беспокойства. Но я не сидела, сложа руки в шезлонге, потягивая «Маргариту». Я развлекала двух ваших старших деток. Почему бы вам не назвать меня лоботряской?»

О, простите. Это были мои мысли. На самом деле я сказала:

— Мне очень жаль. Я возвращаюсь домой.

Тряпка!

Досада захлестнула меня, перечеркнув впечатление радости и восторга от времени, проведенного с детьми. На этом праздник и общение с Мэнди для меня закончились. Я хотела, чтобы Джуди хотя бы на одну минуту увидела все моими глазами. Думаю, ей не приходило в голову, что я-то до сей поры если где и бывала, то лишь на вечеринках в нашем местном «Элкс-клубе». Как можно догадаться, это совсем другое заведение — там не было принято наблюдать за кем-либо; да и за кем там было наблюдать? То ли дело здесь!

Шерил Тигс[82], с жадностью поглотившая два хот-дога, будто она пару дней вообще ничего не ела. Глядя на нее, могло даже показаться, что голодала она дольше, гораздо дольше — с момента ее последнего приема пищи.

Кенни Роджерс, слоняющийся повсюду и не поющий. Знаю, знаю, но я никогда не видела его по телевизору без микрофона. Я ждала, что он вот-вот разразится песней «Ты знаешь, как удержать…». Однако он, по-видимому, предпочитал общаться с помощью обыкновенной разговорной речи.

Слегка разгоряченная Голди Хоун, которая наткнулась на меня, очень мило извинилась и втянула меня в свою беседу с Али Мак Гроу[83] о том, что ребенок — это такое маленькое чудо.

Синди Поллак, которого я узнала по фильму «Тутси». Я видела его немного раньше, днем у дома на берегу, одетого только в лиловые плавки «Спидо» и больше ничего. Мне было трудно выкинуть из головы этот смущающий образ.

Не говоря уже о Сильвестре Сталлоне. Он прохаживался, демонстрируя бесспорные доказательства мастерства осветителей и визажистов — мешки у него под глазами явно свидетельствовали об этом.

А также забавный спектакль вышеупомянутого мистера Сталлоне в окружении охранников, которые рисковали получить тепловой удар, ибо на них были наглухо застегнутые костюмы — в этакий жаркий день! Чего он опасался на этой заполненной публикой арене, где полно таких же, как он? Возможно, просто не хотел оставлять никаких шансов назойливым охотникам за автографами.

Спустя годы я познакомлюсь с работавшей в его семье няней, и из того, что она рассказала, станет ясно, что такая «отрешенная» позиция — его обычная линия поведения: прислуге в доме не дозволялось смотреть ему в глаза или заговаривать с ним, если он не начнет разговор первым. Эта няня рассказала мне также, что все, что касалось детей, шло через его жену. Супруга, которая была значительно моложе своего знаменитого мужа,

была не прочь поддерживать дружеские отношения с нянями, брала их с собой в походы по магазинам или поесть где-нибудь в городе, как с подругами. Но это продолжалось недолго, неизбежно возникала ссора, и няню-подругу увольняли.

Упоминая о ссорах со своими работодателями, добавлю, что я всегда надеялась: случившаяся размолвка быстро забудется. После сцены с соской-пустышкой я была отослана на весь остаток вечера домой. Кармен стояла на плоской крыше, Брэндон, довольный, спал. Я встала рядом, и мы долго наблюдали всполохи света, озарявшие небо…

Вот еще один день в раю. Главное событие сегодня — беседа с очень милой мамой, она арендует дом по соседству. Я все еще надеюсь, что в этом городе много таких же открытых людей, как она. С дочкой они были вдвоем, никакой няни не было видно. Я немедленно позвонила Кристине, чтобы доложить, что я провела утро с самой миссис «Ад для детей», Пэт Бенатар[84].

P.S. Что за чертовщина эта песня? Я никогда не понимала ее! Может быть, у певицы были проблемы в детстве? Сейчас она — любящая и нежная мать.

P.P.S. Я должна заводить друзей своего круга.

P.P.P.S. Мама, папа и Трейси ходили на церемонию вручения дипломов в школе Райана. Не верится, что я пропустила это.

На следующей неделе, проведенной в Малибу, мне повезло несколько больше. Никаких вечеринок, поэтому я могла наслаждаться лучшим, что было на побережье: моим собственным отдельным домиком для гостей. Он стоял особняком, рядом с дорогой и в счастливом уединении. Спальня была большой и свободной, с деревянным полом, и кругом царила тишина. Я наслаждалась своей «личной территорией». Кармен и Делма то и дело предлагали свою помощь — вставали к Брэндону по ночам, чтобы я могла выспаться до утра. Одна мысль о физической отдельности от всей компании внушала спокойствие, даже при том, что мне приходилось красться через внутренний двор мимо бассейна поздно вечером и бегом возвращаться вниз к главному дому.

На следующий день после полудня я была с детьми одна. Зазвонил телефон. Я оторвалась от нашего сотого видеопросмотра «Спящей красавицы», чтобы ответить.

— Резиденция Овитцев, — произнесла я автоматически.

— Здравствуйте, Майкл здесь? — спросил какой-то мужчина. Его голос показался мне знакомым. Дастин Хоффман?

— Извините, в данный момент его нет дома. Передать ему

что-нибудь?

— Гм… А кто вы?

— О, всего лишь няня.

— Всего лишь няня?

— Да.

— Понятно. Ну а я — «Всего лишь парень» из «Рото-рутер»[85]. У нас обоих одинаковое начальное имя «Всего лишь». Я никогда не встречал ни одного «Всего лишь» раньше.

— Хорошо… — Я застонала про себя.

— Эй, «Всего лишь», откуда ты родом?

— Я из Орегона.

— Ор-Его-Н. Я знаю одного парня оттуда. Может быть, ты знаешь его тоже.

— Гм…

— Его зовут Кен.

Отлично! В Орегоне живет три миллиона. Как можно… О, черт с ним!

— М-м-м… А как его фамилия?

— Кизи.

А теперь каковы шансы? Кен Кизи — дядя жены моего учителя по гигиене, и я несколько раз бывала у них.

— Действительно, я знаю его!

— Знаешь? Ого!

— Да, я его знаю.

Я не стала вдаваться в подробности косвенного знакомства с Кеном Кизи. Я также не выдала секрета, что догадалась: на другом конце провода Билл Мюррей[86].

— Он живет на ферме в Плезант-Хилл.

— Верно. Я бывал там, — сказал он. — Поразительно. Как тесен мир!

— Это точно, — согласилась я.

— Эй, сделай мне одолжение, передай им, что парень по имени Билл заедет сегодня попозже.

С легким чувством вины я положила трубку. Моя связь с Кеном Кизи, лидером имеющей дурную репутацию группы «Мерри пранкстер»[87] и знаменитым автором «Полета над гнездом кукушки», была более чем эфемерной. Я любила своего школьного учителя гигиены и его жену, но никогда в жизни и в глаза не видела их знаменитого родственника.

Вскоре вернулась Кармен с покупками, и я сообщила ей, какая странная беседа была у меня с Биллом Мюррей.

— О да, — сказала она. — Билл известный шутник! И при этом очень симпатичный парень.

Когда Джуди пришла домой, я передала ей телефонное

сообщение.

— Боже, надеюсь, он не приведет с собой сына! В прошлый раз этот маленький варвар так разошелся, что замахнулся и ударил Джошуа.

«И это понятно! Когда-нибудь это должно было случиться».

Я стиснула зубы.

— Просто не верится, — продолжала Джуди. — Он ударил его прямо по лицу. Можешь себе представить? С тех пор он тут не бывал, и я не намерена приглашать его. И почему, черт возьми, они назвали его Гомер, я никак не пойму…

Я промолчала. Мне понравилось, как Билл шутил со мной по телефону. И я готова была поспорить, что он не похож на известную «акулу» кинобизнеса, имевшего помощницу по имени Сара в конторе, чтобы та официально отмечала карандашом даты его игр с детьми. Дети Билла, вероятно, вне всякого расписания — судя по тону, это нормальный, обычный отец.

Билл явился с шумом час спустя, без маленького Гомера.

— Где няня? Я хочу познакомиться с няней!

Он прямо-таки вломился в гостиную:

— Эй! Ты, должно быть, и есть «Всего лишь». Иди сюда, мисс Ор-Его-Н!

Он схватил меня в тесные медвежьи объятия.

— А вот и Кармен! — обернулся он, увидев ее в дверях. — Иди сюда! Я по тебе скучал!

Он поймал Кармен, и она засмеялась.

Позже, когда он ушел, я сказала Джуди:

— Разве не забавно было бы жить с таким парнем? У его жены, наверное, все время колики в боку от смеха!

Джуди долго и пристально смотрела на меня.

— Да, у нее действительно колики, — сказала она.

Джуди никогда ни в чем не видит забавного. Полагаю, только я нахожу смешным то, что Майкл ест куриные крылышки с ножом и вилкой.

Сегодня звонила мама, чтобы сообщить мне — она встретила Райана и его отца на ежегодном барбекю в семье Шрайнер. Оказывается, Райан на костылях. Поранился бензопилой на прошлой неделе, когда рубил лес на участке своего отца. Мама сказала: «Ты ведь знаешь, каков он. Суров не в меру. Заставил Райана закончить погрузку, а уж потом повез его в город. Хотя рана глубокая».

Мама сказала — отец Райана уверен: сын пытался увильнуть от тяжелой работы! И до сих пор в гневе. Не думаю, что я стану рассказывать эту историю Джуди, она наверняка не увидит в этой

ситуации юмора. Вероятно, ее поставит в тупик тот факт, что в мире есть люди, которые еще пользуются печками и дровами.

Я волей-неволей начала принимать их образ жизни. Но если я не прекращу сравнивать факты, которые кажутся мне одиозными, с теми, которые я считаю нормальными, я никогда не приспособлюсь к жизни тут.

Наверное, они даже не знают, что есть люди, для которых рубка леса — обычая работа, потому что дрова — единственное средство обогреть дом. И, как я полагаю, одно из преимуществ жизни в Лос-Анджелесе — то, что тебе никогда не надо собирать банки и бутылки из-под пива, чтобы обменять их на деньги.

Должно же быть что-то хорошее, чтобы написать и об этом… Ах да! Я получила сегодня книгу, как в домашних условиях приготовить детское питание. В ней всевозможные забавные рецепты. Думаю, такая пища намного полезнее покупной — Майкл и Джуди должны обрадоваться. Плюс к тому я смогу расширить свои кулинарные умения. Как приготовить пюре из цуккини?

14
Провинциалки в Беверли-Хиллз

Моя жизнь сейчас раскололась на части. Я боюсь надеть дорогое платье: вдруг ребенка стошнит на него?

Кейт Бланшетт[88]

Оказывается, громкое имя не всегда помогает делу.

Я выскочила на хайвэй Тихоокеанского побережья и неслась с бешеной скоростью, предвкушая возможность провести в Коттедж-Грув весь уик-энд. Джуди разрешила мне уехать в 2.30, а сама с Амандой в полдень укатила на показ моделей одежды «для мам и дочек» в Малибу. Но уже к часу я начала дергаться. Кармен выставила меня за дверь, пообещав позаботиться о Брэндоне и Джошуа. Я горячо поблагодарила ее; она знала, как я была рада этой поездке.

Однако моя нога, безостановочно давившая на газ, подвела меня, а офицера, который приказал мне остановиться у обочины, ничуть не впечатлил некий Майкл Овитц.

— Отлично, полагаю, самый могущественный человек в Голливуде не слишком обрадуется, взглянув на ваш талон теперь, не так ли? — парировал он язвительно, когда я попыталась выпросить себе снисхождение, упомянув громкое имя. Черт! За три года это моя пятая квитанция за превышение скорости!

Я не собиралась позволять этому офицеру портить мне хорошее настроение; я ехала, чтобы дома провести замечательный уикэнд. Вот только завернула в Брентвуд, чтобы собрать вещи, и… Едва я подъехала, навстречу мне выбежала Делма.

— Сьюзи, Джуди на телефоне. Кипит как бешеная!

Что, ради всего на свете, я опять сделала не так? Копы позвонили Майклу из-за моей квитанции? У него есть осведомители в Полицейском департаменте?

— Сьюзи, она просто спустила на меня всех собак! — вскричала Делма, заламывая руки. — Я никогда не слышала ее такой!

Я вздохнула и, сдерживая дрожь, схватила ближайшую телефонную трубку, на всякий случай держа ее на безопасном расстоянии от своего уха.

— Да, миссис Овитц, это Сьюзи, — произнесла я с опаской.

— Я знаю, кто это! — рявкнула она. — Как ты поступаешь, по твоему мнению?

— Что?

— Твой босс — я, а не Кармен! Я возмущена. Что ты такое вытворяешь? Стоило моей машине выехать за ворота, ты тут же и за дверь? Я уже собиралась разрешить тебе уехать пораньше! И, кстати, меня совсем не радует… гм… гм… то, что иногда ты забываешь класть в сумку детские игрушки, — закончила она свою сокрушительную тираду.

Вернуться назад? Я не могла придумать, что сказать, и не была уверена, что смогу выговорить эти слова, если найду их. У меня внутри все оборвалось. Она же продолжала вопить. К счастью, наконец она повесила трубку.

Вся в слезах, я тут же набрала номер Сары.

— Сьюзи, успокойся! Должно быть, у Джуди стресс или что-то в этом роде. Наверняка это не из-за тебя. Она всегда говорит мне, что ей с тобой повезло.

— Но она жаловалась, что иногда я забываю упаковать детские игрушки, — всхлипывала я.

— Это смешно, — фыркнула Сара.

Через десять минут Джуди позвонила снова и извинилась за то, что сорвалась. Неужели Сара позвонила ей? Я пыталась взять себя в руки и унять рев. Джуди даже сказала, что с нетерпением будет ждать моего возвращения, и голос у нее был искренним. Так ли это? Я не стала утруждать себя попытками проанализировать случившееся; я просто хотела уцепиться за любое доброе слово, как за соломинку. Если она желала протянуть мне ее, я была не прочь за нее ухватиться.

Я услышала, как хнычет Джошуа. Он хочет со мной поговорить? Великолепно! Только что выслушав тираду его мамочки, я была уверена, что он тоже собирается присоединиться к этой забаве.

— Сьюзи? Ты не могла бы привезти с собой фотографии, где ты катаешься на водных лыжах? Помнишь, ты рассказывала?

Я снова расплакалась.

Сегодня впервые Джош открыл для меня свое сердце. И сделал он это, несмотря на то, что слышал, как его мать бранит меня. Это может показаться преувеличением, но для Джошуа проявить интерес ко мне, даже более того, симпатию — необычайное достижение. Теперь я действительно могу надеяться, что дела улучшатся. Думаю, это можно рассматривать как переломный момент.

Орегон — другая планета, непохожая на Голливуд. Тут любят веселье и отдых. Я даже передать не могу, как я здесь наслаждаюсь, и катаясь на водных лыжах, и развлекаясь с друзьями, но в дальнем уголке моего сознания не умолкает противненький голосок, напоминающий, что очень скоро мне предстоит возвращаться в Неправильный Мир. Я пытаюсь заставить себя полностью отключиться, но знаю, что скоро снова должна буду погрузиться в другое измерение.

О, я побывала в гостях у Райана. Его отец сказал — ему кажется, что Райан никогда не повзрослеет и что он рад за меня, поскольку я двигаюсь вперед. Не думаю, что я на самом деле продвигаюсь. И не могу представить, что когда-нибудь расстанусь с Райаном. Мы просидели с ним вдвоем, болтая, до двух ночи. На прощание я подарила ему самый долгий в мире поцелуй.

По-видимому, подсознательно я не хотела возвращаться в Лос-Анджелес. Утром в день моего вылета не зазвонил будильник. Мне срочно нужно было в Портленд, иначе опоздаю на самолет и вернусь позже назначенного срока. Оцепенев от предстоящего гнева Джуди, особенно по поводу того, что отлыниваю от дел, я громко скандалила в аэропорту и в результате все-таки зарегистрировалась в 8.42 на 9-часовой рейс. Агент сказал, что я, к счастью, могу еще успеть на него, если побегу — аэропорт «Юджин» маленький, и пассажиры подходят пешком прямо к трапу самолета. Я помчалась через летное поле, моя огромная сумка болталась у меня за спиной. Даже с расстояния в пятьдесят ярдов я увидела, как стюардессы машут мне, чтобы я поспешила. Я представила себе, как выглядит мой кросс глазами пассажиров, следящих за мной через иллюминаторы.

И споткнулась.

Все содержимое сумки — четыре тампона, кошелек, банан, два журнала, четыре пластины жвачки «Даблминт», мой билет, книга в бумажной обложке, пара носков, маленькая баночка со специями, лак для ногтей, около четырех долларов мелочью, несколько отдельных листков бумаги с записями для журнальных статей, фотографии детей и зубная щетка со сменными насадками — разлетелось по бетону взлетной полосы. И вот я лежу, растянувшись среди всего этого, — дополнительное бесплатное предполетное развлечение для глазеющих на меня пассажиров. Одна из стюардесс, пытаясь сдержать смех, бросилась помочь мне собрать вещи. Наконец я поднялась на борт самолета. Мое место? Возможно, я должна была догадаться, что к нему придется пробираться через весь салон в самый хвост, в

качестве аплодисментов принимая ухмылки справа и слева.

Слава Богу, когда я вернулась в Брентвуд, меня ожидало несколько хороших новостей. Пока я гостила дома, моя сестра Синди сказала мне, что работа бухгалтера в управлении сети национальных ресторанов ей до смерти надоела. В момент блестящего озарения я убедила ее похлопотать насчет места в финансовом отделе Креативного Артистического Агентства. Ей надо было отправить письмо со своим фото и резюме — почему их волновало, как выглядят сотрудницы, проводящие целый день за компьютерами операционного отдела банка, я никак не могла понять. Но, должно быть, она оказалась достаточно привлекательной, потому что ее пригласили для собеседования. У Синди были отличные рабочие качества, и за что бы она ни бралась, делала все очень хорошо, и я была не сильно удивлена, когда она получила эту работу. Сара сообщила об этом Майклу, и однажды вечером, проходя мимо меня, он сказал:

— Я слышал, твоя сестра перебирается сюда и будет работать у нас.

Это было самое интимное замечание, с которым он когда-либо обратился ко мне.

Разница в возрасте у нас с Синди была всего два года, поэтому мы были закадычными подругами, и обе очень радовались, что будем жить почти рядом. Она была намерена многого достичь в своей карьере, я же пока стремилась освободить субботний вечер, приуроченный к прибытию моей сестры, чтобы провести его в ее новой квартире. Она попросила меня подыскать ей подходящее жилье. Главным для меня при решении этого вопроса была близость этого жилья ко мне, естественно. Лучшим из того, что мне удалось найти, был двухкомнатный блок стоимостью 1100 долларов в месяц. Бедная Синди не могла бы платить такую арендную плату одна, поэтому она убедила двух своих подруг переехать и поселиться вместе с ней в двухкомнатной квартире площадью пятьсот квадратных футов, недалеко от моего дома. При этом одна из девушек должна была разместиться в чулане. Я не шучу.

Сначала работа Синди, казалось, не отличается от аналогичной в Юджине. Она обрабатывала данные о заработной плате клиентов, сидя в комнате без окон вместе с другими восемью девушками. Хотя клиенты КАА не были наемными работниками, деньги, которые они получали за фильмы, ТВ, рекламу или что-то еще, сначала проходили через офис фирмы, и агентство немедленно удерживало свои комиссионные. После чего баланс отсылался клиентам. В свой первый день Синди получила звонок от менеджера одного актера, требовавшего,

чтобы КАА выплатило проценты по сумме, которую он должен был получить месяц назад. Очевидно, чек еще не доставили в его особняк. Синди не понимала, почему такой состоятельный актер беспокоится из-за каких-то ничтожных процентов, пока не узнала, что чек, полученный два месяца спустя, был на четыре миллиона долларов. Она, конечно, никогда не скажет мне, что это был за клиент; соблюдение конфиденциальности буквально вмонтировано в ее мозг, и мне никогда не удавалось получить от нее какую-либо информацию.

В течение первой рабочей недели Синди попросили отвечать на телефонные звонки финансовому директору, пока его секретарша уходит на ленч. Ей сказали, что его надо соединять только в том случае, если звонит кто-то «важный». Поскольку шел всего лишь третий день ее работы, то первой ее мыслью было: «А как мне узнать, кто «важный», а кто нет? И что я должна говорить? Извините, но прежде чем соединить вас, мне нужно узнать, какую прибыль принес ваш последний фильм?» Нет, так тоже не пойдет. Она и понятия не имела, какая сумма превращает фильм в блокбастер.

По правде говоря, сестра моя и актеров-то не знала, не говоря уж о закулисных деятелях. В тот день она, наверное, не могла бы с уверенностью сказать, чем именно занимается Стивен Спилберг.

Самый первый звонок, который она приняла, был незабываемым.

— Здравствуйте, офис Боба Голдмана. Чем могу помочь?

— Боб у себя? — прозвучал вопрос, вызвавший у нее трепет.

— Простите, он сейчас недоступен. Могу я передать ему ваше сообщение?

— Да, это чрезвычайно важно. Передайте ему, чтобы он позвонил…

Синди не расслышала, кому звонивший говорил так быстро, что она не разобрала имя.

— Простите. Я не поняла. Не могли бы вы повторить? — вежливо попросила она.

— Это Майкл…

И снова фамилия прозвучала неразборчиво.

— Извините, сэр, еще раз, пожалуйста.

— О-В-И-Т-Ц, — произнесли громко и выразительно, по буквам. — Овитц! — заорал он в телефон.

Синди поперхнулась.

— Спасибо. Соединяю.

Однажды вечером она позвонила, гордая собой, и заявила, что я была не права, полагая, будто она не в курсе последних голливудских событий:

— Так, значит, по-твоему, я не знаю, кто есть кто?

— Естественно, — подтвердила я.

— Так вот. Слушай. Нэнси из нашего офиса только что пригласила меня пойти с ней на свадьбу. Невеста — та самая актриса, которая играет Люси в «Далласе»! Видишь, я в курсе!

— Ну да. И ты также в курсе, что этот сериал шел на экране пару десятилетий назад! — заметила я. — Давай-ка лучше в выходные возьмем напрокат что-нибудь посвежее. Если, конечно, ты собираешься и дальше работать в этой индустрии.

Бедной девочке еще многое предстояло узнать.

Менее чем через неделю Синди поняла, что работа в агентстве способна дать информации больше, чем издание «Пипл». Правительство только что потребовало новой формы в бухгалтерском учете, 1–9, которая служила доказательством гражданства США. Агентство мобилизовало Синди для сбора необходимых бумаг по всем своим клиентам. Ей нужно было сделать копии нескольких документов: паспорта, водительского удостоверения, карты социального обеспечения, — и закон гласил, что она обязана работать с оригиналами.

Среди клиентов КАА было несколько чрезвычайно именитых, но отгородившихся от мира актеров и режиссеров. Это, возможно, не мешало бы процедуре бухгалтерского учета в любом другом случае, но теперь стало острой проблемой. Эти люди охраняли свои личные тайны любой ценой, и такие вещи, как обнародование даты рождения актрис определенного возраста, могли вывести из равновесия. Я сказала Синди, что такая работа больше подошла бы репортеру «Нэшнл инквайрер».

Приключения начались, когда она пошла по домам со своим портативным копировальным устройством на колесах. Первыми, кого она посетила, были Деми Мур, Шер и Долли Партон. Синди была похожа на замордованного работой страхового агента. Но потом стало еще хуже: надо было ездить за город. Водительские права и паспорта — совсем не те документы, которые бы вы согласились взад-вперед пересылать по почте. А брюзжание? «О, правительство не волновало, был ли я гражданином Америки, когда десять лет подряд платил миллионы долларов налогов! А теперь вдруг это стало важно?» «Кто собирается проверять эти документы, зачем они вам?» Это следовало понимать так: «Кто это интересуется, сколько мне лет?» или «Зачем вам знать, что я солгала насчет своего веса в водительской лицензии?».

Синди продолжала упорно добиваться своего, невзирая на все протесты. Однажды ее послали «отловить» Чеви Чейза в апартаментах отеля «Беверли-Хиллз». Подъехав к отелю, она

вдруг почувствовала себя уязвленной. На служебной стоянке в своем старом драндулете она оказалась в окружении «феррари» и «рэйндж-роверов». Надо ли говорить, что чувствовала она себя при этом самой бедной девочкой в классе, на которой линялые джинсы «Гудвилл», в то время как на всех остальных крутых детках — одежда с брэндами известных марок.

Несмотря на волнение, Чеви Чейза она нашла без проблем (хотя ей очень не хотелось прерывать его во время встречи), но когда она шла обратно, роясь в сумочке в поисках квитанции за парковку, то поняла, что ее ждет новое унижение. Снаружи, перед массивными стеклянными дверями, стояли два швейцара. А перед фасадом здания в очередь выстроились «роллс-ройсы», «бентли», «мерседесы» и «ламборгини», служащий отеля подгонял ко входу каждый автомобиль и с сознанием безупречно выполняемого долга стоял потом у открытой дверцы, дожидаясь, пока гость усядется. И большие, «жирные» чаевые!

Пока Синди стояла в замешательстве, к ней подошел какой-то молодой камердинер в пурпурной униформе и спросил ее квитанцию. Ей ничего не оставалось, как вручить ее служащему. Очередь из автомобилей двигалась минут десять. Ее автомобиль был явно где-то очень далеко.

Синди успела заметить, что Чеви вышел за ней и так же, как и она, ждет свой автомобиль. Ей стало не по себе. Что он подумает о КАА, если увидит, что его сотрудник, которому доверяют конфиденциальную, драгоценную информацию, ездит на разваливающейся «тойоте» некондиционной светло-голубой окраски, с лысыми шинами? Правда, была надежда, что ее автомобиль окажется прикрытым каким-нибудь лимузином.

Служащий, пригнавший бедную «тойоту», был довольно высоким, и его появление в этой тесной колымаге — перед лицом более чем пятнадцати высокопоставленных ожидающих — оказалось даже более нелепым, чем могло бы быть. Его ноги упирались в рулевое колесо, а рычаг переключения передач явно мешал ему. Мало того, что появление нежно-голубой «тойоты» было само по себе достаточно нелепым, так еще прозвучал ее сигнал. Впечатление от этого спектакля можно было сравнить с салютом роты почетного караула морских пехотинцев, дающих залп из двадцати ружей, в сопровождении объявления по громкоговорителю: «Просим некую особу, владелицу старого иностранного автомобиля, немедленно подойти к служебной стоянке и убрать эту груду металлолома с территории, прежде чем большинство наших важных гостей проникнутся отвращением».

К моменту, когда «особа» все же добралась до автомобиля,

она умудрилась найти в своей сумочке купюру достоинством в один доллар. Тщательно сложила ее вчетверо, чтобы не было видно единицу, не для того чтобы скрыть достоинство купюры, а чтобы это выглядело так, будто их там несколько.

Служащий открыл дверцу и церемониально стоял рядом, пока «особа» забиралась внутрь. Выжав педаль сцепления и включив первую передачу, она нажала ногой на педаль газа и одновременно кинула крошечным зеленым квадратиком в служащего. Ее щедрое пожертвование он развернет не раньше, чем она окажется за оградой…

Первый голливудский урок Синди в классе Самооценки 101:

Важно не кто ты, а на какой машине ты ездишь.

Внешность — действительно все.

Прикидывайся кем угодно, пока можешь, потом уноси ноги.

После визита в «Беверли-Хиллз» Синди продолжала, как обычно, работать с законспирированными знаменитостями. Однажды она наткнулась на имя, которое показалось ей необычным: Мапотер. Такого она никогда не слышала! Наверняка тот, кто за ним скрывается, не звезда первой величины; может быть, режиссер? Когда она спросила агента этого мистера Мапотера, почему его клиент в VIP-списке, двое служащих-мужчин без долгих объяснений проводили ее вверх по лестнице.

— Вот, снимите копию с этого паспорта и побыстрее, — сказал один из них, бросая ей документы.

— А теперь послушайте меня, — произнес агент, пока Синди стояла там, ошарашенная. — Этот парень Мапотер — в действительности Том Круз. Вот почему он в списке. Но вы никому не должны говорить об этом. Вы понимаете?

— Да, да, я понимаю, — ответила она, чувствуя себя так, будто ее только что похитили агенты Секретной службы. Или, точнее, она вступила в секретное Общество хранителей имен и на ее губы наложили печать молчания. Она не выдаст тайну ни одной живой душе, даже собственной сестре. А ведь она знала, как я обожаю Тома Круза. (Когда я писала эту книгу, мне пришлось отыскать его настоящее имя в других источниках.)

Очень обнадеживает, что у Синди есть перспективы здесь, в этом Блистающем Мире. Такая ерунда, как финансовое положение, не имеет для нее значения, и мы можем вместе смеяться над этим идиотизмом. Я также страшно рада тому, что у меня появилось убежище, пусть даже это диванчик в ее тесной комнатке. Во всем, что касается меня самой, я — настоящая тряпка. Сейчас двадцать один пятнадцать, пятница. Я хотела бы отправиться к Синди. Но

боюсь спросить разрешения у хозяев. Думаю, я могу заработать себе язву, шагая взад и вперед у себя в комнате наверху и мысленно излагая все те причины, которые я должна привести, чтобы уехать, но будучи не в состоянии набраться мужества, чтобы спуститься вниз и объявить, что я уезжаю.

Вот что делаю я, Мисс Бесхребетная, в последние три пятницы.

7.50 — готовлю Брэндона ко сну (пижама, укачивание и пр.).

8.00 — отношу его вниз для семейных объятий и поцелуев и затем укладываю в кроватку.

8.05 — ставлю бутылочки на лед и отношу в верхнюю ванную комнату.

8. 08 — напоминаю Делме, чтобы она встала к нему ночью.

8.14 — упаковываю в сумку вещи, для того чтобы провести вечер пятницы и субботу у Синди.

8.32 — меряю шагами комнату, собираясь с духом, чтобы спросить разрешения уйти.

8.40 — спускаюсь в кухню, чтобы получить моральную поддержку у Кармен и Делмы и услышать, что да, я имею право на отдых.

8.46 — убеждаю себя, что я могу уйти и я все привела в порядок, Брэндон спит.

8.51 — чувствую спазмы в желудке, думая о том, что мне ответит Джуди.

9.02 — дефилирую в столовую и как можно более уверенно объявляю (с сумкой на плече): «Я иду к сестре и проведу у нее выходные!»

9.02 и 30 секунд — Майкл: «Отлично. Пока». Джуди: «Гм, что? Куда ты уходишь? Брэндон в постели? Ты сказала Делме, что уходишь? Когда ты вернешься?»

9.03 — обнимаю детей, прощаюсь. Майкл: «Спасибо, Сьюзи». Джуди по-прежнему пребывает в замешательстве.

9.04 — сажусь в машину и восклицаю: «Йес! Я свободна!»

А вот что Мисс Бесхребетная делала сегодня вечером: в 9 часов я пошла на попятный, поднялась в свою комнату и решила подождать и уйти из дома лишь завтра утром, как только Майкл отключит сигнализацию. Хотя, двигаясь осторожно, я могла бы покидать дом по ночам в пятницу.

Примечание для себя: зайти завтра в книжный магазин. Там наверняка должны быть какие-нибудь пособия по работе над собой, типа «Ты и твой босс. Совместный труд по выстраиванию взаимоотношений, удовлетворяющих обе стороны».

Я решила прекратить переживать из-за того, что Джуди меня

недолюбливает, и обратить эмоции на детское питание. Мне не терпелось испробовать новые рецепты приготовления полезных для здоровья овощных пюре. Однажды вечером я кормила Брэндона морковно-тыквенной смесью собственного приготовления, но, похоже, такая еда не особенно пришлась ему по вкусу. Джуди вошла как раз в тот момент, когда он отвернул от меня голову, не желая принимать пищу.

— Что такое? — спросила она.

— Ну, думаю, ему это не нравится, — вздохнула я.

Она посмотрела на оранжевую кашицу.

— Вот это? Конечно, такое не может понравиться! Ты сама бы стала это есть?

«Нет, ведь у меня есть зубы».

Мне все больше и больше необходимы вечерние беседы с Мэнди!

Как бы плохо мне ни было, думаю, ей было еще хуже. Однажды миссис Голдберг отправила Мэнди с обычным поручением на Родео-драйв — забрать какую-то одежду, которую она заказала. Выяснилось, что приобретение стоит семьсот долларов, у Мэнди же на счету значилось только восемьдесят три. Она вернулась с пустыми руками и получила от хозяйки порцию неудовольствия.

— Мэнди, где мои ночные сорочки? — взвилась миссис Голдберг. — Или ты забыла остановиться у бутика?

— Извините, миссис Голдберг, но на моем счету таких денег нет.

— Но ты же знаешь, я всегда возмещаю тебе расходы в следующем чеке на зарплату, — упорствовала дама.

— Да, верно. Просто у меня не было достаточно денег на моем счету в тот момент, когда я должна была выписывать чек, а мой папа всегда говорил мне…

— Ты должна иметь достаточно денег на счету, чтобы я могла посылать тебя с поручениями! — перебила ее миссис Голдберг.

Мэнди ничего ей не ответила. За первые шесть месяцев работы — до тех пор, пока она не выплатила свою половину комиссионного сбора агентству, — ее чек на зарплату за два месяца составлял 428 долларов после удержания налогов. Теперь она получала безумные 478 долларов каждые две недели, но очередной чек ожидался лишь в следующую пятницу.

Услышав эту историю, я пришла в ужас.

— Так скажи ей, чтобы она платила тебе больше, если хочет, чтобы ты в любой момент имела нужную сумму! — воскликнула я. — Или предложи ей выдать тебе кредитную карту! Ее упреки — полный абсурд.

Мэнди разговор не поддержала, и я быстро повесила трубку. Но тема денег меня сильно взволновала. Я взяла калькулятор и начала подсчитывать, сколько денег представители среднего класса обычно тратят на одного ребенка. Выяснилось: если бы наши работодатели тратили тот же самый процент от своего дохода на уход за детьми, что и семья, зарабатывающая восемьдесят тысяч долларов в год (скажем, четырнадцать процентов), то нянька богачей получала бы более миллиона долларов в год!

Знаю, мне бы лучше решать свои проблемы.

Зачем я бессмысленно трачу энергию на негодование, вместо того чтобы изменить свою ситуацию? Я должна была прекратить постоянно критиковать Мэнди. Возможно, высказывания моей матери по поводу «ношения чужой обуви, стирания чужих носков и чего-то еще» в какой-то мере справедливы.

Причина отчасти в том, полагала я, что моя работа теперь не захватывает меня так, как раньше. Я больше не хотела лезть из кожи и полностью выкладываться, пытаясь угодить хозяевам. Мы живем в разных галактиках. Пожалуй, я вполне могла бы быть довольной своей жизнью. Чем плохо поболтать с прислугой, затеять веселую возню с детьми? Я сказала себе: хватит, отныне меня не волнует, сердится на меня Джуди или нет. Похоже, она несчастна сама по себе, и не стоит относить это на свой счет. И вдруг… у меня возникло жуткое подозрение! Я позвала Делму, чтобы она помогла мне его опровергнуть.

— Встань, пожалуйста, здесь, — указала я, с сильно бьющимся сердцем. Закрыла дверь и села на постель. Я говорила обычным голосом, представляя, что беседую с Мэнди по телефону. Через пару минут я вскочила и открыла дверь. — Ну, что ты слышала?

И Делма слово в слово пересказала всю мою «беседу»…

О мой Бог! Наши с Мэнди телефонные разговоры! Они все мгновенно пронеслись у меня в голове. Ужасные истории, жалобы… Кто знает, что я говорила, когда Джуди стояла тут и слушала? Неудивительно, что она так странно вела себя со мной! Надо быть осторожнее. Начиная с этого момента. О, вероятно уже слишком поздно? Положение уже не исправить.

Позвонила мама и сообщила: моя младшая сестра Трейси вместе с лучшей подругой и ее семьей отправились путешествовать по Калифорнии.

— Они, конечно, заедут и навестят тебя, когда будут в Лос-Анджелесе, — сказала мама.

— Вот здорово! — обрадовалась я. — До смерти хочется

повидаться с кем-нибудь из Орегона!

— Я очень рада, что вы с Трейси встретитесь, но ты должна помнить кое о чем. Ты знаешь, мы любим Нэнси и ее семью. Но, видишь ли, вряд ли они будут гармонировать с тем местом, где ты живешь. И имей в виду, семья Овитц будет не в восторге от тех, кто путешествует на старом грузовике с трейлером.

Сильный аргумент. Отец Нэнси — замечательный человек. Отдаст последнюю рубаху, если тебе это будет нужно. Но он тот же Джед Клэмпетт без миллионов, даже несмотря на то, что жил поблизости от золотого прииска рядом с Коттедж-Грув. Я стала молиться, чтобы вместе с ними не приехал дядя Нэнси! Он вообще точная копия кого-то из тех, о ком так любит рассказывать Лари-Кабельщик[89]. А уж их пес Блю и вовсе большой оригинал — обожает пиво!

Я невольно принялась размышлять о жизни моих хозяев и о том, чего они были лишены в своей жизни, отделенные от всего мира богатством и могуществом. Например, они никогда не видела таких вот вывесок, которые сопровождали всю мою жизнь:

«Без обуви и без рубашки не обслуживаем».

«Завтрак лесоруба. Специальная цена $4.99».

«Бургеры «бонанца» (неожиданная удача): три гамбургера за $2.99 (лук отдельно — 15 центов)».

«Продается гараж на десять семей, Лоран-роуд, — много хороших вещей».

«Прием бутылок и банок во дворе».

Несколько дней спустя напротив нашего дома остановился старенький пикап «шеви». Отец Нэнси, Гари, сидел за рулем, а его последний охотничий трофей — огромная пара оленьих рогов — был привязан ремнями к решетке радиатора. Чемоданы и вещевые мешки были свалены кучей в кузове. Грузовик тащил на буксире старенький трейлер, несколько помятый и местами ржавый. Услышав дребезжание звонка у главных ворот, я кубарем скатилась с лестницы и перед главным входом обнаружила Джуди. Раскрыв рот и вытаращив глаза, она смотрела на происходящее.

— Что это? — ахнула она.

— Секундочку, это моя сестра, — пробормотала я, проносясь мимо.

Я со всех ног летела к воротам. Стоило мне приблизиться, как выскочил Блю, прямиком устремился к ближайшей пальме и задрал лапу. Хорошо хоть, что писал он не пивом «Бад лайт»!

— Извини, ему действительно стало невтерпеж, — улыбнулся

Гари. — Подозреваю, что в здешних местах имеются определенные правила насчет домашних животных. Пожалуй, это справедливо.

Услышав его голос, я почувствовала, как меня вдруг захлестнула волна тоски по дому. Мне захотелось снова оказаться среди «своих» — обыкновенных людей.

Я всех обняла, особенно крепко Трейси. Я была вне себя от радости и даже не могу передать словами, насколько была счастлива видеть их, но я знала также, что моя хозяйка по-прежнему стоит в дверях, испепеляя нас взглядом. Правда, меня это не волновало. Сегодня была суббота, мой выходной. И я могла бы стоять тут хоть целый день, если б пожелала.

Я очень надеялась, что Джуди все же не станет подходить ближе и говорить что-нибудь, что могло бы смутить моих гостей. У нее, вероятно, был бы нервный срыв, если бы я открыла ворота и впустила всех. Трейси продолжала смотреть на меня выжидающе: «Ну… и?.. Ты собираешься пригласить нас к себе?»

Мы стояли и болтали минут тридцать, и я все больше злилась на себя. У меня хватило сил выдержать пристальные взгляды Джуди, но я знала, что не смогу заставить себя показать моей сестре и ее подруге дом, где я живу.

Я так боялась, что Джуди наговорит всякого Трейси и всем остальным! Мне хотелось закричать: «Да, Джуди, есть люди, которые путешествуют на том, что, по вашему мнению, нужно вывозить на свалку». Так на самом деле живет большая часть Америки, и это называется отправиться в путешествие, где разводят костер и поджаривают алтей, чтобы приготовить сморс[90]*. В действительности это очень здорово — быть на природе, смотреть на звезды. И чтобы рядом была твоя семья.*

Почему я бьюсь головой о кирпичную стену или, в данном случае, о кирпичный особняк? Я знаю, моя сестра понимает, почему я не провела для них экскурсию, и это ранит даже больше, чем осознание того, что я теряю свою собственную личность. Вот что делает страх перед боссом!

Трейси сказала, что видела Райана. Ему очень скверно без меня. Он хочет приехать. Как я по нему скучаю! И еще я очень скучаю по дому.

15
Апартаменты

Наша сексуальная жизнь была загублена появлением на свет первенца, два года назад… Мы не могли больше быть такими раскованными, — боялись, что нас услышит нянька. Мы справились с этим, но нам пришлось сильно измениться — мы не могли больше кричать и стонать так, как привыкли делать это раньше.

Синди Кроуфорд

Наступила осень. Хэллоуин прошел без фанфар. Мне было интересно, как все это будет. Будем ли мы трезвонить у всех ворот и кричать «Кошелек или жизнь?»[91] во все интеркомы соседних домов? Но, как оказалось, беспокоиться было не о чем: дети не надевали никаких костюмов и целый вечер никуда не выходили. Подозреваю, их родители просто не хотели, чтобы они ели сладости, полные искусственных красителей и ароматизаторов.

Выше нос, выше нос! На День благодарения — на Гавайи! После долгих шести часов утомительного полета мы наконец приземлились. Позднее наша команда встретилась с семейством Аль Чечи: Аль, его жена и трое детей, их няня Дженна. Она была привлекательной девушкой моего возраста, с длинными блестящими черными волосами и широкой улыбкой, но гораздо более смелая и раскованная, чем я. О мистере Чечи я знала не много, лишь то, что он — большая шишка в какой-то авиакомпании, а Джуди сказала, что денег у него больше, чем у них. (Но после первых двадцати миллионов так ли уж это важно, у кого их больше?)

Пока мы регистрировались в отеле «Хилтон» на большом острове, Дженна спросила меня, не хочу ли я присоединиться к ней этим вечером, чтобы провести ночь в городе. Я уставилась на нее, раскрыв рот.

— Ты можешь выходить? — не поверила я своим ушам. — Я имею в виду, тебе действительно можно покидать отель?

— Конечно, пока мы на Гавайях, после шести вечера я

свободна.

Нет, для меня это исключено. Сама мысль о том, чтобы «быть свободной» во время отпуска босса, никогда даже не приходила мне в голову. Дженна ухаживала за тремя детьми такого же возраста, и я подумала: а ведь мы в одинаковом положении! Я чуть не задохнулась. «Ладно, остынь. Ты сама это себе устроила. Вот тебе еще один пример того, что ты не отстаиваешь свои права».

— Просто спроси миссис Овитц, можно ли тебе пойти со мной, — беззаботно предложила Дженна.

— Ты в своем уме?

— Если не возражаешь, я сейчас спрошу, — сказала она так, будто в этом не было ничего особенного. У меня задрожали колени при одной мысли о том, что она заговорит с Джуди.

А она тут же это и сделала, абсолютно уверенно и спокойно. Холодное молчание Джуди недвусмысленно показало: она не в восторге от этой идеи. Позже, когда мы остались одни, мне объяснили, что предложение Дженны исполнить невозможно, и я никуда не пойду не только этим вечером, но и в любой другой вечер. Короче говоря, Дженне не удалось докопаться до лучшей стороны Джуди. На следующий день она повысила температуру моей хозяйки еще на несколько градусов, начав массировать Майклу плечи, пока тот сидел в шезлонге. Это не было похоже на заигрывание, однако само по себе было достаточно странно, и понятно, что его жену возмутила эта внезапная фамильярность. В довершение, заметив, какие крепкие у него мускулы, Дженна сказала Майклу, что он должен сейчас почувствовать необыкновенную легкость. Все, что она сделала, она сделала как бы непреднамеренно, случайно (как вам нравится?). Похоже, Майкл был настолько оглушен, что даже не сразу совладал с собой. Или, возможно, просто наслаждался массажем. Джуди тоже не произнесла ни звука, но я до сих пор не могу забыть выражения ее лица. Думаю, вторжение в их интимное пространство так потрясло ее, что у нее не нашлось слов. Думаю, сама она вряд ли рискнула бы дотронуться до мужа подобным образом без приглашения.

На следующий день, оказавшись в моем номере, Джуди посчитала необходимым заявить мне: «Ту девицу (это стало именем Дженны до конца путешествия) забыть».

Пока она молола всякий вздор, в дверь постучали. Дженна! Я пригласила ее войти. Джуди поспешила убраться. Мы с Дженной плюхнулись на кровать, и я начала рассказывать историю, которая предварила собой целый ряд новых. Мы мгновенно прониклись духом товарищества. Цеховое братство! Забавно, что

когда няньки собираются вместе, всегда всплывает тема денег.

— Твои ребята приезжают в аэропорт на лимузине? — спросила Дженна.

— Да, — ответила я. — Всегда, когда мы путешествуем всей семьей.

— Мистер Чечи никогда бы не позволил этого! Он заставляет повара возить нас в старом «субурбане». Говорит, что лимузин — не для этих случаев.

Неужели это говорит человек, заплативший за полет няни в первом классе 747-го?

Я понимающе засмеялась. Как узнаваемо!

— А что скажешь на это? Едва мы прибыли сюда, мои хозяева устроили шум по поводу мини-бара. Ни при каких обстоятельствах ни я, ни дети не должны ничего оттуда брать! Джуди сказала, что купит сок для детей в гастрономе. И при этом отправляет детское белье с посыльным, чтобы его выстирали и выгладили.

Дженна рассмеялась:

— Моя подруга — няня одного большого режиссера. Он получает шесть миллионов долларов за картину. Так вот, он попросил свою маму поговорить с ней о том, что она расходует слишком много туалетной бумаги. Мать попросила няню быть более экономной и отучать детей от подобной расточительности.

— А ты послушай вот что, — воодушевилась я. — Самое лучшее было вчера вечером, когда мы уже зарегистрировались и я помогла Джуди распаковаться. Посыльный вкатил тележку с фруктами, содовой и печеньем. Увидев это, Майкл впал чуть ли не в истерику.

— Сьюзи, это ты заказала? Джуди, ты?

— Нет, — ответили мы.

— Хорошо, тогда я не буду платить! Позвони, чтобы это забрали.

— Майкл, я действительно ничего не заказывала, — попыталась объяснить Джуди.

— Но кто тогда? — потребовал объяснений Майкл.

— Полагаю, они собираются записать это в наш счет, — проворчала Джуди.

— Позвони и скажи, пусть унесут! — распорядился Майкл.

Джуди схватила телефон.

— Здравствуйте, это миссис Овитц из номера 77. Не могли бы вы прислать кого-нибудь забрать тележку с фруктами? Мы ничего не заказывали и не собираемся платить за угощение.

В течение минуты она слушала ответ.

— Что? О, понимаю… Менеджер. О… Принадлежность

апартаментов. Тогда хорошо. Все в порядке. Да, тогда оставьте и передайте менеджеру «спасибо». А, что… Да, и вам тоже приятного вечера…

— Как выяснилось, наши апартаменты столь чертовски дороги, что это всего лишь стандартный набор ежедневного подарка.

— Да, у нас тоже. Невероятное обслуживание, правда? Как бы это не вышло нам боком!

Она права! Возможно, ей это как раз и выйдет боком.

Меня поселили в огромный номер с двумя спальнями, примыкающий к главному зданию отеля. Аманда и Джошуа в одной спальне, я с Брэндоном — в другой. Все остальные размещались непосредственно в гостинице, полагаю. Я никогда не имела возможности увидеть чьи-либо комнаты.

— Держу пари, ты никогда не мечтала иметь свои собственные апартаменты в отеле на Гавайях, — заметил брат Майкла, пробегая как-то мимо.

«Да, это и впрямь невероятно!» — хотела ответить я. Это прекрасно — расположиться с комфортом, чтобы распаковать сумки, развесить вещи, позвонить. Солнцезащитный крем? Пользуйтесь! Тапочки? Конечно, смотрите — их там целая куча. Не волнуйтесь о соблюдении тайны — гораздо легче впустить вас через внутренний дворик, чем заставить обходить вокруг и стучать в переднюю дверь. Это действительно здорово — иметь отдельные апартаменты на Гавайях!

Привет! Я не могу никуда пойти. Гавайи я видела дважды, оба раза из окна автомобиля: мы ездили в ресторан обедать. Брэндон ведет себя так, будто не очень хорошо себя чувствует, поэтому на солнце я выношу его очень редко. Он хочет только, чтобы я держала его весь день на руках, и совсем не интересуется игрушками. Думаю, Джош и Аманда хорошо проводят время с родителями в бассейне или на гребной шлюпке в океане. Я здесь отрабатываю мои обычные часы, без выходных. Когда вернусь домой, собираюсь спросить, могу ли я приплюсовать еще два дополнительных дня к выходным, чтобы получилось четыре дня подряд. Я должна набраться смелости. Несмотря ни на что!

Во всем есть свои плюсы: после работы без отдыха — четыре славных дня свободы, когда можно съездить домой.

Однажды утром, только я успела выставить за дверь ораву детей, зазвонил телефон. Брэндон хныкал, Аманда уткнулась в телевизор, а я боролась с искушением не снимать трубку. Однако, несмотря на ворчание Аманды, убавила громкость и подошла

телефону.

— Сьюзи, Майкл у тебя? — возбужденно спросила Сара.

— Хорошая догадка. У меня действительно несколько минут назад была толпа из десяти человек, но его здесь нет.

— Тут сообщение. Я звонила в его номер, но там никто не отвечает.

— Хорошо, я приму. — Я поудобнее перехватила Брэндона, чтобы взять ручку.

— Нет, Сьюзи, клиент хочет, чтобы текст был передан слово в слово и чтобы Майкл получил его немедленно. Он заставил меня записать его дословно, — объясняла Сара. — Вот слушай.

— Подожди, не так быстро.

— Я диктую.

— Проклятие! — Брэндон расплакался, и надо было поскорее измерить ему температуру.

— Записывай: «Майкл, не могу поверить, что ты снова отдыхаешь! — начала Сара. — Это уже третий раз за год, не так ли? Недурно».

— Сара, должна ли я вкладывать злость и сарказм в телефонное сообщение?

— Пиши, пиши! «Черт возьми, получил ли ты пакет «Федерал экспресс»? Я хочу знать, что с этим контрактом, сию же минуту. Что, черт побери, там происходит? Это последний раз, когда я ставлю этот бред сивой кобылы. Ты сказал мне, что сам этим займешься, — так займись! Позвони мне немедленно».

— Ладно, записала. И что ты хочешь, чтобы я сделала теперь?

— Погоди, с тобой хочет поговорить Джей.

— Привет, Сьюзи, ты должна сделать так, чтобы Майкл получил это прямо сейчас, — сказал Джей взволнованно. — Я обещал Редфорду передать все в точности.

— Когда он звонил? — спросила я.

— Несколько минут назад. Ты можешь найти Майкла?

— Да, сэр, найду. Ты, должно быть, любишь эту работу, а, Джей? — засмеялась я.

Взрослые были на берегу. Отлично! Аманде не нравилось ходить по горячему песку, а оставить ее в комнате одну я не могла. Я посадила Брэндона на одно бедро, подхватила извивающуюся Аманду другой рукой, и мы потащились вниз, на берег. Прочитав записанное мной под диктовку, Майкл опрометью бросился в номер. Я рассказала Джуди о том, что произошло.

— О, Боб. Хуже его нет никого! — произнесла она с гримасой отвращения.

Я пожаловалась Джуди на Брэндона, попутно пытаясь

спровоцировать Аманду остаться на пляже с матерью. Одного потенциально больного ребенка мне было более чем достаточно. Но не тут-то было! Она непременно хочет досмотреть «Спящую красавицу»! А ее отец, как оказалось, когда мы вернулись, развалился на моей кровати с телефонной трубкой возле уха! Сара пыталась соединить его с Редфордом. Я ретировалась было во внутренний дворик, но Аманда начала бурно протестовать. Фильм! И немедленно! Майкл, откинувшись на спинку кровати, ждал. Потом он наклонился вперед и начал ладонью отряхивать с ног песок.

Аманда продолжала вопить. Он знал, что нет никакого способа, который позволил бы мне контролировать уровень шума в комнате. Я снова попыталась уговорить Аманду выйти. Но она лишь сильнее раскричалась, а потом вмешался и Брэндон. «Нет, так не пойдет! Задний ход!» Бедняжка Брэндон потянулся в кроватку. Ох! Он действительно заболел! Я уложила его на подушку.

В этот момент Майкла, очевидно, соединили с Бобом. Он снова откинулся назад и приготовился к напряженному разговору. О нет! Ему нужна полная тишина! Аманда продолжала голосить. Она хотела досмотреть «Спящую красавицу» прямо сейчас! Я сказала, что почитаю ей книгу, но она стояла на своем. Кино! Чертов Голливуд… «Пожалуйста, не надо истерики! Пожалуйста, не надо истерики», — молилась я. И тут вспомнила о своих жевательных таблетках. Я отчаянно начала рыться в своей сумке. Поскорее заткнуть ей рот! Она клюнула на приманку. Я отвлеклась к Брэндону и осторожно взглянула на Майкла. Он разговаривал. Конечно, мне было ужасно любопытно, и я прислушивалась, как только могла, наклонившись к Аманде и тихонько напевая. Мы уселись подальше от ее отца, все на одной кровати, и я начала читать сказку.

— Обещаю тебе, как только папа закончит разговор, мы опять будем смотреть фильм, — сказала я, гладя ее по волосам. — Спасибо, что ведешь себя тихо. Умница!

Поощрение, еще поощрение; не надо истерики, не надо истерики.

Наконец Майкл заулыбался, заканчивая разговор и обещая Редфорду, что скоро снова будет доступен. Затем вскочил на ноги, и я услышала:

— Спасибо, Сьюзи! Я оценил твои усилия, спасибо!

Наконец-то и я смогла вздохнуть свободно, осознав вдруг, что все это время старалась не дышать…

— Зачем ты взял куртку? — спросила Джуди Джошуа

однажды вечером, когда мы садились в автомобиль, чтобы ехать на обед. — Она тебе не понадобится.

В руках Джошуа была ветровка.

— Сьюзи заставила. — Он показал мне язык.

Джуди не обернулась. Лишь покачала головой, будто отгоняла комара.

— Сомневаюсь, что она тебе нужна! На улице восемьдесят пять градусов[92].

— Знаю, но она заста-а-а-авила меня!..

Он подпрыгивал на своем сиденье и корчил мне рожи. Как мило! Момент единения матери и ребенка: они вместе насмехаются над суетливой нянькой.

Подумаешь, ветровка! Не просила же я его взять с собой зимнюю меховую парку. Откуда я могла знать, что на Гавайях никогда не холодает? Я же не бывала тут раньше. А приехав, не выхожу из отеля.

Но хуже было другое. Брэндона вырвало в мой яичный суп, и это всех доконало. Большую часть вечера я провела, пытаясь его успокоить. В конечном счете я заказала ужин в номер — пока это самый головокружительный момент моей поездки. Очень вкусная еда, и, слава Богу, ужин ничем не прерывался. А несчастному Брэндону лучше не становилось. До конца поездки он мучился диареей и приступами рвоты, а я была измучена рекордным количеством пеленок и грязного белья.

На следующую ночь, после того как все наконец успокоились и заснули, я проснулась, испуганная, в два или три часа утра. И замерла под одеялом, почувствовав, что в комнате, кроме меня и детей, кто-то есть. Я ничего не могла понять, но в воздухе распространялось благоухание духов «Фенди», и что-то внутри мне подсказывало, что это не грабитель. Повернувшись очень медленно, я выглянула из-под одеяла и обнаружила, что рядом со мной лежит светловолосая женщина и крепко спит. «Джуди! Что, черт возьми, она тут делает?» Сотни мыслей пронеслись у меня в голове. Она выпила лишнего и пришла не в ту комнату? Может, она раскаивалась из-за того, как обращалась со мной и захотела принести слова извинения после всех этих тяжких для меня месяцев? О, возможно. Или они с Майклом повздорили. Должно быть, так и было. Тогда это все отлично объясняло. Я имею в виду, она должна была воспользоваться своим ключом, чтобы войти в нашу комнату, поэтому сомневаюсь, чтобы это было ошибкой. Я сделала вид, что сплю, когда под утро она торопливо покидала мою спальню, и никто из нас никогда не упоминал об этом.

На обратном пути мы должны были проходить через

таможню, или по крайней мере это выглядело как таможня. Поскольку мы не были за границей, то это не могло ею быть. Возможно, досмотр имел отношение к непарному шелкопряду, путешествующему автостопом на фруктах. Тот факт, что я не помню, что они искали, показывает, насколько измотанной я была. Все уже были порядком раздражены, хотя не понимаю, как можно провести восемь дней в раю и закончить пребывание недовольством. Если, конечно, ваша поездка не состояла из одной вылазки на берег и одного погружения в бассейн, а все остальное время вы не просидели в номере отеля.

Из нашей армии пассажиров первого класса я стояла в очереди первой, с Брэндоном в прогулочной коляске. Джуди и Майкл стояли позади меня, а между нами было еще человек десять. Инспектор обшаривал мои вещи, ища контрабанду. Ожидание было бесконечным. Неужели это никогда не кончится?

— Из-за чего, черт побери, задержка? — спросил мистер Чечи достаточно громко, так что всем в аэропорту стало слышно.

Ой! Из-за меня. Я положила два яблока в свой рюкзак, чтобы дети могли закусить. Раз эти дотошные инспектора нашли нелегальные фрукты, они не могли не составить рапорт и не конфисковать их. Потом они еще пятнадцать минут допрашивали меня насчет марихуаны, еды или растений, которые я, возможно, имею при себе. Конечно, Майкл подошел поинтересоваться, из-за чего шум. Я была ни жива ни мертва.

Когда мы поднимались на борт корабля, я слышала, как Джуди спрашивает мужа, что случилось.

— Кто-то из детей сунул яблоко в какую-то сумку, — объяснил Майкл.

Я оставалась безмолвной, суетясь над малышом. Слава Богу, он думал, что это дети. Не я! Во время обратного полета я открыла свой рюкзак в поисках какого-нибудь чтения. Я совсем забыла, что брала с собой последний выпуск своей профессиональной газеты. Заголовок передовицы гласил: «Путешествие с Мэри Поппинс: обсуждение маршрута с няней на буксире».

Няня на буксире? Именно так я себя и ощущала: грузовой платформой. И они воспользовались лебедкой, чтобы погрузить на меня мини-вэн, полный детей. Я начала читать.

«Для многих взять с собой в семейное путешествие няньку было бы несовместимым с понятием качественного семейного отдыха. Тем не менее все большее число родителей видят в этой паре рук лучший дополнительный багаж, который они могут взять с собой».

«Дополнительный багаж» — верно сказано! Я чувствовала

себя старым потертым «Самсонитом»[93]. Хорошее настроение от предвкушения предстоящих четырех выходных улетучилось. Вскоре после поездки позвонила моя мама.

— Ты хорошо провела время, милая? — наивно спросила она. — Вы останавливались в модном отеле?

— Я просто провела длиннющую неделю с группой лиц, которые никогда не ценят того, что им посчастливилось иметь, — огрызнулась я, чувствуя, как растет мое кровяное давление. — Они все превращают в драму и почти никогда не улыбаются, даже когда купаются в роскоши в самом раю. Там не было абсолютно ничего приятного!

Не утратившая присутствия духа мама заметила, что ее подруга Эрлин сказала как-то: «Вау, Сьюзи точно повезло! Она же теперь везде побывает. А на это нужны немалые деньги».

— Мама, почему бы тебе не обрисовать ей вкратце мое положение? — воскликнула я. — Я упаковываю детские вещи, и меня упрекают за то, что я упаковала не то, что надо. Я путешествую с семьей, которая никогда не испытывает никакой радости. Любая мелочь для них проблема и приводит к ссорам. Все, с кем они сталкиваются, существуют, чтобы досаждать им. Дети в этом раю даже еще более раздражительны, чем дома, ибо у них нет с собой всего того барахла, в котором они нуждаются для развлечения. Когда они рядом с родителями, то обращаются со мной, как с половой тряпкой. И несмотря на это, их не наказывают. Я никогда точно не знаю, что делать. Я лишь знаю, что они думают, будто я знаю, что надо делать.

Выпустив пар, я почувствовала себя лучше. Милая мама, она терпеливо продолжала слушать мои излияния!

— Я имею дело с Джуди, которая спрашивает меня, сколько раз Брэндон спит днем. Одна моя знакомая в такой ситуации не выдержала и огрызнулась: «Вы даже не имеете понятия, сколько раз спит ваш сын?» Это все просто великолепно! — прокричала я в конце. — Прибавь к этому, что я вынуждена находиться рядом с двумя несчастными взрослыми, которые едва терпят общество друг друга. О да, я живу как в сказке! Прямо как старая добрая Золушка, после того как она вышла замуж за принца и зажила с тех пор счастливо.

Я спохватилась. Возможно, будет лучше, если я повешу трубку и перезвоню ей после того, как закончу изливать душу в свой дневник.

Ох! Мамины вопросы задели меня. Может быть, эта вспышка была вызвана моей крайней усталостью? Я сорвалась, потому что никто не мог понять, каково это — жить с этими людьми.

Большинство семей ездит на отдых для развлечения. Но не они.

Говоря маме, что родители Брэндона не знают, сколько раз он спит, я вспомнила недавний прискорбный визит к педиатру. Доктор спросил, спит ли Брэндон всю ночь без перерыва, и Джуди ответила, что да, конечно. Тогда мне пришлось вмешаться и объяснить, что на самом деле он все еще один или два раза просыпается, чтобы получить свою бутылочку. Джуди вскинула брови. Доктор побранил нас, сказав, что нам нужно положить этому конец. Джуди повернулась ко мне и дала указания: «Да, ты так и сделай». Спасибо, Джуди.

Мама сказала, что в День благодарения меня всем не хватало. Я ответила, что скучала по домашней начинке из баклажанов и тофу.

16
Рождественский кошмар

Можно быть очень, очень избалованным и вместе с тем незаурядным человеком. Но все это отразится на воспитании детей.

Селин Дион

— У Голдбергов уже есть елка? — спросила я Мэнди в декабре.

— О Боже! Да. Футов двадцать высотой. И представь себе: они не собираются сами украшать ее.

— Как? Неужели в их гостиной будет просто стоять большое вечнозеленое дерево?

Еще один странный голливудский обычай?

— Только один день. Они наняли кого-то, кто должен прийти и все украсить — не только дерево, но и весь дом. Можешь в это поверить — профессиональный декоратор для елок?

— Да, в этом что-то есть. Джуди тоже спланировала все праздники, — сказала я. — Есть женщина, которая ходит по магазинам, покупает по ее поручению рождественские подарки и приносит их изящно упакованными. Плюс к тому она пригласила флориста, чтобы установить двадцать хрустальных ваз. И он пришел на следующий день со свежесрезанными цветами. Когда они через неделю увядают, вся процедура повторяется. Но главное — она наняла кого-то написать за нее все поздравительные открытки. Как-то после купания Брэндона она сказала мне, что девушка, которая приходила из конторы, чтобы написать все эти поздравления, ушла с онемевшими пальцами.

— А знаешь, карьера всех этих выгуливателей собак и украшателей деревьев складывается гораздо лучше нашей! — воскликнула Мэнди. — Можешь представить себе кого-то в Монтане или Орегоне, нанимающего оформителя для елки?

Я захихикала. В своем воображении я нарисовала мужчин моего маленького лесозаготовительного городка, возвращающихся домой после тяжелой работы и обнаруживающих там некоего дизайнера интерьера по имени Пьер, который радостно украшает их дом наимоднейшими праздничными узорами, скажем, зелеными лепными снежинками. Я прямо-таки слышу, как лесоруб говорит: «Дорогая, чегой-то ты

сделала с Клайдом?», указывая на то место, где на специальной подставке раньше красовалась драгоценная голова лося. «И кто это в гостиной? Никогда раньше не видел этого парня в розовой рубашке».

Я с трудом пыталась представить себе Джуди, стоящую в море огней с одной стороны ели, и Майкла с другой, кричащего: «Эй! Я сейчас потрясу этот конец гирлянды, а ты скажешь мне, не перегорели ли какие лампочки!» Такая сцена просто не укладывалась в моем мозгу.

В действительности в нашем доме елки не было. Вместо Рождества семья справляла Хануку. Я мало что знаю про иудаизм в Орегоне, но в институте мне выдали брошюру, где для непосвященных давалось определение иудаизма — сведения о традициях, обычаях и вере. (Это уже пригодилось мне во время Рош ха-Шана[94] и Пасхи.) Однажды в пятницу вечером в декабре Джуди решила зажечь менору. Ханука произвела на меня впечатление возможностью поразмышлять и подумать, я даже сумела достичь некоторого душевного равновесия. Тот день оказался бурным и напряженным, что больше всего отразилось на детях, и с душевным равновесием было покончено. Как только Джуди зажгла первую свечу, Джошуа начал дергать Аманду за конский хвост и громко кричать.

— Проклятие! — заорала Джуди. — Дети, у вас нет уважения ни к чему святому!

Не стоит говорить, что предстоящие восемь вечеров с зажженными свечами закончились тут же, так и не начавшись. Я совершенно ясно почувствовала, что Джуди рассматривала все праздничные события как одно большое беспокойство. Я задавалась вопросом, как она проводила праздники в детстве. Вероятно, не так, как я, среди веселых разношерстных шумных компаний.

Эти голливудские праздники показались мне несколько необычными, тем более что на Рождество ожидалась ясная теплая восьмидесятиградусная погода, короче, отличный южнокалифорнийский день, а я привыкла к снегу. Как я хотела снега! И не могла дождаться, когда уеду в свой четырехдневный рождественский отпуск в Орегон. Делма согласилась отстоять мою рождественскую вахту в Аспене. Но Джуди передумала насчет моего свободного времени.

— Сьюзи, я не знаю, что мне делать, — сказала она сокрушенно. — Когда мы вернемся домой, Кармен еще будет в отпуске, а я должна предоставить Делме два выходных, поэтому на один день я останусь вообще без какой-либо помощи. Я знаю, что ты хочешь домой, но не могла бы ты вернуться до двадцать

седьмого?

Я согласилась. Конечно, раз для нее это так необходимо. И забронировала билет на самолет.

Это был сезон подарков, а для Майкла — ежегодных дополнительных чеков. Я знала от моей сестры и Сары, что вознаграждения были основным доходом агентов Креативного Артистического Агентства. Очевидно, большинство из них получали семьдесят пять процентов своего ежегодного заработка в виде вознаграждений. Конечно, это были люди с шестизначными доходами. Моя сестра слышала, что все сотрудники финансового отдела получили в прошлом году в качестве подарка наручные часы с надписью «КАА». Однако Делма и Кармен уверяли меня, что и я тоже получу вознаграждение. Я с трудом сдерживала нетерпение. Кармен похвасталась, что в прошлом году Майкл подарил ей десять тысяч долларов. Конечно, она здесь уже семь лет, а большое вознаграждение удерживает ее на кухне. Делма получила чек на тысячу долларов. Интересно, какие деньги получу я? Честолюбивый стиль жизни в Лос-Анджелесе заставил заплясать в моей голове возмутительные суммы. Как восьмилетнему ребенку, с любопытством разглядывающему подарки под елкой, мне страстно хотелось знать, что достанется на мою долю.

Я была одержима этой мыслью. Просто думать ни о чем не могла — и я пала совсем низко. Начала поиски! Смотрела в ящиках, рылась в стопках корреспонденции, открывала шкафы. Безрезультатно. Я уже собиралась остановиться, как заметила записку от финансового директора, в которой значилось: «Пожалуйста, подтвердите назначенные нами выплаты». К документу был приложен список домашней прислуги, и против каждого имени стояла сумма. Я нашла свое: две с половиной тысячи долларов. Больше, чем за два месяца! Я пустилась в пляс, размахивая в воздухе руками в неуклюжей попытке поздравить себя саму тихими аплодисментами.

Сегодня я совершила ужасный поступок. Я шпионила, чтобы разузнать, получу ли я рождественский чек. Я не могла поверить тому, что нашла. Они так щедры ко мне! Может быть, они замечают мою тяжелую работу? Возможно, таким образом Майкл хочет показать, что он ценит меня. С другой стороны, Джуди, возможно, имеет свое мнение относительно сумм. Интересно, не подумает ли она, что это слишком много для меня, или согласится с размером выплаты? Стоп!

Примечание для себя: постарайся не совать свой нос, куда не следует, и тщательно анализируй каждую ситуацию.

P.S. Интересно, что делают в праздники Райан и его семья? Надеюсь, что увижусь с ним дома.

Совесть моя кипела от возмущения. Я ужасно раскаивалась и не могла выбросить из головы свой аморальный поступок. Зачем я рылась? Ведь знала, как это низко! Может быть, со мной не все в порядке? Я никогда всерьез не пыталась разобраться в себе.

Я решила, что попробую справиться с этим, не обыскивая родной дом в поисках рождественских подарков. Я нуждалась в небольшом детском волшебстве и думала, что праздники, проведенные «в стиле Хансен», будут отличным тонизирующим средством.

Так и случилось. Моя семья, казалось, сошла со старомодной картины Норманна Рокуэлла, не имея ничего общего с абстрактными и современными персонажами в Лос-Анджелесе. Мы играли в настольные игры, открывали подарки и бурно радовались. Мы посыпали сахарной пудрой печенье и угощали им всех, кто заходил отведать вкусных праздничных десертов.

Со своими школьными друзьями я отправилась в кемпинг на озере. Некоторые проводили дома зимние каникулы, второй год учась в колледжах. Я начала задавать себе вопрос: а почему я не поступила туда же? И отмахивалась от их вопросов о моей «гламурной» жизни в Южной Калифорнии. Теперь она совсем не выглядела такой шикарной, какой казалась мне несколько месяцев тому назад.

Конечно, на вечеринке я встретила Райана. Он был так же красив и мужествен, и я ощутила всплеск эмоций, увидев его. И тут же позабыла все, чему придавала такое большое значение и над чем работала, обзаведясь экземпляром «Женщин, которые слишком сильно любят». В сентиментальном порыве мы решили вернуться друг к другу. Не понимаю, почему мы думали, что это возможно. Ведь мы жили теперь в разных штатах. Оглядываясь назад, я понимаю, в каком бедственном положении я тогда была и как отчаянно хотела, чтобы в моей жизни появился кто-то, кто заботился бы обо мне и ценил меня.

Перед отъездом семьи в Аспен я получила последнее официальное задание, очень простое: Джуди попросила меня упаковать детские вещи, включая зимние комбинезоны. Я упаковала для Джошуа и Аманды, но как-то забыла про Брэндона. Когда я вернулась в Брентвуд, Делма сообщила мне, что Джуди была в страшном гневе. А Джошуа постарался, чтобы я все прочувствовала: подробно и в красках он рассказал мне, как зла его мама, и торжествующе проинформировал меня, что они были

вынуждены купить новый комбинезон, потому что я за-бы-ы-ы-ыла… И, как водится, показал мне язык. Видимо, чтобы я не упустила главное: я — полная неудачница.

Я плотно сжала губы, чтобы не высказать вслух все, что я думаю. А думала я примерно следующее: «Знаешь что? Меня ничуть не заботит, что вы хотите смешать меня с грязью! Если твоя семья со своими никчемными ценностями столкнется когда-нибудь с настоящей проблемой, никто из вас не будет иметь ни малейшего понятия, что делать! Ты хочешь услышать, что такое настоящая проблема, малыш? Это когда завод увольняет всех и твои родители становятся безработными, а ты должен быть включен в школьную программу благотворительных завтраков, потому что твои родители в буквальном смысле не имеют денег, чтобы купить еду! Вот это проблема!»

Мне удалось подавить свою ярость и хладнокровно произнести, что мне жаль, что все так получилось. Далее я невозмутимо удалилась в свою комнату, где легла на кровать и уставилась в потолок.

Было ли когда-нибудь время, когда я была больна и не могла работать? Нет. Несколько раз я заболевала, но все равно продолжала работать. Был ли хоть раз, когда я опоздала на работу? Один — тогда, из-за похода в парикмахерскую, но и только. Пропустила ли я хоть один рабочий день? Нет. Жаловалась ли я когда-либо (то есть громко, вслух) или не выполняла того, что меня просили сделать? Нет. Даже предлагала помочь, когда меня не просили. Не соглашалась ли я на каждую просьбу, обращенную ко мне? Да, конечно.

Даже при том, что я взяла заранее запланированный кратковременный отпуск, чтобы ненадолго съездить домой, я более чем восполнила это во время путешествия, когда работала практически круглосуточно. За исключением этих кратких перерывов, в течение года я была «на службе» по двадцать четыре часа в сутки, имея менее чем сорок восемь часов выходных в конце недели. Мне абсолютно никуда не разрешалось отлучаться по ночам в рабочие дни, и я не возражала. И, несмотря на это, Джуди по-прежнему выказывает мне свое презрение — даже из-за какого-то сорокадолларового детского комбинезона.

Я поняла, что не могу оставаться в той обстановке, которая довела меня до крайности, так что я готова закричать на ребенка, который просто копирует поведение своих родителей.

Это нелепо. Я наконец должна смириться. Это не мое дело, как они тратят свои деньги; я забыла положить комбинезон, и это, я уверена, было большой неприятностью для них. Проблема в

том, что я чувствую свою вину. Я не должна чувствовать себя виноватой!!! И мне хочется закричать: «Живите как хотите! Вы не узнаете настоящих проблем, если мчитесь по жизни на 18-дюймовых колесах своего авто!» О чем я только думала, когда обещала остаться у них на два года? Вспомни, истекли только 364 дня службы!

* * *

Я знаю, многие няни работали и в гораздо худших условиях, потому что чувствовали: детям будет плохо, если они уйдут. Няня-британка, с которой я встретилась в «Джимбори» и которая воспитывала своего малыша с рождения, так часто приводила его к себе домой, что он стал называть ее мужа папой. У нее был босс, похожий на моего; и она знала, что если уйдет, ей никогда больше не разрешат увидеться с мальчиком, а она любила его так же, как я люблю детей. «У них никогда нет времени на него! — сказала она мне однажды в полном расстройстве, потеряв британскую холодность. — Таким лучше завести парочку породистых псов, вместо того чтобы рожать детей!»

Я позвонила Мэнди. Может быть, ее поездка прошла лучше?

— Помнишь, миссис Голдберг обещала мне, что я смогу поехать домой на несколько дней в декабре, а они возьмут с собой в Аспен горничную?

— Угу.

— Они сказали мне, что я должна вернуться двадцать третьего, в день их возвращения домой, чтобы помочь им подготовиться к поездке, назначенной после Рождества. Я сообщила миссис Голдберг, что в этом случае лишусь возможности купить дешевый билет. На что она сказала, что оплатит разницу в стоимости. Это оказалось двести долларов. Так много? На это она не пойдет! Мне пришлось ради покупки дешевого билета сократить время пребывания дома. Но потом они все же перезвонили мне в Монтану и сообщили, что задержатся в Аспене и вернутся только после Рождества! Так что я могу подольше побыть дома, сказала миссис Голдберг.

— Ну и как?

— Ох, опять проблемы. Снова менять билеты. Оказалось, обмен обойдется мне в триста пятьдесят долларов. Родные предложили попросить Голдбергов оплатить разницу, но у меня язык не повернулся, если уж им и двести слишком много… Я возвращалась в слезах. Канун Рождества и само Рождество провела с каким-то серфингистом, парнем, который

присматривал за их обоими домами. Мы заказали пиццу в единственной открытой в это время пиццерии. Пытались о чем-то поговорить… В общем, совсем не похоже на праздник.

Боже мой, есть ли у ее хозяев сердце? Сами катаются на лыжах и пьют горячий шоколад, а Мэнди сидит с каким-то чужаком, вместо того чтобы встречать Рождество дома, с родными. 200 долларов! Наверняка иной раз они платят больше за один только ленч!

До сих пор мне как-то удавалось сохранять веру в людей, однако нынешняя степень моей озлобленности и ожесточения начала всерьез тревожить меня. Я стала подумывать о том, чтобы уволиться! Безусловно, мысль об этом уже не единожды возникала в моей голове, но я обещала проработать в семье два года, и это меня обязывало держать слово. Теперь же, видя, какой злопамятной я становлюсь, я поняла, что мне необходимо пересмотреть свое решение.

На следующее утро, улучив момент, я позвонила в агентство по трудоустройству — просто разузнать обстановку. Новости существенно подняли мое настроение. Женщина в агентстве в ответ на мой вопрос тут же затараторила:

— Есть вакансия у Сибилл Шепард; кошмарная работа, должна сказать. Она только что уволила всю прислугу. Есть также Цукерман, это продюсер… И только что мы получили звонок от Шелли Лонг. Вы могли бы подойти в любом случае.

Женщина поинтересовалась, когда бы я могла пройти собеседование. Я ответила, что могу только по выходным, и попыталась объяснить, почему это невозможно среди недели. Она довольно беспечно отмахнулась:

— О, ради Бога! Да скажите вы своей хозяйке, что у вас женские проблемы и вам надо к доктору!

— Нет. Вы не понимаете. — Я улыбнулась ее наивности. — Об этом не может быть и речи. Если она когда-либо об этом узнает, я буду выпотрошена и четвертована на виду у всего Брентвуда, а если даже и переживу это, то могу не рассчитывать на приличные рекомендации. Они будут в такой ярости, что не дадут их мне ни за что.

— Уверена, вы преувеличиваете, — сказала женщина беззаботно. — Овитц. Я никогда и не слышала об этом парне, и если он действительно такой влиятельный, как вы говорите, то наверняка он будет слишком занят, чтобы тратить время на то, чтобы сочинять о вас дурные отзывы. Что он может вам сделать? — Она засмеялась.

Я все еще не знала, как прекратить мои страдания, когда позвонила моя подруга Тэмми.

— Сьюзи, ты не поверишь! — кричала она. — Я здесь. Здесь, в Лос-Анджелесе!

— Что ты имеешь в виду?

— В воскресенье позвонила Салли и сказала, что нянька, которую она наняла вместо меня, ее не устраивает. Она сказала, что хочет, чтобы я приступила к работе в этот вторник, то есть сегодня! Я тут же выехала. Хоть машина у меня и довольно старая, но мы успели. Я с мамой сегодня приступила к работе.

— Не может быть! — Я попыталась представить добрую, ласковую Салли Филд в качестве моего босса.

— Да, теперь я здесь. Я так торопилась! Летела по пустыне со скоростью девяносто пять миль в час!

— Прямо как в «Смоки и Бандит»? — засмеялась я.

— Ну не совсем, ведь это не было связано с перевозкой пива, и у меня в машине сидела мама.

— Ладно, извини, я перебила тебя, продолжай.

— Во всяком случае, кто бы мог подумать, что моя машина может ехать так быстро? А потом нас остановили.

— Ну, тут ты проповедуешь церковному хору. Практически это история из моей жизни. И как ты выкрутилась?

— Мамочке пришла в голову отличная идея — сказать копу, что я еду работать у Салли Филд. Вдруг он меня отпустит? Я воспользовалась этим шансом — и сработало! Он лишь прикоснулся к шляпе и сказал: «Ладно, передайте от меня привет Салли», и мы поехали дальше.

— Да, и в самом деле упоминание громких имен при встрече с полицией в Южной Калифорнии очень неплохо работает, — сказала я холодно. — По крайней мере иногда.

— Это еще не главное. Ты не поверишь! — трещала Тэмми. — Приезжаю я сюда, а Салли как раз выходит из душа. С малышом. И говорит, что у нее сегодня вечером большой званый ужин, и вот поэтому ей необходимо, чтобы я приступила к работе немедленно. Все придут в первый раз посмотреть на ребенка. Салли говорит: «Поднимись наверх и надень на него что-нибудь миленькое, а я потом позову вас». Можешь поверить в это? Она поднялась за мной около восьми и, пока мы спускались по лестнице, сказала мне мимоходом: «Не думаю, что ты кого-нибудь тут узнаешь, за исключением Курта и Голди». Я остановилась и схватила ее за руку: «Боже мой, они здесь? Курт Рассел и Голди Хоун?»

— Господи, Тэмми! — воскликнула я. — Неужели ты не могла сдержаться? Ты не должна демонстрировать своих бурных эмоций.

— Почему это? Впрочем, Салли спросила: «У тебя какие-то

проблемы?» А я ей: «Думаю, ты не поймешь. Два дня назад я жила в моем родном городке с населением менее восьми тысяч человек, а теперь я переехала в твой дом, и сюда заходят разные «голди»! Я всегда смотрю твои фильмы. Твои парни просто великолепны!»

— Неужели ты несла всю эту чушь? — хмыкнула я. — К чему эти откровенности? Я держу себя в строгих рамках. Мне были даны инструкции не воспринимать встречи с этими людьми как нечто из ряда вон выходящее.

— Да ладно, это еще не все! Там, за столом, была Кейт Кэпшоу!

— О Боже! — ахнула я. — Значит, Спилберг тоже был?

— Я даже не знаю. После того как я увидела Курта, я чуть не лишилась чувств.

— Ну и что потом? Ох, Брэндон плачет! Дай мне свой номер телефона. Хотя… он же есть у меня.

— Да-да… подожди. Это еще не все, Сьюзи!

Ее прерывистое дыхание так напомнило мне меня саму всего лишь год назад!

— Да, да. Я знаю! Добро пожаловать в Мир Нянь.

17
Громкий побег

Ко мне пришел кинорежиссер и привел свою няню. В гримуборной она спустила штаны и продемонстрировала мне мой портрет, вытатуированный на ее заднице.

Джон Бон Джови

К началу второй недели января я поняла, что никогда не смогу набраться храбрости и заявить: «Я увольняюсь».

Мне нужно было с кем-то посоветоваться. Я позвонила Мэри, очень опытной и проницательной инструкторше, с которой я сблизилась в институте. Она, как обычно, терпеливо слушала меня, в этот раз почти час.

— Сьюзи, — сказала она, — ты не обязана оставаться на этой работе, ни при каких обстоятельствах.

Это запало мне в голову. Она была права.

Уже на следующий вечер, около десяти, я сидела на своей кровати и по телефону жаловалась Мэнди. Вдруг кто-то постучал в мою дверь. Я замерла. Это могла быть только Джуди — ни Делма, ни Кармен не отваживались ночью ходить по дому. Однако Джуди почти никогда не заходила в мою комнату. Она считала важным предоставлять мне возможность уединения, и я это очень высоко ценила. Слышала ли она разговор? Я убеждала себя, что вряд ли, начисто забыв про результаты эксперимента.

— Войдите, — тихо произнесла я, натягивая одеяло поверх пижамы.

Дверь открылась.

— Я прощаюсь, — сказала я в трубку. — Джуди здесь.

— О мой Бог, почему?

— Поговорим завтра, — ответила я спокойно.

— Что она говорит? У тебя неприят…

— Ладно. Пока!

Я положила трубку, не дослушав.

Джуди села напротив. Мое сердце бешено колотилось, в голове был туман. Почему, черт возьми, она явилась сюда? Что, ради всего святого, она собирается мне сказать?

— Не возражаешь, если мы поговорим? — начала Джуди.

— Нет, конечно, — ответила я нерешительно.

— В последнее время, я заметила, тебя что-то беспокоит. Что-то не так?

Ага, вопрос прямо в лоб. Неужели она могла что-то заметить? Стала ли я вести себя по-другому? Я не очень хорошо понимала, что сказать, но это не имело значения, потому что она не стала ждать ответа.

— Знаешь, я была очень расстроена, когда ты забыла про комбинезон. Но оказалось, эта оплошность тебя вовсе не волнует.

И в эту долю секунды, не успев подумать, я заговорила. Вернее, слова сами вырывались у меня:

— Я здесь несчастна. Я решила уволиться, вот что со мной происходит! Я работаю почти двадцать четыре часа в сутки. И даже не могу покидать дом по вечерам. Я не хочу продолжать жить так. У меня нет никакой личной жизни, только работа.

«О Господи. Что я несу?»

Она выглядела ошеломленной. Неловкое молчание повисло в комнате. Она хмуро смотрела на меня, и ее дыхание участилось. Я вся сжалась. Что она скажет? Мне хотелось заткнуть уши руками. Комок в горле достиг размеров бейсбольного мяча.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Джуди брезгливо и, не ожидая ответа, продолжила: — А что, по-твоему, должна делать няня, Сьюзи?

«Думаю, некоторые из них работают только девять-десять часов в день». Однако у меня не хватило смелости произнести это вслух.

— Я думаю о том, чтобы уволиться, — пробормотала я глупо, на тот случай, если она не расслышала в первый раз.

— Мы так много делаем для тебя. Думаю, ты не понимаешь этого, — сказала она, качая головой.

— Джуди, я очень ценю все, что вы сделали для меня.

Она закатила глаза: «Да, как же… Так я тебе и поверила».

— Мне очень плохо, и мне очень жаль, — произнесла я с чувством. — Но я просто несчастна тут.

— О чем ты говоришь? Ты собираешься вот так просто взять и уйти? Завтра? — спросила она с явно выраженным сарказмом.

«Бог мой, я никогда не смогла бы поступить так с детьми».

— Нет, конечно, нет! Я останусь до тех пор, пока вы не найдете кого-то другого.

— Как это похоже на тебя! Я всего лишь хотела сказать, что мне в тебе не нравится, а ты сразу и увольняться…

«Погоди-ка, что?»

Беседа развивалась слишком быстро.

«Похоже на меня» — в чем? Как будто каждый раз, когда мне

делали выговор, я грозила увольнением? Я ни разу не произносила ничего подобного.

— Жаль, что я не знала о твоих замыслах до того, как выдала тебе рождественское вознаграждение.

При этих словах она испустила глубокий театральный вздох, встала, повернулась и покинула комнату.

Я свернулась в клубок под одеялом, от ужаса у меня свело живот. А когда я услышала, как Майкл в тот вечер вернулся домой, меня прошиб пот. Я слышала сердитый голос Джуди. Очевидно, она не ложилась, чтобы поговорить с ним, чего обычно не делала. Плохой знак. Я не слышала, о чем они говорят, только приглушенный звук голосов.

Однако больше в тот вечер никто в мою дверь не стучался. Мои муки затянулись, и две следующие ночи я почти не спала. Конечно, Майкл захочет поговорить со мной! Но когда обрушится этот удар? Я была более чем уверена — он взорвется, как вулкан. Мысленно я пыталась репетировать эту сцену, играя обе роли. Я приняла всю вину на себя. Я задавала себе вопрос: не должна ли я вернуть рождественское вознаграждение? Но самой большой печалью были дети. Я ощущала нежность и привязанность к Аманде, я сочувствовала маленькому зверьку Джошуа и тревожилась за него больше, чем он мог себе представить. Но любовь, которую я испытывала к Брэндону, была не сравнима ни с чем.

Как отразится на нем мой отъезд? Ведь я была первым человеком в его жизни, кто о нем заботился. Будет ли он чувствовать то же самое, что и ребенок, воспитанный матерью, если бы она вдруг неожиданно исчезла? Надеюсь, нет. Я не смогла бы жить с такой виной. Я хотела, чтобы он продолжал смеяться — единственный из всей семьи, кто смеялся настоящим искренним смехом, признак настоящего счастья. Но самая горькая мысль, которая проскакивала в моей голове, что, может быть, по мне вообще не будут скучать; Летиция, Сьюзи, кто-то еще… длинный ряд нянь. Будет ли Брэндон помнить, что я вообще когда-либо существовала? Я могла стать всего лишь точкой на экране радара его жизни.

Сегодня позвонил Мэджик Джонсон[95]*. Я все время думала, что встреча с ним будет замечательным моментом в моей жизни. Однако нет. Меня обуревают совсем другие чувства. Но я должна быть деловой и равнодушной. Стресс не стоит того. Отказ от радости не стоит того. Деньги, которые я зарабатываю, несомненно, не стоят того. И все же я очень боюсь, что проявлю слабость и безволие, когда наконец встречусь с Майклом.*

Следующие два дня я действовала с большой осторожностью, ожидая, что король подаст сигнал человеку в капюшоне опустить тяжелый металл. Однако ничего не происходило. В среду утром ко мне подошел Майкл и спокойно попросил меня присесть. Уверена, даже через футболку он видел, как трепыхается мое сердце.

— Я знаю, что ты хочешь уйти.

Длинная, неловкая пауза.

— Сьюзи, может быть, ты передумаешь? — Он спрашивал мягким, почти просящим голосом. Такого я у него никогда не слыхала. — Не могла бы ты доработать хотя бы до конца года?

«До конца года? Сейчас лишь середина января!»

— Мы запланировали поездку в Аспен на начало весны, и как насчет того, чтобы продержаться хотя бы до этих пор?

Мой страх был слишком силен, чтобы я могла ответить. Я повесила голову и сидела молча, опустив плечи. Я понимала, что не уступлю, но не могла собраться с мужеством и отказать.

— Или по крайней мере останься до тех пор, пока Джуди не вернется с курорта. Она в феврале едет на неделю в «Голден дор»[96]. Ты же знаешь, она заслужила эту поездку.

Вечером я сказала Джуди, что останусь еще на четыре недели и уйду после ее возвращения из «Голден дор». Но если они найдут кого-то, я уйду раньше. Но, похоже, она не слушала меня. Она была зла. Я задавалась вопросом, как она объяснила Майклу мой внезапный уход.

Я готовилась к следующему разговору с ним. Я достаточно хорошо знала его, чтобы понимать: его действия с целью заставить меня остаться быстро перейдут от двух контрольных, мирных вопросов к категоричному требованию. И затем дело примет скверный оборот.

Пока он сказал:

— Подумай и дай мне знать через пару дней.

— Хорошо, я подумаю, — ответила я, отдавая себе отчет, что тут не о чем и думать. Я уйду. Просто у меня не хватает смелости сказать об этом прямо.

Было похоже также, что расставание будет не простым. Я знала, что буду сильно тосковать по детям, для которых я была почти матерью, товарищем по играм, судьей, «грушей» для выплеска эмоций и шофером. И еще были Кармен, Делма, Глория, Роза и Джей. Что касается Майкла и Джуди… Что ж, я не буду жалеть о том, что провела рядом с ними столько времени, но и скучать по ним я не собираюсь, что вовсе не означало, что они мне неприятны. Они были родителями детей, которых я любила,

и я всем им желала самого лучшего.

В дни, последовавшие за нашей беседой, я, как и предполагал Майкл, действительно обдумывала свое решение, снова и снова прокручивая его в голове. Но ответ все время оставался неизменным. Мое состояние отразилось на моем отношении к работе, и я не могла больше выполнять свои обязанности так же хорошо, как раньше. Я не могла растить здоровых, счастливых и воспитанных детей.

Я готовилась обороняться. Я должна была устоять перед ним. Я знала: есть только два варианта. Если я останусь, то буду сломлена, дети будут страдать, но Майкл будет счастлив. Если я уйду, то стану свободной, детям найдут новую покладистую няню и все в итоге уладится, но Майкл не будет счастлив, если не сказать хуже. Я вдруг вспомнила, как легко ему удавалось шантажировать бедную Кармен все эти годы, отмахиваясь от ее аргументов и подавляя ее сопротивление каждый раз, когда она просила разрешения отпустить ее. Я снова мысленно репетировала сцену разговора, на этот раз опровергая все возражения, которые он будет высказывать мне. Я работала над сценарием.

Спустя несколько дней утром он вошел к нам. Я надевала на малыша рубашечку.

— Ты не передумала, Сьюзи? — спросил он вежливо. — Ты знаешь, мне всегда нравилось, как ты работаешь. Я действительно не хочу, чтобы ты уходила.

Чем дольше он говорил, тем больше я боялась, что пойду на попятный. Он никогда не принимал ответа «нет». Что заставило меня думать, что он примет его от меня?

Он повторил свою просьбу, чтобы я осталась до тех пор, пока они не вернутся из поездки в Аспен или по крайней мере пока Джуди не вернется из поездки в «Голден дор».

«Нет. Я должна уехать. Я должна уехать. Я не хочу оставаться еще на два месяца. Я захлебнусь в страданиях».

— Нет. Я действительно хочу подать официальное заявление об увольнении, — сказала я, опуская голову. — Мистер Овитц, я останусь на четыре недели. Я здесь чувствую себя несчастной и думаю, что это несправедливо по отношению к детям, если в таком состоянии я буду продолжать заботиться о них.

— О, Сьюзи, — произнес он проникновенно, — не кажется ли тебе, что это очень эгоистично с твоей стороны? Брэндон совсем младенец. Он ничего не понимает. А Джошуа и Аманде вообще не до тебя.

Я ничего не ответила. «Нанести удар ниже вы уже не сможете. Или сможете?»

Но почему-то эти его слова что-то стронули во мне. Я посмотрела на Майкла и тут поняла: весь его просящий вид — одна бездушная оболочка, внутри которой в действительности нет ничего, кроме вещей. Я посмотрела ему в глаза, в то время как его слова пролетали мимо моих ушей и растворялись в пространстве. Мои мысли обгоняли одна другую: «Вы говорите, что ваши дети для вас самое дорогое на свете, и я знаю, что вы искренне верите в это, но это всего лишь пустые слова. Вы привязаны к ним не больше, чем к своей жене. Все это не более чем еще одна картина вроде тех, что висят у вас на стенах. С виду идеальная жизнь, высокое положение, куча денег, власть, показательный дом, трое прелестных детей и жена, которая сделает для вас все. Но это всего лишь внешний блеск, декорация, красочная мазня для наивных зрителей, верящих, что все так и есть, как вы тут изображаете».

Едва он понял, что я не собираюсь менять свое решение, выражение его лица резко поменялось. Оно стало отталкивающим.

— Ты планируешь снова найти работу няни в этом городе? — спросил он, самодовольно усмехаясь.

— Да, я думаю так, — ответила я удивленно.

— Посмотрим, — хмыкнул он. И, в своем костюме ценой в четыре тысячи долларов, повернулся и вышел. — Вся моя неделя летит к чертям! — рявкнул он уже на лестнице.

И в тот момент, какой бы отчаявшейся и подавленной я ни была, каким бы болезненным ни был этот мой опыт, я поняла, что у меня есть внутренняя сила. Я говорила себе, что приняла правильное решение. Пытаясь унять дрожь во всем теле, я закончила одевать Брэндона и отнесла его в свою комнату, пусть поиграет. Мне не хотелось спускаться вниз. Я знала, что Джуди там.

Она явилась через час после отъезда мужа. Я дала в ручки Брэндону игрушечный паровозик и посмотрела на нее.

— Только что звонил Майкл. Он хочет, чтобы ты покинула дом немедленно.

Я молча встала и, ошеломленная, двинулась к ней.

— Он не хочет видеть тебя, когда вернется! — рявкнула она.

— Гм… — У меня во рту все пересохло, и я не могла произнести ни слова.

— Неужели это действительно так ужасно — жить здесь? — шипела она.

Я начала было отвечать, но она оборвала меня.

— О, не утруждайся. Так или иначе, ты в любом случае собиралась уходить, так что теперь это не имеет значения. Мне

только жаль, что я не знала, что ты собираешься увольняться, до того, как выдала тебе вознаграждение.

Опять про него!

Я все еще обдумывала, не вернуть ли мне его. Вместо этого я умоляюще сказала:

— Джуди, мне хотелось бы продолжать видеться с детьми…

— Нет, я думаю иначе, — прервала она меня. — Считаю, что это плохая идея. Думаю, это будет сбивать детей с толку; нет, не стоит этого делать.

Поставив эту точку, она гордо вышла из комнаты. Сердце мое упало. Думаю, я всегда знала, что это будет моей карой, если я решусь уйти. Это было именно тем, чего опасалась моя коллега-британка, не так ли? Возможно, отчасти именно из-за этого я так долго здесь оставалась.

Однако это было слабым утешением, и я чувствовала себя опустошенной. Я подошла к своему маленькому Брэндону. Неужели я больше никогда его не увижу? Я не знала, что должна сейчас предпринять. Прекратить все дела и начать собирать вещи?

Может быть, позвонить Синди? Я набрала ее номер.

— Синди, Джуди сказала, что я должна съехать немедленно. Что мне делать?

— Начинай собираться!

— У меня столько барахла! Ты меня пустишь с ним?

Вероятно, она ужаснулась: «Ко мне? Только этого нам и не хватало — еще один постоялец со всем своим скарбом». Однако спокойно спросила:

— Нужна ли моя помощь? Но только после работы.

— Нет, он сказал, я должна убраться до его прихода. Не могла бы ты прийти прямо сейчас?

— Нет, не могу. Я на работе.

Великолепно. И это говорит моя сестра, та самая, которой я так гордилась и которой я нашла работу!

— Не могла бы ты сказать, что тебе нужно уйти по делу?

— Нет, Сьюзи, я не могу этого сделать, — сказала Синди холодно. — Что, если Майкл узнает, что я была там?

— Ладно, ты права, — ответила я. — Мне пора собираться. У меня нет ключей от твоей квартиры, поэтому, думаю, мне придется свалить все в твоем коридоре.

— Извини, Сьюзи, мне надо идти. Идет Боб Голдман.

Я спустилась по лестнице с Брэндоном на руках, молясь Господу, чтобы не увидеть Джуди. В кухне сидели Кармен и ее бой-френд.

— Ты не присмотришь за Брэндоном? — спросила я. — Мне

придется уйти прямо сейчас, а он сегодня еще не завтракал.

— Да, я знаю. Я слышала, — сказала она. — Давай мне малыша. Не беспокойся, я покормлю его.

У меня перехватило горло, больше я не могла говорить.

— Спасибо тебе, — это все, что я смогла прошептать.

Я поспешила наверх. Как я собираюсь упаковываться? Коробок у меня нет, зато есть много вещей. Что, если бы моя сестра не жила так близко? Куда бы я пошла?

Мне потребовалось почти четыре часа, чтобы сложить в мешки для мусора (дешевые, а не те, которые использовались для утрамбовки мусора, конечно) все мои пожитки. Несколько раз я доверху загружала свою «селику» и катила к квартире Синди, а затем обратно.

Перед последней поездкой я на прощание крепко обняла Кармен. И попросила ее передать мой горячий привет Делме; к сожалению, это был ее выходной день. Мы обе плакали.

— Мне так жаль, — сказала Кармен. — Ты же знаешь, какие они.

Аманда и Джошуа сидели за обеденным столом, поедая хлопья и смотря телевизор. Я присела на корточки сначала рядом с Амандой.

— Солнышко, мне нужно уходить, но ты можешь звонить мне в любое время, — сказала я, надеясь, что смогу говорить ровным спокойным голосом. — Я оставила номер телефона моей сестры Делме и Кармен, и если ты захочешь поговорить со мной, звони в любое время.

— Куда ты уходишь? — спросила она, широко открыв глаза.

— Теперь я буду жить со своей сестрой, — ответила я.

— Почему? Почему ты уходишь?

Я растерялась. Что могла бы я сказать четырехлетней девочке, чтобы она поняла?

— А я знаю, что ты уезжаешь, — заметил Джошуа. — Мама сказала мне, что отец в бешенстве из-за тебя.

Я проигнорировала его слова. Я обнимала девочку так долго, пока она позволяла это, потом я сделала заход на кухню, чтобы еще раз обнять Брэндона. А затем встала лицом к лицу с Джошуа, обняла его и сказала, что мне жаль покидать его. Он не обнял меня в ответ. Мне было грустно, но я не была удивлена.

Майкл и Джуди просто не понимают этого. Они не представляют, как это может отразиться на Брэндоне. Я была первой, кто заботился о нем больше года; и вот однажды он проснется, а меня нет. До этой минуты я не понимала, как это ужасно — оставлять детей. Нам об этом не рассказывали. Я

испытывала ужасное чувство утраты, как будто покидала свою собственную семью.

18
Поиски Дебры Уингер

Я слышу голос малыша, посреди ночи зовущего свою маму, он хочет, чтобы она всегда была рядом.

Дебора Норвилл[97]

В дни, последовавшие после моего изгнания, первое оцепенение сменилось беспокойством. Я знала, что сильно досадила Майклу и Джуди, и мысль о его угрозе, что я никогда больше не буду работать в этом городе, не оставляла меня. О, какая я глупая! Станет ли Майкл на самом деле тратить свое драгоценное время, отвечая на звонки какой-нибудь случайной мамочки-домохозяйки, скажем, из Санта-Моники, желающей навести справки о его бывшей няньке?

А вдруг самый занятой человек в Лос-Анджелесе действительно всерьез озабочен перспективами моей работы? Я была хорошо наслышана о том, как Майкл ведет дела. О том, что он всегда добивается желаемого, что не приемлет ответа «нет» и никогда не прощает тех, кто им недоволен. Это могло привести к плачевным последствиям. Я была больше чем наполовину уверена, что он не собирался оставлять в покое маленькую девчонку из захолустья, посмевшую ответить ему «нет», не удостоверившись, что она в полной мере испытала на себе все последствия своего поступка.

Однако я опередила его, позвонив в агентство и поговорив с женщиной, которая ранее предполагала, что я «делаю из мухи слона», опасаясь гнева моего работодателя. Она обрадовалась, услышав, что я свободна («большое количество вакансий для специалиста вашего уровня!»), и записала меня на собеседование уже на следующий день.

Там я узнала, что родители, ищущие няню, создали себе имя, придумав «Больших девочек»[98]. Мама, которая была беременна, сразу же вспомнила мое имя.

— О, я уже слышала о вас, Сьюзи.

«Ага».

— О, правда?

— Да, вы та великолепная няня, — сказала она ласково. — Та самая, которая поставила диагноз «менингит» младшему сыну Майкла Овитца.

«Простите?»

Есть очень немногое, чего не хватает Голливуду. Например, уважения к достоверности, которая бы сделала эту историю гораздо менее интересной.

— Ах это. На самом деле я не ставила ему диагноз. Фактически…

— Да. Майкл наш агент, — перебила она, лучезарно улыбаясь своему мужу. На ее лице было написано: «Это великолепно. Майкл всегда окружает себя всем самым лучшим, таким образом, эта девушка должна быть непревзойденной».

К моему большому огорчению, все было совсем не так замечательно. Они не только были клиентами Майкла, но и жили неподалеку. Всего в десяти домах от моей бывшей резиденции. Спрашивается, какова была вероятность подобного совпадения в таком мегаполисе, как Лос-Анджелес?

— Расскажите нам о себе, — продолжала моя потенциальная хозяйка.

Я что-то нерешительно пробормотала. «Зачем утруждаться? Вы не возьмете меня на работу, после того как мистер Суперагент отдаст вам указание».

Я знала, Майкл запретит им брать меня на работу, но не могла представить себе, какие возможные объяснения этому он может привести. Возможно, то, что я уволилась, едва получив рождественскую премию. Конечно, он всегда может рассказать о том случае, когда он почти перенес публичное оскорбление, увидев меня обрядившейся в то отвратительное обмундирование для поездки. Однако шутки в сторону, что еще могло бы быть?

Я постаралась думать о чем-нибудь хорошем, и финальная часть собеседования прошла благополучно. Могу сказать, что я им понравилась. Они провели для меня экскурсию по своему элегантному дому, который был упомянут в «Архитектурном дайджесте». А затем показали комнату, где я буду жить. Провожая меня до автомобиля, оба улыбались и сказали, что уверены — я прекрасно впишусь в их семью.

Заводя автомобиль, я сказала себе, что скорее всего у меня паранойя. Очевидно, их вовсе не волнует, что я работала у Майкла. Чем больше я думала о моей тревоге, тем больше успокаивала себя: король, должно быть, и не собирается звонить в свой офис из-за парочки, интересующейся рекомендациями.

Но потом позвонили из агентства и бесстрастно сообщили мне, что та пара решила отказаться от моих услуг. Как будто они играли в «Монополию» и решили не покупать Балтик-авеню.

— Они откажутся от меня. Я же говорила вам! — напомнила я ей. — Наверное, они поговорили с Майклом.

— Я проверила это, и вы оказались правы, — сказала она спокойно. — Но я имела сегодня продолжительную беседу с Майклом и думаю, что сумела уладить с ним это дело.

«О, действительно? Какого рода дело? Судя по вашему голосу, могу с уверенностью сказать, что ему удалось запугать вас, леди».

— Я могу устроить вам любое собеседование, какое захочу, — продолжала она, — если только это не связано с кем-то из индустрии развлечений.

Она сказала об этом как о какой-то незначительной детали, как будто это совсем не имело значения, что пункт, на который она согласилась, исключал девяносто процентов населения, кому могла бы потребоваться няня.

Паранойя неотвратимо возвращалась. Как далеко простирается его влияние? Если я вернусь назад в Орегон, чтобы поступить в колледж, не будет ли он вставлять мне палки в колеса, ругаясь с деканом? Ладно, вероятно, это было нелепо, но я не могла поверить, что интеллигентные, талантливые, высокопрофессиональные люди боятся его и соглашаются с каждым его указанием!

Однако именно так они и поступали. О, очень многие из них. У меня было собеседование с четой, которая никогда не работала на Майкла или вместе с ним, но они знали его так же, как любого другого в этом городе. Несмотря на великолепное собеседование, которое закончилось обоюдными улыбками, два дня спустя они позвонили и отказались.

Я знала, что человек с моим опытом должен пользоваться большим спросом в Южной Калифорнии. Большинство типичных представителей Голливуда хотели иметь интеллигентную, трудолюбивую и любящую детей няню. Однако негласная установка была такова, что они вместе с тем хотели кого-то, кто был бы стройным и говорил по-английски, как на родном языке. Я подходила по всем категориям, но события начинали выглядеть так, будто слово Овитцев все перекрывает. И было ясно, что Майкл не отказывался от использования своего ценного времени, для того чтобы потопить меня. Если я не захотела работать на него, то он хотел сделать так, чтобы я ни на кого не смогла работать.

Дни шли, и, усилиями Майкла подвергнутая остракизму, я злилась все больше. Как он только мог объяснить свое поведение? Он настоятельно просил меня остаться, зато теперь всем и каждому рассказывает, какой ужасной няней я была. Если я была такой неподходящей, зачем же было так усиленно пытаться заставить меня доработать у них этот год? Насколько далеко он в

действительности собирается зайти в этой глупой вендетте против девятнадцатилетней девочки? Я была сломлена и совершенно бессильна. Какого рода удовольствие получает он от этого?

Поскольку контора координатора — миссис «Это замечательно, я уладила дело с президентом КАА» — вдруг перестала отвечать на мои звонки, я решила направить свое резюме в агентство под названием «Мамочки Малибу». Я не сильно надеялась на успех, но, может быть, в этом агентстве я найду больше понимания. «Мамочки Малибу» — звучало так благожелательно и дружелюбно. Я начала рассказывать о том ограничении, которое установили Овитцы. К моему удивлению, «Мамочки Малибу» не испугались. Они сказали, что готовы поработать с моей ситуацией, поскольку подобное уже не раз случалось и с другими нянями. На самом деле многие работодатели дают своим няням плохие рекомендации, когда те хотят уйти, поэтому агентство теперь рекомендует, чтобы все няни каждые шесть месяцев получали письменный отзыв о своей работе, некое письменное подтверждение того, что их боссы действительно довольны ими — по крайней мере до тех пор, пока они не набирались смелости, чтобы обеспокоить их своим уходом.

К моему большому облегчению, два дня спустя после того как я обратилась в новое агентство, мне позвонили и сообщили, что у них есть родительница с одним грудным младенцем, мальчиком, которая ищет няню и которая согласна взять меня без блестящей рекомендации Майкла. Неужели такой человек действительно существует? Я уже начала думать, что никто в этом городе не может иметь подобной независимости.

Я нашла дом по данному мне адресу справа от хайвэя Тихоокеанского побережья в Малибу, всего в нескольких милях от прибрежного дома Овитцев, на тихой маленькой улице.

Большой, но достаточно скромный дом, с фронтальными воротами и оградой вокруг всего владения, казался достаточно гостеприимным. Спустя несколько секунд после моего звонка меня уже приветствовала искренним рукопожатием босая Дебра Уингер.

— Добро пожаловать, Сьюзи, — сказала она знакомым хриплым голосом, широко улыбаясь.

Хотя я никогда не видела ее прекрасную роль в «Городском ковбое», но любила фильм с ее участием «Отношения нежности» и смотрела «Награды Академии» в тот вечер, когда она была номинирована как лучшая исполнительница роли второго плана. Ее экранный образ породил во мне чувство, что она, должно быть,

человек, который не позволил своей славе повлиять на себя. Когда мы наконец сели, я обнаружила, что моя интуиция меня не подвела. Она оказалась искренней и непритязательной, и ее дом тоже отражал эти свойства характера. Там не было китайских артефактов, приклеенных к столам, или знаменитых картин на стенах. Какая-то охранная система существовала, но она редко использовала ее.

Дебра предложила мне чаю, и я погрузилась в объяснения моего несчастливого отъезда из дома Овитцев, делая ударение на том, как тяжело было покидать детей. Она слушала и, казалось, искренне сочувствовала. Единственное ее замечание было:

— Ну, этот Майкл, мечта психиатра… Или, возможно, к этому следует относиться, как к ночному кошмару?

Она засмеялась. Я сидела молча. Мне не хотелось открывать эту банку с ночными гусеницами. Она сказала, что сообщила в агентство, что ей не нужно отзывов от него. С другой стороны, она уже позвонила во все семьи, давшие мне рекомендации в Коттедж-Грув, и те, где я работала во время моей практики в институте, и все восторженно отзывались обо мне. Я была польщена, но в то же время озадачена отсутствием у нее преклонения перед королем.

Вскоре я узнала, что Дебра была одной из немногих клиенток в истории КАА, кому удалось спрыгнуть с этого корабля. Поскольку я слишком хорошо знала, как сильно Майкл ненавидит слово «нет», то могла себе представить, как он отреагировал, услышав, что она уходит.

— Мне нравится Майкл, но продолжать работать с ним я не могла, — объяснила она. — Было так, будто я узнала, что мой босс сваливает токсичные отходы на детскую площадку; я не могла сидеть молча и ничего не делать.

Ответная реакция Майкла, как рассказала она мне позже, выражалась в том, что он грозился сообщить средствам массовой информации о ее беременности. Прежде чем родился ее сын Нолан, у нее был выкидыш. Будучи уже само по себе разрушительным, это событие, выставленное на всеобщее обозрение и доведенное до сведения ее поклонников, лишь усугубило трагедию. Носившая тогда Нолана, она решила раньше времени не раскрывать эту новость. Майкл своей угрозой попал в ее самое уязвимое место, хотя на самом деле он не осуществил ее.

Девятимесячный Нолан часто просыпался и плакал по ночам, и Дебра была измучена. Супруг Дебры, Тимоти Хаттон, настоял, чтобы она наняла няню; он не мог оказывать ей необходимую помощь с тех пор, как начал работу над новым фильмом в Батон-

Руж. Сама Дебра не была до конца уверена в том, что ей действительно необходима няня. В конце концов, она же была дома целый день. Разве большинство мам-домохозяек не справлялись сами со своими делами?

К этому времени мне уже казалось странным, что какая-то женщина желает сама заботиться о собственном ребенке. Но Дебра привносила нечто нормальное в Голливуд. Она сказала мне, что нанимала на короткое время сиделку для младенца сразу после рождения Нолана, но ничего хорошего из этого не вышло. К тому времени, когда сиделка наконец обнаруживала, что малыш проснулся среди ночи и плачет, Дебра уже минут пять как минимум укачивала его в детской. Поэтому спустя две недели она предложила ей уйти.

Эта история напомнила мне о том, что я слышала про английских нянь. Шоу типа «Суперняня» и «Няня 911» некоторое время не были хитами, но Голливуд, кажется, всегда шел на шаг впереди, и потом это становилось повальным увлечением — иметь собственную британскую няню в первые месяцы жизни голливудского младенца. Эти наследницы Мэри Поппинс были сделаны из гораздо более сурового материала, чем их американские коллеги, — они считали, что ребенку надо дать выкричаться, и тогда он будет спать всю ночь до утра. Я понимала, что это не пройдет с такой хорошей мамой, как Дебра.

С самого начала мне было легко общаться с Деброй, и мне казалось, будто я попала в другое измерение. Здесь царила непринужденная атмосфера, более подходящая для веселых ленчей и девичьих походов по магазинам. Во время собеседования Дебра даже спросила меня, не заинтересует ли меня возможность читать вместо нее сценарии. Ее агент присылал их так много, что она не успевала их прочитывать, поэтому была бы мне очень признательна, если бы я передавала ей главную мысль — о чем та или иная история. Могу ли я? Конечно! Перспективы кое-какой работы секретаря-ассистента сильно взволновали меня, я так ей и сказала.

Дебра хотела, чтобы я сразу же приступила к работе, поэтому мы быстро составили соглашение. Мне понравилось мое новое жилище на первом этаже — незатейливая, уютная спальня, сообщающаяся с ванной комнатой и имеющая огромную кровать, такую высокую, что мне не помешало бы иметь стремянку, чтобы взбираться на нее. Икебана из сухих цветов была здесь единственным украшением, но комната казалась теплой и уютной.

Однако прежде чем закончить собеседование, я должна была преодолеть еще одно препятствие. Деньги. В этот раз я была

намерена твердо оговорить размер своей зарплаты. Последствия того, что я не сделала этого на своей предыдущей работе, часто заставляли меня жалеть об этом, но это было не главное. Жизнь в Лос-Анджелесе в течение года сильно изменила в худшую сторону мое мнение о богачах и их миллионах. Я даже устала описывать, что я чувствовала по отношению к богачам, которые очень мало платили своей прислуге, облегчавшей им жизнь. Я приехала с убеждением, что зарплата должна адекватно отражать оценку труда, а знаменитости постоянно твердили о том, что цена няни всего лишь пенни. Например, я знала няню, работавшую на особу, занимавшую важное общественное положение и днями напролет «протраливавшую» бутики, чтобы утолить свой ненасытный шопинг-голод. Эта няня настолько была сыта по горло своей хозяйкой, которой никогда не бывало дома, что однажды вечером она просмотрела ее чеки за день. Одно только платье от кутюр, которое ее хозяйка надевала всего на несколько часов на какое-то событие, стоило больше, чем эта няня заработала за два года.

— Ты думаешь, что будешь получать меньше, чем у Овитцев, потому что у меня только один Нолан, а не трое детей? — спросила Дебра.

Она обратила внимание на то, о чем бы я никогда не подумала. Хм-м. Это в институте нянь никогда не обсуждалось. Потом она сказала:

— Или ты рассматриваешь зарплату как компенсацию за вложение времени, независимо от количества детей?

Ее открытость и справедливость поразили меня.

Однако я уже отыграла роль наивной молодой няньки, которая позволяет нанимателям обводить ее вокруг пальца. В этот раз я бы хотела, чтобы мои двадцать четыре часа работы в день были хорошо оплачены.

— Мне действительно не хотелось бы получать меньше, чем на последнем месте работы, — ответила я ей. А потом заявила: — Я хочу получать чистыми, так сказать нетто, четыреста долларов в неделю.

Зачем я приплела это «нетто», сама не знаю.

Она согласилась, и я таким образом неожиданно вытребовала себе огромное повышение. Хорошо, но я опять забыла поднять проблему контракта. Знаю, знаю. Однако в этот раз я была слишком сконфужена. Дебра казалась настолько заботливой, что я не хотела оскорблять ее формальностями.

Мне нравится Дебра! Она такая крутая, такая абсолютно реальная. А ведь она живет и работает в этом городе.

Поразительно! Но когда мое собеседование закончилось, я поняла, что по времени мне придется работать вдвое меньше, чем прежде, и при этом я буду получать больше денег. Возможно, я вела себя очень жестко, заключив такую сделку. Это не ее вина, что раньше я была бесхарактерной. Она не должна расплачиваться за это. Она сказала, что мы могли бы подсчитать общую «сумму-брутто» позже. Как, черт возьми, мне пришла в голову эта мысль насчет «нетто»? Оказалось, с ней так просто разговаривать; я очень надеюсь, что у нас будут превосходные отношения. Сегодня вечером звонила мама и сказала, что она пошла и взяла напрокат все фильмы Дебры, и принялась подробно делиться впечатлениями о каждом. Наконец я прервала ее и сказала, что мне совсем не обязательно знать сюжет. Я ведь не собираюсь сдавать экзамен на знание всех кинодеталей, чтобы получить эту работу!

Примечание для себя: старайся не быть такой сухой с мамой. Она достойна того, чтобы немного повеселиться над всей этой голливудской кутерьмой.

Счастливая Синди помогла мне перевезти мои вещи в дом Дебры. Бедняжка Синди. Ей не только приходится по-прежнему делить площадь с двумя своими оригинальными подругами, но одна из девушек еще и предоставила приют Педро, симпатичному коллеге по работе, который был рад своей удаче. Синди будет наслаждаться своей ставшей сразу намного более свободной после моего отъезда комнатой, и я знаю, она была рада тому, что я нашла такую милую новую хозяйку. Ее непосредственный начальник сообщил ей, что под влиянием моего неожиданного ухода Майкл хотел также и ее убрать из агентства. Но поскольку она отлично справлялась с работой, у них не было законных оснований для увольнения, поэтому ее оставили. Уверена, отныне она — колючка у Майкла в заднице, напоминание, что ему не всегда удастся настоять на своем.

Вскоре я поняла, что работа на Дебру была полной противоположностью работе на Овитцев. К тому же ей так нравилось быть мамой, что с Ноланом она проводила больше времени, чем я. Моя задача состояла в том, чтобы вставать к нему ночью. Однако Нолан и Дебра были очень привязаны друг к другу, и малыш не слишком был склонен доверять какой-то новой личности, появившейся в его доме и приходящей в его комнату среди ночи. Поэтому нам пришлось отступить и постараться сделать так, чтобы он привык ко мне. Дебра ворковала с ним и прижимала к себе, в то время как я просто стояла рядом, желая, чтобы мое присутствие стало для него привычным.

Я столкнулась с необычной для няни дилеммой. Когда я

успокаивала Брэндона всю ночь, никто больше не вставал, поэтому не имело значения, во что я была одета. Но теперь казалось неуместным являться на работу без лифчика. Как бы вы сохранили свой профессиональный внешний вид, стоя рядом со своим работодателем в три часа ночи в пижаме?

— А ты, должно быть, и есть Сьюзи, — произнес мужской голос, когда я ответила на звонок по телефону Дебры однажды утром в один из первых дней моей работы у нее.

— Да, это я.

— О, привет! Это Том, я звоню из Луизианы.

— Здравствуйте, — сказала я. — Как дела?

— Прекрасно. Я так рад, что ты уже там, — сказал он весело. — Дебра считает, что ей никто не нужен. Но я думаю, что она очень устает, не высыпаясь. И я хотел, чтобы она получила небольшую помощь, пока я в отъезде. Я действительно скучаю по ним обоим. Я с нетерпением жду встречи с вами, когда вы все приедете сюда, чтобы навестить нашу команду.

— Да, было приятно поговорить с вами, надеюсь, смогу помочь, чтобы Дебра могла отдыхать. Позвать ее вам?

Самая задушевная беседа. Один супруг заботится о другом. Был даже намек на то, что они ценят того, в ком видят источник помощи. Это было странно. Ненормально. Всего лишь год понадобился мне, чтобы я достигла такого уровня цинизма.

Помимо меня, у Дебры работали еще повар и горничная, обе приходящие. Повариха приходила несколько раз в неделю, чтобы сварить обед и приготовить кое-какие блюда на неделю. Она также готовила на скорую руку изумительный, содержащий тысячу калорий в каждом куске «чизкейк», который Дебра очень любила. Но, сказала она, готовясь к очередной роли, она вводит на него запрет. В это время ей приходится отказываться от любой высококалорийной пищи. Но как только заканчивается работа над фильмом, правило «ничего сладкого» отменяется.

Обласканная, я вместе с ней ни в чем себе не отказывала. Нет необходимости украдкой таскать печенье. Не из-за того, что Джуди подсчитывала их количество — а из-за Кармен, которая следила за мной, как ястреб. После того как она выяснила, кто похищает ее творения, она ограничила меня до двух штук в день. Если же я превышала лимит, то наказанием мне было — помогать ей готовить очередную партию. Вспоминая это, я начинала скучать по Кармен, Делме и детям так сильно, что мне приходилось приказывать себе выбросить все это из головы. Но это было очень трудно сделать.

Тем не менее один раз я все же позвонила Саре.

— Ты никогда не поверишь, на кого я сейчас работаю, —

радостно закудахтала я, услышав знакомое приветствие. — На того, кого Майкл ненавидит!

— Сьюзи, я так рада слышать тебя! Хм-м… Не на Спилберга же ты работаешь, или?..

— Нет! На Дебру Уингер, — ответила я, и мы обе засмеялись. Было приятно поговорить с ней, но я знала, что для болтовни у нее слишком мало времени. — Они действительно ненавидят меня, да? — спросила я все же.

— Нет, они не ненавидят тебя, Сьюзи, — ответила Сара. — Ты делала их жизнь комфортной, а твой уход стал для них причиной дискомфорта. А ты сама знаешь, как они ненавидят неудобства. Но лично тебя — нет, конечно!

Этот разговор позволил мне почувствовать себя немного лучше, и я решила поставить точку в этой главе книги моей жизни и писать новую.

* * *

Мне не потребовалось много времени, чтобы понять: Дебра весьма дорожит своими принципами, а в Голливуде она слыла «трудной» и не желающей «поступать благородно». Я узнала, что она переехала из Калифорнии в Израиль, когда ей было только шестнадцать, для того чтобы жить в кибуце, и даже какое-то время служила в израильской армии. После возвращения в Америку она нашла работу в «Мэджик маунтен», где в результате одного серьезного инцидента серьезно пострадала и какое-то время находилась в коме. После чего была частично парализована и не видела одним глазом в течение нескольких месяцев. Она рассказывала мне, что та авария подарила ей уйму свободного времени для того, чтобы как следует подумать о том, где и как проходит ее жизнь; главное, она решила продолжать играть.

Ко многим вещам, таким, как, например, окружающая среда, Дебра относилась очень серьезно. Если бы я была более внимательной, то догадалась бы об этом уже во время нашей первой беседы. Она основывала многие из своих личных решений — что именно она покупает, в какие магазины ходит, что ест — на том, как это затрагивает экологию планеты. Никаких пестицидов — даже если муравьи оккупируют спальню. Только натуральный детский шампунь для Нолана. Никаких одноразовых памперсов. Однажды она попробовала их вместо ее обычных матерчатых пеленок, когда ей куда-то нужно было лететь вместе с Ноланом. Когда у него выступила ужасающая сыпь, она выяснила, из какого впитывающего материала они были сделаны, и

поклялась никогда больше их не использовать. Она рассказала мне и о своих родителях. Они позвонили ей как-то, чтобы рассказать о своем душераздирающем рейсе в преисподнюю. Их самолет должен был совершить вынужденную посадку, и они опасались, что их жизнь закончится в огне пожара при приземлении. Стандартная рабочая процедура в таких случаях — сбросить все лишнее топливо из баков, что пилот и проделал.

— Представь себе — все это токсичное топливо загрязняет атмосферу и выпадает в виде осадков на всем протяжении полосы снижения самолета. Сьюзи, ты можешь в это поверить? — спросила Дебра.

Я не могла. Но я была гораздо больше, чем она, обеспокоена судьбой ее отца и матери.

Как-то Дебра упомянула, что ее повариха раньше работала у Стивена Спилберга, и добавила, что думает, это было забавно. Я не поняла ее. Тогда она принялась объяснять, будто думает, что ее карма заставляет этих людей приходить к ней — людей, которые раньше работали у работодателей, с которыми у нее когда-то были проблемы. Я не знала, что она поссорилась с этим прославленным режиссером. «Что могло в ней не нравиться?» — удивлялась я. Я находила ее потрясающей. Я никогда не расспрашивала ее о проблемах, но рассказы поварихи об одном из детей Спилберга звучали так, что Джош выглядел ангелом по сравнению с ним. Было странно, что два величайших «столпа» Голливуда, по существу, поставляли ей своих изгнанников.

Я уже достаточно долго работала у Дебры, когда вдруг простудилась. Она заявила, что не допустит, чтобы я в таком состоянии вставала по ночам к Нолану, что мне необходимо отдохнуть и принимать много витамина С. Я не верила своим ушам по нескольким причинам. Во-первых, я была захвачена врасплох тем, что она вообще заметила мое недомогание. Во-вторых, я была ошеломлена, что она предложила облегчить мою рабочую нагрузку, с тем чтобы я могла быстрее справиться с пустячным недомоганием. Я немедленно позвонила Мэнди, чтобы доложить: моя новая хозяйка заметила мой насморк и беспокоится о том, чтобы я хорошо высыпалась.

Та от души расхохоталась и поздравила меня: комедия удалась! Она была уверена, что я ее разыгрываю.

Однажды утром Дебра внезапно объявила, что в город прилетает мать Тимоти, чтобы посмотреть на Нолана, и попросила меня встретить ее в аэропорту. Мы нашли во дворе очень темную маргаритку и прикололи ее на мой жакет. «Ищи девушку с цветком», — сказала Дебра своей свекрови. Мы захихикали, поняв, что ждет бедную женщину, пока она будет

разыскивать меня.

Рейс должен был прибыть в полдень, поэтому я приехала туда на полчаса раньше. Я понятия не имела о том, как выглядит свекровь Дебры, но я, конечно, знала, каким красавчиком был Тимоти. Мне просто надо было не упустить из виду очаровательную бабушку. Это и мой маленький цветок, полагала я, помогут мне решить проблему.

Самолет прибыл в двенадцать пятнадцать. Я стояла, улыбаясь, стараясь поймать взгляд всех, кто подходил на роль миловидной старушки. Толпы людей двигались мимо меня, но среди них не было ни одной женщины, походившей на ту, которую я рисовала в своем воображении.

По-видимому, я или пропустила ее, или она опоздала на самолет. Я немедленно позвонила Дебре, но ответила телефонистка. Это было не так, как у Овитцев, где всегда кто-то поднимал трубку. Дебра предпочитала конфиденциальность. Она распорядилась, чтобы служба секретарей-телефонисток принимала вместо нее звонки, и сама звонила им тогда, когда хотела получить сообщения. Я сказала телефонистке, что я няня Дебры и нахожусь в аэропорту. И попросила ее попытаться дозвониться до дома.

Она это сделала, что повергло меня в шок. Служба секретарей-телефонисток широко известной актрисы доверяет любому, кто звонит? Что, если бы я была репортером из «Стар»? Уловка, чтобы войти в контакт со знаменитостью, решила я, или узнать личный номер телефона с первой попытки.

Однако Дебра не отвечала. Потом мне пришло в голову, что я фактически никогда не слышала телефонных звонков в ее доме, кроме того раза, когда звонил Тимоти. Должно быть, у него был какой-то специальный номер.

О, великолепно, мне придется провести весь день в ожидании. Десять минут спустя я снова позвонила в службу телефонных секретарей. В этот раз оператор попросила меня оставить сообщение, и она посмотрит, сможет ли как-нибудь сегодня передать его Дебре. «Превосходно! «Как-нибудь сегодня» будет отлично для меня!»

— Передайте Дебре, что ее свекрови не было в самолете. Выясните, что случилось, если она позвонит, — крикнула я в трубку.

Оператор, слыша мой расстроенный голос, попыталась снова соединить меня. В этот раз Дебра подошла к телефону.

— Алло, Сьюзи. Где ты? — спросила она.

— Я в терминале внутренних линий. Ее не было в самолете.

— Странно, — сказала она.

— Погодите. Подождите секундочку. Возможно, вот она. Должно быть, прошла мимо меня и… — Я прикрыла трубку рукой и скосила глаза на женщину с большими карими глазами и легкой сединой в коричневых волосах, разговаривавшей по телефону рядом со мной.

— Назови ее по имени и посмотри, не обернется ли она, — предложила Дебра.

— Гм, — замялась я. — А как ее зовут? — Не верилось, что я забыла получить от нее такую важную информацию.

Дебра назвала ее имя.

— Мерилин. Мерилин! — позвала я как можно более громко, но так, чтобы это не походило на крик. Крупная женщина проигнорировала меня.

Я попробовала по-другому.

— Должно быть, это она. Эта женщина одета по последней моде, у нее чудесная кожа и серебристая седина в волосах, — доложила я.

Никакого ответа, только внезапный хриплый смех.

— Ох нет, Сьюзи, думаю, это не она. Продолжай искать. Перезвони мне через десять минут. А я тем временем позвоню ей домой и выясню, что случилось… Ты права, — сообщила наконец Дебра. — Ее муж сказал, что она опоздала на самолет, но она вылетела рейсом четыреста пятьдесят шесть. Он прибывает по расписанию в четыре. Ты не возражаешь подождать?

— О, угу, нет, гм, нет проблем, — отозвалась я тоном, в котором явно недоставало энтузиазма. — Когда она планировала поставить вас в известность об изменении планов?

Я была уязвлена и за себя саму, и за Дебру. Неужели Мерилин не понимала, что кто-то ждет ее? Что, если это были Дебра и Нолан? Возможно, она просто думала, что это должен был быть лимузин по заказу, но она должна была знать, что это вряд ли возможно.

Вопреки общепринятому мнению кинозвезды обычно не присылают лимузины, чтобы забрать кого-то из аэропорта. Большинство из них посылают прислугу в их собственных автомобилях в качестве шофера. Ну, пожалуй, за исключением Салли Филд, которая прислала лимузин, чтобы забрать Тэмми в аэропорту, когда та возвратилась из поездки домой. Почему в самое плохое время я всегда вспоминаю удачливую Тэмми? Я повторяла свое заклинание, которое начинала произносить каждый раз, когда бы я ни разговаривала с Тэмми: «Не завидуй! Не завидуй!»

Ошибиться с матерью Тимоти в четыре часа было невозможно. Она несла обтянутую ремнями черную сумку и, как

бы это сказать, выглядела так, будто большую часть жизни трудилась под открытым небом и никогда не пользовалась солнцезащитным кремом.

— Здравствуйте, миссис…

«О черт! Я не знаю ее фамилии». Дебра говорила, она была замужем несколько раз, поэтому я знаю, что она не Хаттон. Вместо фамилии я пробурчала что-то неразборчивое.

— Вы мама Тима, не так ли? Я няня Дебры, Сьюзи. Рада с вами познакомиться.

— Да, дорогая, — сказала она, глядя вниз и оставляя мою протянутую руку болтаться в воздухе. — Не могла бы ты понести мою сумку?

Я перевела взгляд и увидела чудовищных размеров красную кожаную сумку. И как только она впихнула ее в багажное отделение над головой? Я попыталась поднять ее. Боже мой, что в ней?

— Нам нужно сходить за остальным багажом, — сказала она, когда я поплелась за ней к эскалатору.

«Остальным? Как долго она планирует пробыть?»

— Хватай эту черную — это моя, — командовала она, указывая на проплывающий мимо багаж. — О, о, вон тот большой, полосатый чемодан, тоже мой.

— Ну вот. Думаю, это все, — сказала она, когда я стянула четвертый чемодан с ленточного конвейера. — Где ты припарковалась?

— Гм, может быть, мне стоит сходить за автомобилем и подъехать к терминалу? — задыхалась я, стараясь удержать багаж в вертикальном положении.

— Хорошо. Почему бы тебе не позвать того носильщика?

Носильщик вывез багаж из здания аэропорта и сгрузил его на обочине тротуара, где она элегантно уселась на вершину груды чемоданов, закурила сигарету и сделала глубокую затяжку.

К тому времени, когда я подкатила к дверям мою «селику», она курила уже вторую сигарету. О нет! Что же мне делать? Она собирается курить в моей машине? Она все еще пахнет как новенькая. И я ненавижу запах дыма так же сильно, как кусающих за лодыжки собак.

У меня большой прогресс за этот год. Боже мой, я ведь теперь стоила четыреста долларов в неделю «нетто». Однако я по-прежнему не могла заставить себя быть настойчивой в чем бы то ни было!

Мысленно ругая себя, я все же выдвинула пепельницу, когда она закурила третью сигарету. И немедленно опустила стекло своей двери. А она подняла свое. Моя тошнота усилилась. Я

наклонила голову к потоку свежего воздуха — обратная поездка в Малибу была мучительно длинной.

Как только мы вернулись и выгрузили ее багаж, я бросилась назад к автомобилю. Возможно, ущерб можно устранить. Я опустила второе окно, поставила один вентилятор на переднее сиденье, а другой — на заднее. Тряпкой вытерла пепельницу, оставила двери нараспашку, а вентиляторы включенными до самого вечера, пока не пришла пора отправляться спать. Наша гостья между тем была выдворена на улицу наслаждаться своей сорокалетней привычкой. Вскоре она появилась на подъездной дорожке и наблюдала за моими исступленными усилиями с легкой ухмылкой.

Спустя несколько дней Дебра объявила, что собирается с подругой пойти в кино — впервые после рождения Нолана. Это была единственная мамочка-кинозвезда, которая не оставляла своего сына с прислугой, удирая на киношную тусовку или рафтинг на плотах. Это первое разлучение она обставила как некую церемонию.

Для меня это тоже было важным делом. Да, огромной важности. Я была взволнована до крайности. Я кормила Нолана раньше пищей, которую можно есть руками, но никогда из бутылочки. Что мне делать, если я пролью шесть унций драгоценного грудного молока, которое она сцеживала и ставила в холодильник? В этом доме не было искусственного детского питания. Никоим образом не собиралась я прерывать первый выход Дебры, ни по какому поводу. Я начала понимать, почему молоко матери по-другому называют «жидкое золото».

Когда наконец я справилась с размораживанием бутылочки и принесла ее в целости и сохранности в гостиную, миссис Я-до-сих-пор-не-знаю-как-ее-фамилия сидела в большом кресле рядом с камином, баюкая Нолана и уставившись на меня. Почувствовала ли она мою тревогу? Оценивала ли меня? Осторожно поставила я бутылочку на стол подле кушетки. Потом пересекла комнату и молча протянула руки, чтобы взять Нолана. Она протянула его мне, как бы говоря: «А ты уверена, что справишься с этим?»

Однако Нолан улыбнулся мне. Откуда у меня это беспокойство? Просто нелепо! Я кормила младенцев тысячу раз. Когда я наконец сунула ему в рот бутылочку и он яростно начал сосать, я начала успокаиваться.

— Ты не думаешь, что следует переменить сторону? — сказала Мерилин несколько минут спустя, нарушив торжественное молчание.

— Что, простите?

— Так будет больше похоже на Дебру, а она меняет груди, —

предложила Мерилин.

Она заметила эту особенность. Я знала, что Дебра очень серьезно относилась к грудному вскармливанию, иногда она шутила со мной, что планирует отнять Нолана от груди, когда ему исполнится восемнадцать… лет, вот так.

Однако стоит ли рисковать? Вдруг я уроню бутылочку? Тем не менее я пошла на это. Слава Богу, он выпил все до дна. Мерилин просияла, Нолан, довольный, загулил, а я была на вершине счастья.

Дебра вернулась домой гораздо раньше, чем ожидалось, и не в духе. Какие-то подростки попали ей в волосы жвачкой с балкона кинотеатра. Она считала, что это ее карма дает ей знак, что ей не следовало покидать Нолана. Многие вещи были для нее кармическими. Мерилин, неожиданно оказавшаяся экспертом по удалению из волос жвачки, нашла ореховое масло и разделалась с этим знаком свыше. Мне было жаль, что большой выход Дебры был омрачен, но она, казалось, не переживала.

Она думала только о Нолане. Она была даже несколько потрясена, что ее сыну так хорошо.

19
Потерпевшая крушение в Беверли-Хиллз

Если вы плохо воспитываете своих детей, то, думаю, вряд ли вы преуспеваете в своих делах.

Жаклин Кеннеди Онассис

Одной из лучших черт Дебры была ее абсолютная естественность. Ее совершенно не волновали платья или гламурный внешний вид. Она не приукрашивала свою внешность и не скрывала черт характера: что вы видели, то и получали. Нолан значил для нее больше всего на свете, и у меня было такое чувство, что когда-нибудь я буду точно так же предана своим детям. И затем, ну, в общем, у нас были одинаковые проблемы с правилами дорожного движения. Однажды на калифорнийском хайвэе мы обогнали патрульного полицейского на мотоцикле, и Дебра сбросила газ, сказав, что ей придется затормозить, потому что если она получит еще один штраф за превышение скорости, то на время останется без водительской лицензии. Игнорирование правил на загородной трассе — это как раз в моем стиле.

То недостаточное внимание, которое она уделяла своему гардеробу, шокировало даже меня, королеву джинсово-маечных ансамблей. Иногда она ходила в пижамных штанах и какой-нибудь майке, снимая это и отфутболивая ногой, чтобы надеть тренировочный костюм, если надо куда-то выйти — жалкий школьный тренировочный костюм, а совсем не дизайнерский ансамбль для активного отдыха. Ее одеяние никогда не становилось более разнообразным. Она не любила ходить на красно-ковровые события или носить одежду от кутюр.

Однажды днем она попросила меня поехать с ней в Беверли-Хиллз, а когда я увидела ее наряд, то даже подумала о том, чтобы отказаться. Потом я подумала, что, должно быть, точно так же была изумлена семья Овитц в тот момент, когда я надела тот нелепый белый комбинезон. Короче говоря, Дебра напоминала цыганку. Ее юбка будоражила взгляд тремя ярусами: лиловым, красным и зеленым, с маленькими колокольчиками, обрамляющими низ подола. Цвет ее топа лучше всего описать как «флуоресцирующий мандарин». Ее это не заботило, зато меня —

очень. Я хотела послать вперед автомобиль-разведчик, чтобы спугнуть каких-нибудь фотографов из «Стар», как раз ожидающих случая сделать фото и поместить его на видном месте на странице «Плохая одежда на Хороших людях». Я не могла понять этого. Причина была не в том, что она не могла позволить себе великолепную одежду. Ее стиль был небрежным и свободным, этакая хиппи, и она, казалось, предпочитает вещи, которые выглядят безнадежно устаревшими. Может быть, это была какая-то экологическая одежда?

Мы бродили по Родео-драйв, шатаясь взад-вперед по бутикам Шанель, Армани, Джорджио и тому подобным. Дебра вглядывалась в витрину одного из надменных салонов одежды высокой моды, у которого, казалось, следует спросить разрешения, прежде чем войти. Продавщица отвернулась.

— Она понятия не имеет, кто я, — усмехнулась Дебра. — Она не собирается тратить на меня время.

Я покачала головой. Я никогда не ходила по магазинам с Джуди, но была уверена, что она не способна так усмехаться. Снисходительность Дебры просто потрясла меня.

Только раз во время нашего шопинг-дня мне пришлось одной следить за Ноланом, стоя на тротуаре с малышом и прогулочной коляской, в то время как Дебра помчалась в магазин.

— Ой, мэм, какой у вас очаровательный ребенок, — пропела она, выходя на улицу.

— О, благодарю вас, мэм! — подыграла я. — Многие уверяют, что он очень похож на актера Тимоти Хаттона.

Она присвистнула, и мы покатили дальше.

Иногда я забываю, насколько сильно все в доме Дебры отличается от общего стиля Голливуда. Когда я оглядываюсь вокруг, мне кажется, что большинство людей живут так, как Овитцы: торопливо и беспокойно. Дебра рассказала мне сегодня о своем приятеле-актере (она не назвала его имени), который был столь поглощен работой и стремлением стать звездой, что в какой-то момент вдруг вспомнил, что не видел собственного ребенка уже пять месяцев, не говоря уж о том, чтобы вместе с ним чем-нибудь заняться. Как же это возможно — забыть про собственного ребенка? Что это за разновидность родительской болезни Альцгеймера — особого, голливудского происхождения?

— Сьюзи, не хочешь ли ты присоединиться к Марку из «Метро-Голдвин-Майер» и ко мне? — спросила однажды днем Дебра. — Мы собираемся устроить слайд-шоу Дебры Уингер.

— Конечно. Что мы будем смотреть, ваши фотографии на

отдыхе?

— Нет. Это студийные фотоснимки, которые они мне передали. Вы можете помочь мне уничтожить худшие.

С такой задачей сталкиваются все актеры — исполнители ведущих ролей каждый раз при работе над очередным фильмом; как правило, в их контракте оговаривается, что они должны утвердить те фотографии, которые киностудия может использовать для постеров и рекламы. Как и многие другие актеры, Дебра не очень любила смотреть свои собственные фильмы или даже просматривать слайды. Ей всегда казалось, что она сделала работу не так хорошо, как могла бы. Я могла понять это.

— Давай, Марк, заводи шарманку.

Марк установил проектор в общей комнате, опустил жалюзи и начал прокручивать слайды.

— Ненавижу это. Я не в образе, — сказала она, посмотрев на самый первый снимок.

Я улыбнулась.

— О-о-о, только посмотрите на это, слишком толстая. Вон.

Боже, она выглядела как вешалка.

— Слишком утомленная. Только посмотрите на эти мешки под глазами.

Я прищурилась. Нет, я ничего не замечала.

— А-а… вот это попадание в десятку, — сказала она. — Как ты думаешь, Сьюзи?

— Ага. Мне нравится. — Я подумала, что здесь она похожа на куклу. — Ты выглядишь счастливой и полна энергии.

— Верно. Хорошо, Марк, оставь эту.

И так продолжалось, пока мы не просмотрели сотню слайдов и не наложили вето больше чем на половину из них. Я не видела особых различий в большинстве снимков, но все-таки это же были не мои фото. Если бы были мои, вероятно, я спалила бы их все. Я была столь же самокритичной, как и она.

— Знаешь, Сьюзи, эти фотографии напомнили мне Ричарда Гира.

— Почему?

— Когда я просматривала слайды для фильма «Офицер и джентльмен», то заметила, что очень многих не хватает, — сказала она. — Я выяснила, что, когда показывали Ричарду эти слайды, он выбрал те, которые понравились ему, и выбросил все мои хорошие снимки, прежде чем я получила возможность посмотреть их. Когда я проезжала по бульвару Сансет и увидела рекламные щиты, то рассмеялась, потому что для них были использованы снимки, где он выглядел великолепно, а я, конечно

же, выглядела кошмарно. Я никогда не ладила с Гиром, — задумчиво вздохнула она. — Он казался мне высокомерным. Любовные сцены были ужасно неудобными для нас.

Ее голос замер — она отошла в другой конец комнаты.

Когда наступило время вручения наград Академии, Дебра показала мне толстый, официального вида пакет с номинациями, пришедший по почте. Она отдала свой голос последнему фильму Тимоти, сказав, что, вероятно, она одна из очень немногих, кто поступил так же. И сообщила мне, что, когда она была номинирована за фильм «Язык нежности», Джек Николсон дал ей совет: «Если ты не голосуешь за себя (или, возможно, своего муженька), то как ты можешь ожидать, что за тебя будет голосовать еще кто-то?» «Это здорово, — подумала я. — Мне следует голосовать за себя как можно чаще».

Нолан был любознательным и любил все исследовать, и он с упоением рылся в ящике «Туппервare»[99], стучал по деревянным брусьям и рвал журналы. Дебра сказала, это прекрасно, что его имя начинается со слова «Но»[100], потому что ей не нравилось отказывать ему. Она хотела, чтобы у него была позитивная жизненная позиция. Поэтому она считала, что его имя оправдывает себя, поскольку, если мы случайно начнем поправлять его, нам придется говорить «Но-Но-Но-лан»[101].

Меня наняли главным образом для того, чтобы освободить Дебру в ночное время. Однако вскоре мы обнаружили, что, когда я пыталась ухаживать за ним ночью, он хотел только свою мамочку и никого больше. Мы сдались. Поэтому Дебра работала в ночную смену. И в дневную тоже. В тех редких случаях, когда я шла с Ноланом гулять, Дебра желала сопровождать нас. Большей частью я проводила свои дни, болтая на кухне с кухаркой, складывая крохотные вещи Нолана в шкафчик, а в основном пытаясь помочь Дебре по дому.

Однако я начинала ощущать себя лишним колесом в телеге.

Однажды днем мы втроем отправились в парк Малибу. Я посадила Нолана на качели и легонько качнула его. Он начал смеяться. Дебра тоже захихикала и залезла на одни из «взрослых» качелей. Она сбросила туфли и начала раскачиваться, помогая себе в воздухе ногами. Тут к нам подошел пожилой мужчина и сказал:

— Привет, Дебра.

Я подняла на него глаза. Джек Леммон! Одетый в шорты, рубашку для гольфа и туфли для тенниса. Хотя он постарел, я тотчас же узнала его, я смотрела «Странную парочку», один из любимых фильмов моего отца, около двадцати раз. Когда Дебра представила нас друг другу, я чуть не задохнулась от волнения,

прежде чем пожала ему руку и улыбнулась. Я думала, что уже больше не буду испытывать шок при встрече со знаменитостями, но оказалось — нет.

— Могу я угостить вас, купив для вас обеих фалафель? — спросил он.

Я была слишком смущена, чтобы сказать, что не знаю, что такое «фалафель», поэтому мы с Деброй в унисон ответили: «Да. Спасибо». Я просто надеялась и молилась, чем бы эта штука ни оказалась, лишь бы там не было грибов.

Пока я жевала свою порцию этой чудной стряпни, оказавшейся аравийским эквивалентом маисовой лепешки, я скользила взглядом по толпам мам и нянек. Парки были излюбленным местом, куда ходили некоторые мамочки, чтобы уводить чужих нянек. Можно было найти кого-то у карусели и избежать необходимости платить огромные комиссионные агентству по трудоустройству. А ведь там была уйма женщин, живущих в пятимиллионнодолларовых особняках, которые не смущались, направляясь на эту охоту. Я имею в виду тех, кто хотел сэкономить тысячу долларов на чем-то столь же незначительном, как поиски особы, которая будет проводить с вашим ребенком времени больше, чем вы сами.

Минуют годы, прежде чем папарацци начнут с некоторой регулярностью выглядывать из-за гимнастического снаряда «джунгли». Тем не менее настанет день, когда знаменитые медиаперсоны будут позировать вместе со своими обожаемыми отпрысками рядом с песочницей, поворачиваясь к объективам, как будто желая уверить публику, что они обыкновенные родители. Они тоже испачкали свой колени! Все остальные делают вид, что не замечают их, даже если мама — знаменитая блондинка Барби побережья Малибу, известная преданностью своим двум сыновьям от экс-супруга, печально знаменитого рокера. Фотографии всех троих, покупающих хлопья для завтрака или куриные грудки, почти неделю будут появляться в «Пипл», доказывая, что она просто среднестатистическая мамочка, если не принимать во внимание того, что на нее работают два секретаря, один бухгалтер, чтобы оплачивать ее счета, горничная, убирающая ее особняк на побережье, шеф-повар, готовящий ей обеды, тренер, поддерживающий ее в хорошей форме, чтобы она прекрасно смотрелась в просвечивающих маечках, и шофер-телохранитель.

Но пока все было не столь откровенно.

Вдруг я обнаружила знакомое лицо.

— О Боже. — Я наклонилась к Дебре и прошептала: — Это жена брата Майкла. Что мне делать?

— Просто веди себя так, как будто живешь для себя, — засмеялась она. Конечно, Дебра находила это забавным.

Женщина со своим сыном направились к качелям. Близко от нас. Я сдерживала волнение.

— Здравствуйте, Линда, — сказала я так небрежно, как только могла.

— О, гм, привет, Сьюзи, — неловко ответила она. — А ты что тут делаешь?

— О, я теперь работаю у Дебры, — показала я и улыбнулась. — Вы ведь знаете ее, не так ли?

Что еще я могла сказать — спросить, как сыграли «Лейкерс»? Я знала, она была наслышана о том, какой отвратительной я была. Что она расскажет своей невестке?

— Гм-м, конечно, — пробормотала Линда, кивнув Дебре, а затем ушла как можно быстрее. Она, вероятно, думала, как бы не подвернуть ногу, пока бежала к автомобилю, чтобы передать новость о том, что я работаю на главного бунтовщика с корабля КАА.

Когда я поделилась своими опасениями с Деброй, то могла предвосхитить ее ответ, даже еще не кончив говорить. Во второй раз за день мы сказали одновременно: «Ну и что?»

«Ну и что! Ну и что! Ну и что!» — новое заклинание. Насколько я понимала, Майкл и Джуди больше не имели возможности воздействовать на меня. Начиная с этого момента, я голосовала за себя саму.

Всего несколько недель назад мне страшно больно было слышать рассказы Делмы, что Брэндон без конца с надеждой заходит в мою старую спальню. Но наконец я решила, что готова к еще одной встрече.

— О, Сьюзи, это ты! — воскликнула Делма, когда я позвонила. — Ты, должно быть, слышала, что они тут о тебе говорят?

— Что же они говорят?

Откуда эта боль в желудке?

— Джуди и бабушка Овитц говорят о тебе очень плохо. Потому что ты работаешь у мисс Уингер, — прошептала она. — Я не могу передать тебе все эти ужасные вещи.

В общем-то мне это не так уж хотелось знать. Я могла себе это представить. «Она бросила нас в трудную минуту, чтобы работать на предателя!»

— Аманда заставила меня несколько раз позвонить твоей сестре, но там никто не отвечает.

Это понятно: все на работе, а Аманда может звонить только

днем, когда Майкла и Джуди нет дома. Мое сердце упало. С одной стороны, я была счастлива, что Аманда хотела поговорить со мной, но с другой — это означало, что она скучает по мне. Было больно сознавать, что я оказалась еще одной потерей в ее короткой жизни. Я дала Делме номер моего нового телефона, который я установила в своей спальне в доме Дебры.

— Делма, а как Джошуа? — спросила я, меняя тему.

— Ты же знаешь, Джош есть Джош. Он все такой же.

Ни Делма, ни Кармен не понимали, почему он такой трудный ребенок, и я делу не помогла. В некотором смысле я стала подтверждением его веры в то, что когда ты начинаешь кого-то любить, он тебя покидает. И теперь, когда мне было запрещено даже видеться с детьми, не было никакой возможности показать ему, что я до сих пор беспокоюсь о нем и что я вижу в нем больше, чем непослушного маленького мальчика. Насколько ему было известно, я никогда не любила его настолько, чтобы когда-либо позвонить или навестить.

Затем беседа перешла к более приятной теме.

— Ты хочешь увидеть Брэндона? — спросила Делма ни с того ни с сего.

— О Боже, конечно!

— Они как раз уехали в Аспен вчера вечером. Я могу незаметно уйти с ним и встретить тебя в парке. Кармен останется с Джошуа и Амандой, так что они не будут знать, — сказала она заговорщицким тоном.

Я даже представить себе не могла, что сделал бы Майкл, если бы когда-нибудь узнал, что Делма умыкнула его сына, чтобы тот повидался со мной.

— Он сам не свой, с тех пор как ты уехала, — продолжала Делма. — Он уже начал ходить, но по-прежнему очень грустит. Это пойдет ему на пользу, если он увидится с тобой.

— Не говори мне больше ничего, Делма, пожалуйста! — Я сумела справиться с собой. Я так по нему тосковала, что у меня перехватило горло, когда я пыталась сдержать слезы. Как бы сильно мне ни хотелось увидеть его, я не знала, смогу ли решиться на это. И не важно, как долго продлится встреча, мне все равно опять придется расстаться с ним. Я помолчала, переводя дыхание.

— Давай попробуем, — произнесла я.

Я встретилась с ними на следующий день после полудня в том парке, куда часто водила Брэндона. Я медленно качалась на качелях, ожидая и предвкушая. Потом я узнала автомобиль Делмы, остановившийся достаточно далеко от меня.

Я поняла, что она говорит Брэндону о том, что я здесь, по

тому, как она шептала ему на ухо и указывала на меня. Мой сладкий! Такой хорошенький. Такой невинный. Он поднял голову, вытянув шейку, озираясь вокруг, и наконец увидел меня. Я встала. Он затопал на своих неуверенных ножках через газон — прямо ко мне. Обхватил меня своими маленькими ручками и сжал их так сильно, как только мог, не произнося ни звука.

Мое сердце, казалось, вот-вот разорвется от боли и радости. Неужели это возможно — ощутить все эти чувства сразу столь сильно и в один момент? Я предвидела, что будет тяжело, но не подозревала насколько. Я долго сидела так, на корточках, обнимая его. Когда я медленно отстранилась, чтобы взглянуть на его радостное личико, мне пришлось быстренько вытереть глаза, чтобы четко видеть.

Мы с Делмой молча обнялись.

— Сьюзи, я не сказала тебе, что я теперь няня, — призналась она. — Когда ты ушла, Джуди спросила меня, не хочу ли я прекратить убирать дом и начать ухаживать за детьми. Я не упустила такой возможности. Я знала, ты была бы рада. Плюс к тому теперь я могу носить обычную одежду! — воскликнула она. — Думаю, ей это не понравилось, но я сказала, что другие няни не носят никакой униформы.

— О, Делма! — Я крепко обняла ее. — Как хорошо — я рада за нас обеих!

Я была признательна Делме за то, что она принесла мне кое-какую мою корреспонденцию. Она умоляла Джуди прекратить отсылать назад мою почту, сказав, что может передать ее мне. Но, очевидно, Джуди такая идея не понравилась. Она помечала все — счета, справки — словами «Вернуть отправителю».

Я водрузила Брэндона на качели, а мы с Делмой продолжали болтать. Узнав, что его няней стала та, кому он доверял и кого любил, я почувствовала себя намного лучше. Ему не придется привыкать еще к одному человеку, который войдет в его жизнь, а затем покинет его. И даже несмотря на то, что Джошуа всегда неприязненно относился к Делме, даже еще хуже, чем ко мне, я все равно была рада, что в его жизни тоже не появится новый человек, от которого, он почувствует, ему снова придется отгораживаться. Это был наилучший выход из положения для всех троих детей. Возможно, мне не нужно больше чувствовать себя виноватой.

Однако улучшило ли это мое самочувствие?

Сцена в парке действительно вывела меня из равновесия. Я по-прежнему ощущала огромную пустоту в сердце. Я чувствовала, что сдерживаю себя с Ноланом, потому что не хотела проходить еще раз через опустошающее, разрывающее душу расставание.

Возможно, мне стоит серьезно задуматься над тем, чтобы вернуться домой.

Мы с Делмой условились о еще нескольких тайных встречах, но я чувствовала, что воспоминания Брэндона обо мне ускользают. Я была счастлива, что он привязался к Делме. Для меня лучше всего будет исчезнуть. Я вспомнила о той женщине в агентстве по трудоустройству, которая говорила мне, что некоторые голливудские мамочки так панически боятся того, что их дети привязываются к своим няням больше, чем к ним, что меняют их каждый год, независимо от того, как хорошо они работают и насколько сильно их любят дети. Неужели можно быть такими жестокими?

Чувство, что я — пятое колесо в телеге, усиливалось, и в конце концов я уже не могла игнорировать тот факт, что Дебра во мне вообще не нуждается. А согласившись с этим, я стала чувствовать себя по-настоящему виновной в незаслуженно высокой зарплате, которую выторговала. И только я решилась поговорить об этом, как Дебра сама подошла ко мне и сказала, что поняла, что ей не нужна помощь по уходу за Ноланом, особенно в течение всего дня. Она сказала, что она просто не тот тип мам, которые легко передоверяют это право другим, которым еще за это и платят. С облегчением я призналась, как ужасно я себя чувствовала, получая так много денег за столь ничтожную работу. Дебра сказала, чтобы я не беспокоилась из-за этого, но сказала, что лучше будет, если она отправится навестить Тима в Батон-Руж с горничной, которую можно использовать и в качестве дублера беби-ситтера, если потребуется. Никакой свиты из тренеров, визажистов, экстрасенсов, поваров, массажисток, стилистов у этой кинозвездной мамы не было.

— Ты мне понравилась сразу, как только я тебя увидела, Сьюзи, — сказала Дебра. — Это сильная карма — жить рядом с еще одним отвергнутым. Не волнуйся, я буду рада дать тебе хорошие рекомендации. В самом деле, почему бы тебе не остаться здесь, пока я буду гостить у Тима в Луизиане? Ты можешь использовать это время, чтобы найти новую работу.

Так я и сделала, блаженствуя целых две недели в тишине этого дома.

Я отметилась у Тэмми, вероятно, самой счастливой из женщин, когда-либо носивших титул няни. Каждый раз без исключения, когда бы мы ни разговаривали, она говорила мне, как это здорово работать для Салли и Алана. Во время нашего последнего разговора она была сильно взволнована тем, что ее имя скоро появится в журнале «Космополитен», в статье о Салли.

Как бы я ни завидовала ей, мне нравилось ее приподнятое настроение.

— Привет, Тэмми, что у тебя новенького? Давай, поделись со мной твоей последней сказкой про нянькино счастье, — шутила я. — Я поверю. — Тем не менее я собралась с силами.

— Я летала на «конкорде», — сказала она радостно. — Я привезу тебе фотографии.

— Фотографии чего?

— Я отсняла целую пленку внутреннего убранства самолета! Каждый раз, когда Салли и Алан поворачивались ко мне спиной, я фотографировала. Я хотела послать несколько штук своей маме, показать, как это все выглядит. Я даже сфотографировала закуски. Я никогда еще не видела сливочное масло в форме лебедя!

— Глупая девочка, не сходи с ума. На Гавайях я сделала фотографию карты обслуживания номеров и еды, которую доставили ко мне в номер. Я ощущала себя рыцарем Круглого стола — так много там было серебряных блюд. Даже моя пицца была накрыта одной из тех огромных крышек, какие обычно показывают в кино, и при этом были матерчатые салфетки.

Мы обе засмеялись.

— Да, я помню наши фантазии о воображаемых обедах, когда мы имели обыкновение болтаться в старой пиццерии «Пиноккио» в городе после футбольных матчей, — сказала Тэмми. — Я скучаю по тому времени.

— А я на самом деле скучаю по пицце, — сказала я мечтательно.

— Упс. Пора идти, — резко оборвала Тэмми. — Мы с Салли отправляемся по магазинам.

— Здорово! Желаю хорошо провести время! — ответила я с преувеличенной бодростью.

В любом случае пора было заканчивать разговор. Как бы трудно ни было признаться, но ее случай раздражающе действовал мне на нервы. Если бы я услышала еще что-нибудь о замечательной жизни Тэмми, мне бы пришлось одолжить одну из пустышек Нолана, чтобы успокоиться.

К тому времени, когда Дебра с Ноланом уже летели назад в Лос-Анджелес, я все еще так и не решила, каким будет следующий эпизод в моей голливудской карьере. Я даже не была уверена, хочу ли еще раз выступить в роли няни. Однако мне нужно было куда-то уходить, поэтому я снова вернулась к своей сестре в брентвудскую коробку. Впятером, а иногда и вшестером, мы втискивали себя и наши пожитки в это крошечное пространство размером пятьсот квадратных футов. Там даже не

было каморки, достаточно большой, чтобы я могла поместиться, поэтому я просто пользовалась спальным мешком.

Я была расстроена и одинока и подсознательно стремилась к Райану. Мы частенько разговаривали с тех пор, как «вернулись друг к другу», и я подумала, что наступило время встречи. Он был более чем счастлив приехать ко мне. Ему досталась кушетка.

Почему мне не хочется оставаться в Лос-Анджелесе и снова искать место няни? Я больше не хочу привязываться к детям. Хватит с меня Аманды, Джоша и Брэндона. Но мне нужна какая-то работа; нужны деньги, чтобы выплачивать рассрочку за автомобиль. Почему я не сдавала тесты SATs[102]*, когда у меня была такая возможность?*

20
На съемочной площадке

Процент работающих матерей очень высок, и они проводят со своими детьми всего две недели в году. У них нет прислуги. Я не знаю, как они со всем справляются. Поэтому я, конечно, не имею права жаловаться.

Деми Мур

Устав чувствовать себя сардиной в банке, я начала искать работу. Обновив резюме, я указала в нем только работу у Дебры, хотя я не могла не осуждать себя в душе. Но что, если Майкл по-прежнему не хочет давать мне хорошую рекомендацию? Мало кто в этом городе будет слушать Дебру, а не Майкла.

Я позвонила местному координатору в «Мамочки Малибу», но все вакансии, которые они могли мне предложить, были далеко от Синди. А я хотела быть поближе к ней, на случай если выдастся свободный вечерок. Я нашла еще одно агентство и старалась поддерживать в себе хорошее настроение. Райан от нечего делать поехал со мной.

Агентство называлось именем его основательницы — «Беатрис Дарт». Женщина, которая приветствовала меня, вероятно, и была ею — впервые эти оригинальные двери открылись в далеких шестидесятых. Запах в комнате был затхлый. Женщина — старой. Я представилась и присела, пододвинув к ней свое резюме. Она нацепила старушечьи очки и принялась его изучать.

— Хм, — пробормотала она через пару секунд. — Думаю, у меня есть кое-кто для вас прямо сейчас. Сядьте туда. — Она ткнула сухим пальцем в зону ожидания, даже не взглянув на меня. И погрузила нос в картотеку. Порывшись в ней, она стала набирать номер, вертя диск черного телефонного аппарата, который, вероятно, был установлен в день открытия конторы. — Здравствуйте. Говорит Беатрис из «Беатрис Дарт», — произнесла она.

Молчание.

— Думаю, у меня есть кое-кто для вас… Да, гм… сейчас проверю.

Она встала, критически оглядела меня и вернулась к телефону.

— Да, симпатичная. Что? О, не могли бы вы подождать секундочку? — Это она мне, прикрыв рукой микрофон.

Что она еще собирается им сказать? «Вообще-то если вдуматься, она не потрясающе красива, поэтому ваш муж наверняка не станет заигрывать с ней, как было с той последней девушкой, которую я вам присылала».

— Дорогая, вы можете прямо сейчас поехать на студию «Парамаунт»?

— Гм, ну… да, — запинаясь, ответила я. — Полагаю, да. Это далеко?

Она не ответила.

— Хорошо, тогда прямо сейчас. — Она положила трубку.

Я получила от нее листок с адресом: «Эр»… «пэ»… «Набор стульев»? Почерк старушки Беатрис напоминал каракули врача на рецепте. Совершенно неразборчиво. Меня берут няней или доставщиком мебели? Может быть, у Беатрис не хватило времени, чтобы прочитать мое резюме? Она выглядела почти на восемьдесят. Может быть, она хочет устроить меня на место домоправительницы?

— Миссис Дарт, — осмелилась я. — Я не могу разобрать, что вы написали. Это… набор стульев?

— Нет, дорогая! — Она засмеялась и закашляла. — Это сериал «Чирз». Знаешь, это телевизионное шоу.

«Чирз»? О, «Чирз»!

— Вы будете разговаривать с Реа Перлман, моя дорогая. Не волнуйтесь. Студия недалеко. Я подскажу, как вам добраться.

О-о-ох! Я никогда не была на съемочной площадке или в студии. (Ну, за исключением того раза, когда Синди и я получили билеты на Долли Партон и сидели потом в зеленой комнате вместе с семьей Патти Ла Белле.) Наверное, все это пустая трата времени. Беатрис даже не проверила мои рекомендации, а тот, с кем она разговаривала, очевидно, не поинтересовался. Но стоит мне упомянуть о моей маленькой проблеме — и второго собеседования, я знала это наверняка, не будет. Надежда лишь на голливудское волшебство. Ведь я же не перестала в него верить?!

Вдруг я вспомнила о Райане, сидевшем в моей машине. Кто же знал, что Беатрис сразу отправит меня на собеседование? Выхода нет. На съемочную площадку я поехала с Райаном. Честно говоря, он из тех парней, которые в привычной обстановке выглядят намного лучше. Не упоминала ли я, что он из четвертого поколения лесорубов? Его грубоватая красота и небрежный стиль были родом из маленького

лесозаготовительного городка. Он искренне верил, что выражение «ain't»[103] — это новое современное слово, поскольку он слышал его в любимом шоу «Придурки из Хазарда»[104]. (Он гордился своим сходством с Бо Дьюком.) Это — и многое другое — выводило меня из себя; я то и дело одергивала его, поправляла. Почему бы мне просто не оставить бедного парня в покое, пусть живет своей собственной жизнью, и не надо пытаться убедить его, что вступление в Международную федерацию реслинга — это нереально, зачем я это делаю, сама не понимала.

Весь гардероб Райана состоял из футболок, выцветших джинсов «Левис», теннисных туфель и нескольких бейсболок разных цветов. Временами он дополнял этот ансамбль пуловером, оживлявшим рубашку «хикори»[105] (если не знаете, что это такое, то и не спрашивайте). Но его отличительным признаком был протертый круг на заднем левом кармане джинсов: «Копенгагенский жевательный табак». Он так долго носил там нюхательный табак, что даже когда баночка переместилась в его левый нагрудный карман рубашки, пятно осталось.

Я поспешила к автомобилю, но совершила ошибку, сообщив Райану, что мне надо на собеседование. Следовало бы просто отвезти его назад на квартиру.

— Черт, нет, я хочу с тобой! — заартачился он. — Я этого ни за что на свете не пропущу! Я же в Голливуде! Должен же я посмотреть на каких-нибудь кинозвезд.

Верно. Я не могла ему отказать, и он остался в машине. Когда мы заехали на парковочную площадку, миновав большие кованые ворота с роскошной надписью «Студия «Парамаунт» на самом верху, он начал вертеться, как ребенок, впервые попавший в «Уолли Уорлд».

— Не двигайся! — приказала я, погрозив ему пальцем, как будто он был несчастной собакой. — Сиди тут, я быстро.

— А с кем ты встречаешься? — спросил он, не шевелясь.

— С кем-то из «Чирз». А теперь пообещай мне, что ты не выйдешь из автомобиля.

— О мой Бог! — Он прикрыл рот рукой. — Ты увидишь Сэма Мэлоуна? Я тоже хочу!

— Нет! — взъерепенилась я. — Если ты куда-нибудь слиняешь отсюда, я больше никогда не буду с тобой разговаривать. Сиди здесь и смотри в окно. Рано или поздно кто-нибудь обязательно пройдет мимо.

Я поправила волосы, одернула и разгладила юбку и принялась искать съемочную площадку «Чирз». Я долго бродила вокруг и видела служащих, проносящихся мимо со свистом в машинах для гольфа. Все съемочные площадки были помечены

номерами десяти футов высотой на боковых стенках павильонов, так, чтобы легко было отыскать нужную.

Войдя в огромный павильон звукозаписи, я сразу ощутила энергию этого места. Сновали люди, в страшной спешке делая сразу несколько дел: что-то показывая, объясняя, переодеваясь. Как раз перед тем как войти в дверь, на которой было написано «ТИХО! ИДЕТ ЗАПИСЬ! «ЧИРЗ»», я бросила взгляд через плечо и увидела Майкла Джей Фокса. Алекс П. Китон! Когда-то я не на шутку была увлечена им. А прямо напротив меня на сцене, похожей на пещеру, была декорация знакомого бара.

Я очень не хотела признаваться себе, что особенно не была поклонницей «Чирз», хотя исполнители главных ролей мне были знакомы. Я знала, что Реа играет официантку. Я спросила кого-то, кто выглядел не так официально, где я могу найти миссис Перлман. Мне указали на трибуну для зрителей, которую, как я узнала, занимала публика во время записи шоу. В тот день Тед Денсон, Келси Грэммер и другие сидели в разных ее местах и репетировали. Я посмотрела на самый верхний ряд, там, в полном одиночестве, очевидно, повторяя текст сценария, сидела Реа. Я поднялась и представилась, она мило улыбнулась, окинув меня быстрым взглядом с головы до ног. И сказала, что у них с мужем две дочки, трех и шести лет, и у девочек уже есть няня. Им нужен кто-то для ухода за их младенцем шести месяцев. Хочу ли я познакомиться с ее мужем? Я кивнула.

Реа мне сразу же понравилась. У нее были те же качества, которые меня так восхищали в Дебре: отсутствие снобизма и простота в общении. Я сразу поняла, что мы сработаемся. Могла ли молния дважды попасть в одно место? Она повела меня куда-то за кулисы. Идя следом за ней, я вспомнила, что мне придется рассказать ей — и ее мужу — о моей работе у Майкла. Дебра даст мне хорошую рекомендацию. Но Майкл… Его отзыв будет моим крахом…

Реа привела меня в скромную комнатку с какими-то искореженными кушетками и стульями. Великий Боже! Ее мужем был Дени Де Вито! Было бы хорошо, если бы мисс Дряхлая Беатрис меньше беспокоилась о моих победах на конкурсе красоты и больше внимания уделяла тому, чтобы проинформировать меня, за кем замужем «Эр Пэ»! Уверена, что вид у меня был глуповатый. Но я постаралась быстро взять себя в руки — этому я хорошо научилась у Овитцев!

Я сразу же поняла, что мистер Де Вито такой же милый и добрый в жизни, каким он кажется на экране. Он всегда мне нравился, даже когда играл негодяев. Каким-то образом было видно, что под этой оболочкой внутри он все равно хороший,

мягкий, спокойный. Я подала руку, назвала свое имя и приступила к главному.

— Мистер Де Вито, я должна сообщить вам о Майкле Овитце, — сказала я прежде, чем он успел убрать свою руку.

— Майкл? А что с Майклом? — спросил он улыбаясь. — Он наш агент.

О… великолепно. Наихудший сценарий. Пожалуй, я могу идти. «И не стоило отнимать у нас время!»

— Гм, он очень расстроен из-за меня, — выпалила я, уже жалея о сказанном.

— Почему? Вы были уволены?

Я помолчала.

— Ну, фактически я ушла сама. Я сказала ему о своем уходе за месяц, но он не захотел принять мою отставку. Когда он попросил меня остаться и дальше, я отказалась, и он был очень недоволен этим.

Мистер Де Вито улыбнулся, а затем рассмеялся.

— О, понимаю. Майкл не любит тех, кто говорит ему «нет». — Он предостерегающе погрозил мне пальцем. — Но меня не волнует Майкл, и вас тоже не должен. Мы все решим самостоятельно.

«Что? Неужели ему все равно, что думает Майкл Овитц?»

— Мы скоро закончим. Вы могли бы немного подождать и потом посмотреть наш дом? — продолжал он как ни в чем не бывало.

Все еще в шоке от отсутствия у него интереса к тому, что скажет Майкл, я не стала продолжать говорить что-то еще. Но разве ему не нужно посмотреть мои рекомендации?

— Конечно, я с удовольствием взгляну на ваш дом, — сказала я.

Тут вспомнила, что в моей машине сидит Пол Баньян[106].

— О, совсем забыла. Со мной бойфренд, он сидит в моей машине. Можно мне приехать завтра?

— Мы думаем, он не помешает, — сказал Де Вито, улыбаясь и одной рукой обнимая жену. — Мы были бы рады с ним познакомиться.

Конечно. Однако я не хотела делать их свидетелями того, как здорово я разбираюсь в мужчинах. О Боже! Что мне делать? Один взгляд на Райана — и Дени подумает, что я только что свалилась с телеги, груженной репой.

Мой мозг в смятении искал выход, пока я стремглав неслась обратно к моей «селике». Чудеса! Райан оставался в машине. О, это было еще хуже, чем я думала. Я забыла, что на нем майка без рукавов — на размер меньше, естественно, и с логотипом

«Чикагских медведей»[107] на груди.

— Быстрее! — крикнула я, плюхаясь на водительское сиденье. — Оторви эту дурацкую копенгагенскую наклейку со своего кармана! Прямо сейчас! Я не хочу, чтобы мы выглядели парочкой неотесанных деревенщин!

— Сьюзи, ты ни за что не догадаешься, кого я видел! Роберта Блэйка! Можешь поверить? — воскликнул он.

Я вздохнула.

— У тебя, случайно, нет рубашки с воротником, которую ты мог бы сейчас надеть? — спросила я, заранее зная ответ.

Мы ехали за стареньким «БМВ» Дени и Реа до их дома на вершине Голливудских холмов. Как-то мне удалось убедить Райана и на этот раз остаться в машине, и я помчалась в дом.

Я познакомилась с шестилетней Одри и трехлетней Лекси, а потом Реа показала мне Макса. Я буду делить с ним комнату, спать на второй кровати рядом с малышом. Она извинилась за такое размещение, объяснив, что вскоре из Нью-Джерси должны приехать мать и сестра Дени с продолжительным визитом, и им будет необходима спальня для гостей. Мы мило побеседовали, и я оставила им свое резюме, поблагодарив за то, что уделили мне время. Они сказали, что позвонят мне этим же вечером и сообщат свое решение.

Свое слово они сдержали. Дени позвонил, чтобы сказать, что они будут рады видеть меня у себя, и спросил, могу ли я приступить к работе прямо с завтрашнего утра.

Когда я прибыла в семь часов утра, большинство членов семьи спали. Дени впустил меня в дом, и я стояла на лестничной площадке из синевато-серого камня, пока он заканчивал беседовать по телефону. Вскоре я поняла, что он разговаривает с Деброй. Значит, они все-таки прочитали мое резюме! Он говорил с ней так, будто они старые друзья. Это обнадеживало. Кажется, Дени болтал о своем последнем фильме, а она сообщала ему новости о Тимоти. Дени поднял на меня глаза и торжествующе улыбнулся. Кажется, в этой семье, как и у Дебры, ко мне будут относиться как к живому человеку, а не только как к рабочему механизму.

Я стояла в нерешительности, не зная, следует ли мне присесть, или стоять, пока он не закончит разговор, или энергично приняться за уборку кухни. Знакомое чувство неловкости! Я поняла, что это — проблема для моей карьеры. Мне всегда трудно понять свое место и чего от меня ждут. Неловкость в отношениях с работодателем сохранялась всегда. Но почему я снова о проблемах? Я здесь, чтобы работать для прекрасной, как на картинке, семьи, которая нуждается во мне и

кажется мне нормальной и которая, возможно, по достоинству оценит мои усилия. Однако пока я стояла там, я не почувствовала никакой особой радости.

Этот день я провела, распаковывая вещи и осваиваясь в доме, но мое сердце (и голова) оставались где-то в другом месте. В мой первый вечер там я сделала краткую запись. Мысли, которые я подслушала в себе.

Я злюсь на саму себя! Ну почему я подвергаю сомнению свою удачу?! Ведь это как раз то место, которое я искала! Однако почему-то это таким уже не воспринимается. Я знаю, что должна голосовать за саму себя и тому подобное. Но думаю о том, чтобы стать медсестрой-акушеркой. Не могу же я вечно жить в нянях! Я начала строить планы относительно колледжа, но между тем я здесь у двух добрых людей, которые хотят, чтобы я помогла им ухаживать за младенцем…

Реа и я пришли к соглашению, что у нас будет испытательный срок в течение нескольких недель. Думаю, она оставляет себе лазейку на тот случай, если я ей не понравлюсь. Когда испытательный срок закончится, мы подпишем контракт. На этот раз я обсудила все, что касается денег и рабочего времени.

Дени и Реа, казалось, постигли всю мудрость жизни. Они были на виду, вели напряженную жизнь, работая и растя детей, но каким-то образом им удавалось все это совмещать. Они до безумия любили своих детей и друг друга, и их не волновала внешняя сторона жизни. Их дом на холмах был довольно скромным. Никаких длинных подъездных аллей с коваными воротами при входе; вы просто припарковывались на улице и, пройдя через калитку, прямо с тротуара попадали во внутренний двор. Даже просто пребывание рядом с ними улучшало мое настроение. Легко было заметить, что они действительно заботились о своей прислуге, которая помогала им вести непростое домашнее хозяйство. Им ничего не стоило сесть в машину и довезти до дома свою горничную, а их бывшие слуги постоянно заходили, чтобы их проведать.

Лайза, няня, которая присматривала за шестилетней Одри и трехлетней Лекси, работала у них уже три года. Она жила в собственной отдельной пристройке. Лайза любила «грязные зрелища», что казалось странным, учитывая пуританское поведение Дени и Реа. Она была почти шести футов роста и худа, как жердь, с крашеными черными волосами, кольцом в пупке, эпатирующей черной губной помадой и соответствующим лаком на пальцах ног. Одна ее бровь была с пирсингом. Английская

булавка над глазом! Я задалась вопросом, а не подхватит ли она столбняк. Я не могла себе вообразить, что буду болтать с ней, как с Кармен и Делмой. Но с другой стороны, я не нуждалась здесь в такой поддержке, какая была необходима мне там.

Несмотря на то что я жила в одной комнате с малышом, ванная у меня была отдельная. Макс тут же привязался ко мне. Он очень сильно напоминал Дени в миниатюре, за исключением того, что волосы у него были немного светлее и стояли ежиком на его совершенно круглой головке. Он много смеялся и редко капризничал. Был он очень милым, но я в него не влюбилась. Дело не в том, насколько сильно он мне нравился или нет, а в том, что мне надо было защищать себя. Я не смогла бы заставить себя еще раз пройти через душераздирающее расставание.

Теперь я наконец поняла на себе, почему Джошуа не подпускал к себе близко новых людей.

Каждый день мы отправлялись на студию «Парамаунт» — я, Реа и Макс, — я занималась Максом, следя при этом за ходом репетиций. (Дома, наверное, у нас было бы больше места для игр, но Реа использовала любую возможность побыть с ребенком во время перерывов.) Актеры сидели за длинным столом — репетировалась сцена в баре. Их одежда удивила меня. Большинство выглядело так, будто они только что из постели. Когда мы вошли и Реа представила меня, все в один голос откликнулись: «Привет, новая няня Сьюзи!»

— Вы из агентства «Беби Баддис»? — спросил Тед Дэн-сон. — Мы всегда обращаемся к ним.

Очевидно, они действительно часто пользовались услугами агентства. От Пегги, экономки де Вито, я узнала, что жена Теда, Кейси, пригласила к себе одну из бывших нянь Реа. Кейси, которая, по словам Пегги, была несколько странноватой, в один прекрасный день попросту вышвырнула эту девушку вон, без каких-либо объяснений. Поскольку у той не было ни денег, ни семьи поблизости, ей пришлось обратиться к Реа за помощью. Та любезно приняла ее. Кейси несколько раз звонила им, чтобы вывалить Реа кучу всяких сплетен, но Реа оборвала ее: «Не хочу ничего слышать! До тех пор, пока она не найдет другую работу, будет жить у меня».

Так я узнала, что Реа искренне заботится о других независимо от их социального положения.

Она показала мне свою артистическую уборную. Ничего сверхъестественного. Обычная лестница, как в каком-нибудь универмаге (с такими же непосредственными граффити, какие можно увидеть в туалетах на какой-нибудь стоянке грузовиков. Я скосила глаза и, когда меня никто не видел, прочитала: «Хочешь

хорошо провести время, звони Шелли Лонг по номеру…»). Обычная гримерная. Просто маленькая комнатка в ряду таких же. Мы с Максом там и расположились.

Я все находила восхитительным. Четыре дня в неделю сценаристы и исполнители встречались около десяти часов утра. Реа говорила, это была настоящая проблема, собраться всем вместе в одно время, включая ее. Режиссер пытался сделать все возможное, чтобы заставить всех быть пунктуальными. Они даже прошли через период, когда у опоздавших вычитали деньги на благотворительность за каждую минуту опоздания. Однако это ничего не меняло. Один задержался, другой пошел его искать — и так далее без конца, изо дня в день.

Но случалось, что собирались все, и тогда начинались шутки и розыгрыши — так что часть их режиссер тут же вводил в текст почти без изменений. Все это было чистой импровизацией, все получали от нее удовольствие. По пятницам проходили полные репетиции, являлся весь состав. Запись происходила в тот же вечер в присутствии публики. Во время прогона Макс и я сидели одни на местах для зрителей, и я чувствовала себя так, будто подглядываю за семьей, которая живет в необычном кукольном доме. Вся съемочная площадка была уставлена камерами, и ни одна из комнат не имела всех четырех стен и, естественно, потолков. Парни, как будто вышедшие из команды соревнующихся за звание «Мистер Вселенная», катали эти камеры и операторов на некоем подобии платформ на колесах.

Я быстро поняла, что все очень ценят время актеров и к съемкам приступают практически в самую последнюю минуту. Для установки света и ракурсов использовались дублеры. Каждый из них носил карточку с надписью «Вуди», «Кристи» и т. д. Они отзывались на имена актеров, замещали их, иногда они, бедные, стояли по часу в какой-нибудь точке сцены, пока операторы определяли нужный ракурс и свет. Как только режиссер находил все приемлемым, приглашались актеры, и им объясняли линии передвижения в кадре. Всякий раз, когда я чувствовала, что другие скептически смотрят на мою работу, я вспоминала этих дублеров.

Около ста человек — все полные энтузиазма — принимали участие в финальных съемках по пятницам вечером. Актеры, как всегда, нервничали. Когда включались камеры, режиссер вставал справа и смотрел в монитор. После каждой сцены он обменивался репликами с актерами и сценаристами. Иногда все переснимали заново. Ассистентам режиссера приходилось перетаскивать с места на место реквизит (нет, пиво не настоящее) и даже стены. Когда паузы затягивались, появлялся ассистент-комик, парень,

который «разогревал» аудиторию перед съемкой — шутил, показывал фокусы, угощал шоколадом.

Однажды утром к нам присоединилась Кристи. Реа решила подкинуть ее до работы в своем фургоне, поскольку та проспала. У них с Реа были простые и дружеские отношения, что не исключало деловых. Сидя рядом с ней, я заметила, что она давно уже не красилась, это выдавали корни ее волос. Я удивилась, как приятно мне было, что известная актриса, звезда, сидит рядом со мной, причем выглядит как обычный человек, с недостатками и вообще. К тому же она была веселой. Она со смехом рассказала, что накануне ей позвонил отец и пожаловался, что ее старую студенческую фотографию опубликовал один бульварный журнал. Где этот журнал раздобыл ее? Почему его никто не проинформировал? Он мог бы ее продать им! А так он лишился этой возможности. Но тем не менее решил перерыть старые семейные альбомы в поисках снимков, на которых можно неплохо подзаработать. Да она и сама была натурой эксцентричной. Как-то настояла, чтобы Реа привезла к ней в Вэлли дочек, чтобы те посмотрели на ее животных. Девочки слушали, раскрыв глаза, истории про ее обезьян и хорьков.

У Дени и Реа было много таких друзей — нормальных и непретенциозных. Я начала понимать, что хорошие люди держатся вместе в Голливуде. Супруги Де Вито всегда принимали участие в судьбах своих друзей-актеров, помогали им получать роли и даже давали взаймы денег. Они доверяли людям.

Моя жизнь в семье Де Вито была совершенно отличной от жизни у моих первых хозяев. Прежде всего новое место работы было счастливым домом. Могу сказать, что Дени и Реа по-настоящему любили друг друга, я видела, они постоянно заигрывали друг с другом. Однажды, когда мы ехали на съемку, в машине зазвонил телефон Реа, и она нажала кнопку громкой связи.

— Алло.

— Привет, сладенькая, — услышала я голос Дени.

— Привет, Дэн. Что случилось?

— Ты едешь на съемочную площадку?

— Да, дорогой. А что?

— Ничего. Просто я сейчас за рулем старины «понтиака». Дружище, это такая классная вещь! И вот я сижу здесь и думаю, как бы мне хотелось попрыгать на тебе на большом заднем сиденье этой старушки. Знаешь, что я хочу сделать? — Он издал смешок.

— Дени, ты говоришь по громкой связи, и Сьюзи сидит рядом, дорогой.

Молчание.

— О, извини, Сьюзи. — Он весело хохотнул. Линия отключилась.

Реа засмеялась и объяснила, что он едет на ее машине, самой первой в ее жизни, которую она купила еще в юности. Это было типично; они видели забавное и ностальгическое и ценили это в таких, например, вещах, как первая машина. Я стала думать, что мне следовало бы сохранить свою первую машину, «мустанг» шестьдесят шестого года выпуска, тот самый, который мои все понимающие родители разрешили мне покрасить в ярко-розовый цвет.

Лайза и я были единственной постоянно живущей в доме прислугой; большинство обслуживающего семью де Вито персонала отправлялись вечером по домам. Горничная приходила пять дней в неделю, так же как и экономка. В будние дни горничная (у нее не было своей семьи) изо всех сил старалась справиться с беспокойным домашним хозяйством. Не всегда ей это удавалось, однако Реа не слишком беспокоилась из-за оставшейся кое-где пыли или из-за того, что пол на кухне требует, чтобы его хорошенько помыли. Повариха появлялась на несколько часов в день, готовила и сервировала ужин. Она была из Орегона, и я любила поговорить с ней о Коттедж-Грув. Мы много смеялись, но обе понимали, как мы скучаем по бесконечным дождям нашего родного штата. Среди персонала был также один парень, помощник Дени. Около двадцати пяти лет, и такой забавный! Болтовня его заставляла меня скрючиваться пополам и хохотать часами. Однажды он рассказывал, как пытался стать донором спермы — у него не хватало денег, чтобы заплатить за колледж. Он уже предвкушал радость, но клиника проинформировала его, что ни один из его «головастиков» не проявляет активности, поэтому он не может быть донором. В течение минуты стояла неловкая тишина.

— О Господи, — все, что я смогла произнести.

Потом я начала истерически смеяться. Он не имел ничего против. Пегги, экономка, в основном помогала Реа. Она занималась всем, что требовал дом, — относила в химчистку вещи, покупала продукты. С детьми помогали все, то делая для них ленчи, то забирая их после уроков танцев. У них было много автомобилей, и все ездили на том, что было под рукой. Самому новому автомобилю было по меньшей мере лет пять. Хотя пока я работала у них, был куплен новый «лэнд-круизер», чтобы возить детей. Я совершенно уверена, что это был первый новый автомобиль, который они приобрели за долгое время.

Пегги рассказала, что она частенько давала одной из

служанок какой-нибудь из автомобилей, чтобы доехать домой с работы. Однажды она заметила, что в ее модной квартире некоторые вещи выглядят неуместно — например, дорогая туалетная бумага, что-то из еды. Обнаружилось, что она «помогала себе» за счет хозяйки. Чтобы проверить свои подозрения, Пегги оставила на виду 80 долларов в качестве приманки, ей хотелось посмотреть, вернет их служанка или прикарманит. Та преспокойно взяла деньги, и Пегги торжествующе сообщила об этом Реа. Реа была недовольна. Причем более всего поведением Пегги.

— Это нечестно, устроить ей такое. Если она нуждается в деньгах или туалетной бумаге, оставь их ей! — сказала она.

Я знала, что Мэнди не поверит мне, если я опишу ей любой день из жизни этих богатых, знаменитых и великодушных людей.

Приехали мать Дени и его сестра Энджи. В тот день нас было тринадцать человек, мы с ног сбились в этом уютном сумасшедшем доме, готовясь встретить дорогих гостей. Мы с ней провели много вечеров вместе, играя в карты и рассказывая друг другу истории. Энджи рассказала мне, что Дени в первый раз приехал в Голливуд, имея в кармане только два автобусных талона; он катался на автобусе всю ночь, только чтобы немного поспать. Когда дела шли совсем плохо, он звонил ей и просил прислать ему пару баксов. И она всегда посылала, когда могла. Было странно слушать об этом: Дени, его успех — и два талона на автобус…

Я любила слушать о том, как Дени подрабатывал в ее салоне парикмахером. Между прочим, он до сих пор сам подстригал волосы Одри и Лекси. Полагаю, что, как и многие другие так называемые звездные истории, его путь к успеху потребовал многих лет тяжелого труда.

Было очевидно, что оба они, и Дени, и его сестра, нежно любят свою немолодую мать. У них было все, чтобы окружить ее заботой, — душевное тепло и достаток. Она была миниатюрной. Собственно, они все были небольшого роста, я была самой высокой среди них.

Мне с ними было хорошо. Они были настоящей семьей во всех отношениях, если я понимаю в семьях. Я была так рада, когда они просили меня присоединиться к их ужину каждый вечер; это действительно позволяло мне чувствовать себя членом их семьи.

Мэнди за меня очень радовалась. Мы продолжали общаться, хотя я не могла похвастаться большим количеством историй. Однажды она позвонила мне, чуть не лопаясь со смеху:

— Ты не представляешь, Сюзи! Я теперь не я!

Оказывается, миссис Голдберг вдруг ни с того ни с сего остановила ее в холле:

— Ты ведь хотела бы подстричь волосы, не так ли?

— Гм, нет. На самом деле нет. Я как раз их отпускаю.

— Ты, возможно, захочешь подумать над возможностью посетить моего стилиста. Он делает удивительные вещи… с любыми волосами.

Мэнди проигнорировала предложение. Но в тот же день, позднее, миссис Голдберг снова остановила ее.

— Мне пришлось затратить много усилий. Но я записала тебя в мой салон. На завтра на час.

Мэнди волей-неволей почувствовала легкое смущение. Видимо, надо идти. Переступив порог салона, в окружении его завсегдатаев она почувствовала себя полной провинциалкой. Так вот, оказывается, в чем дело!

Парикмахер миссис Голдберг оказался очень любезным. Мэнди спросила его, многим ли кинозвездам он делал прически. Он сказал да, у него много знаменитых клиентов, но он не может называть их. Для парикмахера он был не слишком-то разговорчив. Она перестала терзать его вопросами, но навострила уши. А послушать было что! Стилисты болтали со своими клиентами.

Спустя час она вышла из салона, нашпигованная огромным количеством информации. Она вынуждена была признать, что ее прическа очень ей идет, но она чуть не расплакалась, узнав, что должна выложить за нее сто долларов. А мысль, что в Монтане она могла бы сделать стрижку за двенадцать долларов у сэра «Всех-Стригу», чуть ее не убила.

Спустя годы, когда борт номер один Воздушных сил США задержал на два часа движение по взлетно-посадочной полосе в аэропорту Лос-Анджелеса из-за того, что президент Клинтон подстригал волосы, Мэнди расхохоталась. Парикмахер миссис Голдберг Кристоф был тем самым, кто приводил в порядок гриву президента.

21
Непримиримые разногласия

Я думаю, что главное в воспитании — позволять своим детям делать то, что им нравится, и не заставлять их делать то, что нравится вам.

Мария Шрайвер

Я все еще не отказалась от своих фантазий относительно приятного времяпрепровождения в салоне красоты. Несмотря на мой плачевный опыт, все же я жила в столице роскоши и красоты. И знала, что где-то существуют волшебные, восхитительные места, где я могу почувствовать себя немножечко звездой. На этот раз я записалась на массаж и обработку воском в салоне на Родео-драйв, который порекомендовала мне Пегги. Очень дорогом и притягательном. И я могла уделить себе сколько угодно времени. Что могло пойти не так, спрашивается?..

Устрашающего вида русская женщина — крупная, с усами — встретила меня у дверей. Говорила она с таким сильным акцентом, что я еле-еле понимала ее.

«Мы начнем с рук» звучало как «Ми начном зз рук». Она была похожа на советских тяжелоатлетов на Олимпиаде, при этом я не имею в виду женщин.

Я неуверенно кивнула. Работа у Дебры повысила планку моей самоуверенности, но я знала, что еще слишком несмелая. До этого момента я не осознавала, как просто меня запугать.

Брови я выщипывала лет, наверное, с двенадцати. Для удаления волос на ногах я никогда не пользовалась воском, тем не менее считала, что это будет здорово, если не придется бриться неделями или даже месяцами. А почему бы не обработать и подмышки? В своем воображении я рисовала довольно простую процедуру: мои ноги погружают в теплый воск, а затем все это просто удаляют. Я думала, что это совсем не больно — выщипывание бровей никогда не было слишком болезненным. И после некоторого незначительного дискомфорта у меня будут гладкие, как шелк, ноги, а затем я буду наслаждаться массажем лица.

— Вы сидеть здесь, — прокрякала русская матрона, указывая на длинное мягкое откидное кресло, мало чем отличающееся от

кресла дантиста. — Вот, наденьте это. Я сейчас вернусь. — Она вручила мне майку с круглым вырезом.

Минуты через три женщина вернулась со своей напарницей — еще одной внушительного вида русской. Вместе они выглядели как команда Международной федерации реслинга. Почему именно два специалиста нужны для нанесения воска и массажа лица?

— Поднимайте руки, пожалуйста.

Я колебалась. Мне не хотелось выставлять напоказ мои европейского стиля ямочки, будь она даже Андреа Великанша[108]. Я не брилась уже около месяца; я полагала, что мне нужно до некоторой степени отрастить волосы, иначе воску не на чем будет держаться.

— Давай, давай. Мы не собираемся тратить на тебя целый день. Подними руки, пожалуйста.

Ладно, хорошо. Я подняла руки, демонстрируя свои заросшие подмышки.

— О-о-у-у, ты брилась! Чик-чик!

Как же тогда выглядят, по ее мнению, небритые подмышки?

Лопаточкой она нанесла толстый слой горячего воска на одну подмышку, затем на другую.

— А-а-а-й! — завопила я.

Воск мгновенно застыл и сжал кожу. Руки мои так и остались в приветственном жесте со сжатыми кулаками, как будто я только что пересекла финишную черту марафонской дистанции, установив новый мировой рекорд. Боль была мучительной. Подобное ощущение можно получить от растопленного свиного жира, если ты достаточно глуп, чтобы залить его себе в открытую рану. Я принялась глубоко дышать в ожидании продолжения экзекуции.

Когда тяжелоатлетка наконец рванула воск, я заорала что было мочи и чуть не потеряла сознание. Клянусь, она содрала с меня три слоя кожи!

Какая-то женщина с испугом заглянула к нам:

— Что здесь происходит?

Экзекуторша пожала плечами.

— Она брилась, — сказала она бесстрастно, словно говоря: «Она постелила постель, теперь ей придется умереть в ней». Заглянувшая посмотрела на мои кровоточащие подмышки и покачала головой с плохо скрытой брезгливостью.

— О, тогда понятно…

— Давайте пойдем, — выпроводила ее ассистентка, выходя вслед за ней. — Здесь мы ничего не можем сделать для нее.

Они покинули комнату.

— А теперь займемся ногами, — произнесла оставшаяся в одиночестве мучительница подозрительно веселым тоном и стала тонкими рядами накладывать на мои голени что-то, весьма сильно напоминавшее клейкую ленту для ловли мух, которую обычно подвешивают в конюшне. Я извивалась на кушетке, как выпотрошенная рыба, обвязанная веревочками, из которой собираются приготовить филе. Я начала стонать еще до того, как она принялась медленно отдирать полоски, одну за другой. Мои судорожно сжатые кулаки по-прежнему символизировали победу, подмышки были украшены салфетками «Клинекс». Когда экзекуторша сорвала особенно сильно прилипшую полоску, я поклялась себе, что никогда не буду рожать, если это так же болезненно. Когда она велела мне перевернуться для обработки задней части ног, я отказалась.

— Нет, спасибо, — задохнулась я. — Достаточно только спереди. Сзади никто и не смотрит.

Слава Богу, дело не дошло до зоны бикини. Уход за лицом я отложила на неопределенное время; мне было слишком больно и, кроме того, вдруг расхотелось наслаждаться комфортом.

Все удовольствие обошлось мне в сто двадцать пять долларов — значительно выше стандартной цены за восковую процедуру, — потому что, пояснили мне, на меня ушло больше времени, чем на «обычного клиента», и с жесткими волосами, которые прежде сбривали, очень трудно работать.

Я заковыляла прочь. Вот еще одно доказательство того, что я никогда, кажется, не смогу приспособиться к Голливуду! Я хотела лишь отщипнуть кусочек экзотического пирожного «шикарной» жизни, стать хоть в чем-то похожей на тех актрис, которыми я восхищалась. Очевидно, я избрала неверный путь. Интересно, что сказала бы Дебра по поводу моей кармы? Не заслужила ли я эту пытку своим саркастическим отношением к простодушным, не осведомленным в области косметических ухищрений одноклассницам в институте нянь? Это было единственное правдоподобное объяснение очередному моему фиаско.

Не скрою — моя внешность требует вмешательства специалистов. Но мне не пришло бы в голову обрекать себя на радикальную реконструкцию, подобную той, о которой мне рассказала подруга, наблюдавшая ее последствия и принимавшая участие в их ликвидации. Она искала канцелярскую работу. Но ей предложили место по уходу за одной звездой, получившей награду Академии. Актриса была известна еще тем, что она превратила своего мужа из легендарного разбивателя сердец в блаженного супруга. В момент, когда моя подруга искала работу, эта женщина выздоравливала после хирургической подтяжки

лица. От моей подруги требовалось делать перевязки, пока звезда не поправится. По-видимому, та думала, что безопаснее нанять «временного секретаря», чтобы не попасть под фотообъективы папарацци по дороге в обычный элитарный реабилитационный центр. Хотя и в этом случае разоблачение ее «природной красоты» стопроцентно не исключалось. Несмотря на то что она и ее муж стоили миллионы, они собирались платить моей подруге только сто долларов в день. Нам было не ясно, были ли они слишком стеснены, чтобы оплатить услуги квалифицированной медсестры, или же не хотели, чтобы служба медсестер узнала ее секрет. Может быть, понемногу того и другого. Тем не менее моя подруга согласилась, но только для того, чтобы познакомиться с супругом актрисы, и, пугавшаяся одного вида крови, она преодолела этот страх.

* * *

Спустя пару месяцев мой восторг от пребывания на съемках «Чирз» поутих. Можно даже сказать, мне они наскучили. Других детей тут не было, а наблюдать за тем, как одну и ту же сцену повторяют снова и снова, надоедало. Я подумала о своей подруге Кэти — она часто приезжала на съемочную площадку с женой и детьми одного известного актера, здоровенного молодого блондина. Целыми днями Кэти сидела взаперти, в трейлере, далеко от съемочной площадки, с тремя очень активными ребятишками и очень небольшим количеством их любимых игрушек. Предполагалось, что Кэти должна развлекать детей до того момента, когда у звезды появится некоторое свободное время, чтобы он мог «поиграть» с ними (но свободное время было весьма непредсказуемо, так как расписание съемок в процессе работы менялось). Моя работа была далека от этого ада, однако за очень короткое время жизнь на съемочной площадке стала достаточно тоскливой.

Я обнаружила, что от скуки начала довольно часто посещать буфет, который сервировали каждую пятницу для команды, приходившей на вечернюю запись. Похоже, они выбирали самую жирную и калорийную кухню. Рифленые картофельные чипсы с соусом, всевозможные пончики, булочки с сыром, «Читос» и очень вкусные маленькие конфетки. Я паслась там целый день.

В один из дней я подходила к буфету так часто, что один из ассистентов продюсера спросил, сколько подносов я сегодня опустошила. (Практически все.) Я была опозорена. В следующий раз я удостоверилась, что тот идиот, который не нашел ничего

лучше, как следить за моим рационом питания, не смотрит. И взяла пончик, мысленно обозвав себя ничтожеством.

Все же он был в чем-то прав. Всю свою жизнь я ела именно то, что хотела, и отобрать у меня что-нибудь вкусное было невозможно. Конечно, для подростка весом сто десять фунтов это было нормально. Теперь мне было двадцать, и я почему-то старалась не замечать, что от пристойных ста четырнадцати фунтов я докатилась до неприличных ста тридцати девяти.

Для моего небольшого роста у меня был излишний вес. И тут мне пришло в голову, что, может быть, во всем виновата зловредная сушильная машина и все мои вещи «сели» из-за нее. Не тут-то было. Это была целиком моя вина. Искать крайнего было бессмысленно. Ох!

Однажды днем, вскоре после этого нежеланного открытия, я зашла на кухню, когда там никого не было. На кухонном столе лежал очень притягательный пакет со свежеиспеченными пирожными от миссис Филдс. Это было очень странно, потому что Дени и Реа обычно придерживались диеты, избегая красного мяса, и не держали дома много сладостей. Я украдкой огляделась.

— Дени? — позвала я достаточно громко.

Ответа нет. Вокруг никого. Я быстро открыла пакет (мои глаза продолжали шарить по комнате). В пакете лежали шесть роскошных сахарных пирожных — два шоколадных, два с ореховой пастой и два миндальных. О-о-ох! Я наугад схватила одно, аккуратно закрыла пакет и помчалась вверх по лестнице в свою комнату. Пирожное было миндальное, самое большое из шести и божественно вкусное. Я решила позволить себе еще одно. Только одно! И побежала вниз, прислушиваясь, не раздаются ли чьи-то шаги. Открыла пакет и взяла ореховое. Я повторяла эти действия еще три раза, пока в пакете не осталось последнее — шоколадное. Я решила, что надо съесть и его. А потом уничтожить улики.

Но нет. Когда я, спрятавшись в своей комнате, облизывала с пальцев шоколад, на кухне раздался голос экономки.

— Кто съел пирожные? Я купила их специально для Реа! — пронзительно кричала она.

Я отважилась выйти в холл, где наткнулась на Лайзу. Она была худой, высокой и выглядела абсолютно невиновной. Мы обе проигнорировали обвинение. Я осторожно проверила, нет ли у меня на рубашке крошек.

Что со мной случилось? Я стала жалкой карикатурой на няньку, растолстевшая, кое-как одетая. Я просто заплыла жиром! Казалось, я бессильна остановить это. И в довершение всего я

опять услышала о Тэмми. Она провела свой двадцать первый день рождения на съемочной площадке, где Салли заставила всю съемочную группу, включая Джулию Робертс, поздравить ее, распевая «С днем рожденья тебя».

«Не становись завистливой, Сьюзи!»

Моя главная задача — в конце этой недели купить книгу «Накорми голодное сердце». Вообще-то, если задуматься, мне нужна и другая книга — «Как избавиться от непреодолимой тяги к еде».

P.S. Забежать к миссис Филдс и купить несколько пирожных для Реа.

После окончания телевизионных съемок Реа и я проводили все дни дома с Максом. Поскольку в семье де Вито было достаточно автомобилей, я отдала Райану свой. Однако я понимала, что отдала больше, чем просто свой автомобиль. Это сняло с меня необходимость заботиться о себе. Я стала невообразимо толстая. Я не выходила из дома и даже прекратила делать макияж.

Однажды Пегги обнаружила у меня фотографию, очаровательный снимок, который мы с Тэмми, развлечения ради, сделали несколько месяцев тому назад. На мне синий с блестками топ и боа из перьев (тогда это казалось удачной идеей).

— Кто это? Это ты-ы-ы-ы? — протянула она недоверчиво, оглядывая меня с ног до головы и как бы говоря: «Как это возможно?» Пегги никогда не была слишком любезна со мной, но это перевесило чашу весов, так сказать. — Может быть, тебе следует делать такой макияж почаще, — кивнула она, посмеиваясь про себя.

«Меня когда-то считали горячей штучкой!» Я хотела ответить колкостью. О Боже. «Когда-то» — это всего пару лет назад. Мне непременно надо вернуться к себе прежней. Я уже выглядела как затурканная жизнью домохозяйка, а я ведь даже не замужем!

Но это не получалось. Мне нравилось, как эта семья наслаждается каждым моментом своей жизни. Они почти никогда не спешили. Это то, чего я страстно желала у Овитцев, верно? Но мне было недостаточно просто быть рядом с ними. Я не могла перестать думать обо всех моих друзьях, движущихся по жизни вперед, к будущему. Я знала, что никоим образом не приближаюсь к тому, куда стремилась в своей жизни — где бы то ни было, — оставаясь здесь и работая няней. И когда я читала книги о том, как сбросить вес, я понимала, что это только часть

проблемы. Мое сердце было голодным.

С другой стороны, Реа выглядит великолепно! Она каждый день рано встает и с удовольствием занимается гимнастикой возле дома, а иногда — с персональным тренером по системе Пилатеса в студии. Если девочки начинали выражать недовольство тем, что она уходит, она им неизменно отвечала: «Мама не может быть хорошей мамой и чувствовать себя хорошо, если она не тренируется».

С трудом верилось, что ей уже сорок. Чтобы отпраздновать это событие, Дени решил устроить для нее грандиозную вечеринку-сюрприз тут же во дворе. Лайза, которая гораздо лучше меня разбиралась в моде (как будто это было трудно), знала все последние музыкальные новинки и предложила, чтобы Дени нанял местную группу — она слышала их в клубе. Дени же никогда не слышал о «Ред хот чили пепперс» и боялся рисковать, приглашая группу без имени для такого особого случая. Он вопросительно посмотрел на меня; я согласно кивнула и сказала, что тоже никогда о них не слыхала. Теперь я понимаю, что не мне давать советы в качестве наблюдателя, определяющего тенденции развития жанра: Кевин Костнер против «Ред хот чили пепперс» — 0:2.

Как-то — до вечеринки оставалось несколько дней — я была в своей комнате и вдруг услышала голос Дени: дверь в соседнюю комнату была открыта. Я услыхала имя Майкла! Естественно, я подскочила к самой двери и замерла, обратившись в слух. И в самом деле, Дени даже и не подумал звонить ему, чтобы узнать отзыв, когда они решали брать меня на работу. Тогда он сказал, что они составят впечатление сами.

Сначала они обсуждали деловые вопросы, но потом Дени замолчал. Я затаила дыхание. Несмотря ни на что, я знала, что Майкл упорно следит за мной и позвонил Дени с одной целью — сделать так, чтобы тот уволил меня. Я услышала, как Дени произнес: «Я знаю. Разве это не было случайное совпадение? Эту няню нашла Реа, и у нее был опыт работы у вас… Угу!» Наступила секундная тишина, когда Майкл говорил что-то, потом я снова услышала Дени: «О, так вы хотели бы поговорить об этом, а?» Как будто у нас еще была стадия собеседования! «Да, хорошо. Хорошо. Понял. Я поговорю с вами позже. Спасибо за совет, Майкл. Я дам знать Реа».

И тут я спросила себя: не следовало ли мне найти более подходящее время, чтобы уйти из семьи Овитц? Ведь Майкл ясно дал понять, что ценит меня! Ну что бы случилось, если бы я постаралась уладить дело миром? Не совершила ли я ошибку, уйдя наперекор ему? Конечно, я ненавидела, когда на меня давят,

но, может быть, мне надо было поговорить с ним, как с обычным человеком, а не трястись перед ним, как перед всемогущественным повелителем. Возможно, если бы я пришла к нему и объяснила, что именно меня беспокоит — ощущение, что Джуди не любит меня, нехватка времени, неуважение со стороны Джоша, — всей этой отвратительной войны можно было бы избежать. Я начинала думать, что мне не следовало рассматривать всю ситуацию только в черно-белых красках: остаться и быть несчастной или уйти и стать счастливой. Позже я очень много размышляла над выбором, который тогда сделала. Теперь я видела, что с тех пор, как оставила семью Овитц, я находилась в депрессии. Единственный вид терапии, какой я могла себе позволить, — это побольше писать в свой дневник.

Кажется, в деле с Овитцами моей вины гораздо больше, чем их. Я никогда не устанавливала никаких линий разделения обязанностей с Джуди. Поскольку я никогда не требовала того, что мне нужно, я сделала для нее возможным вообще игнорировать вероятность того, что мне что-то нужно. Я согласилась на то, что они дали мне, вместо того чтобы точно обозначить свои нужды, дабы хорошо выполнять обязанности.

Почему я не объяснила, чего хочу, когда Майкл разговаривал со мной напоследок? Вероятно, я думала только о Кармен, которая, казалось, никогда не получала того, о чем просила. Я даже ни разу не попыталась объяснить ему, из-за чего я у них чувствую себя такой несчастной. Наверное, я ждала, когда он спросит. Я просто не видела, что у меня были и другие варианты, кроме того, чтобы написать заявление об уходе.

Это было очень трудно принять. Здесь у меня были замечательные условия, а я тащила на себе тяжесть моей прошлой ошибки. Неудивительно, что я чувствовала себя подавленной.

Я поделилась своими чувствами с Мэнди, у которой по-прежнему были экономические проблемы. На этот раз она сама потратила больше, чем могла себе позволить. Голдберги взяли Мэнди и детей во Францию, где у мистера Голдберга были какие-то дела, а миссис Голдберг занималась шопингом. Хотя «шопинг» — это мягко сказано. Это были высокозатратные экспедиции поражающих воображение масштабов. Во время первой же вылазки Мэнди влюбилась в четырехсотдолларовую сумочку. Она страстно желала ее, как будто была Долли Партон в магазине париков. Проблема, конечно, заключалась в том, что бюджетом Долли Партон она не обладала. Покупка была исключена. Или

нет? Мэнди подступила к миссис Голдберг, отчаянно пытаясь найти какие-то разумные объяснения, почему она должна непременно купить эту сумочку. Миссис Голдберг согласилась, что да, сумочка красивая, но даже она сочла, что это слишком дорого. Ничуть не обескураженная, Мэнди нашла телефон и позвонила в Монтану (не обращая внимания на то, что расходы на заокеанский звонок могли составить изрядную часть стоимости вожделенного ридикюля).

«Конечно, дорогая, ты должна купить ее! Когда еще тебе удастся побывать во Франции?» — отреагировала ее дорогая мамочка. Вдохновленная таким разумным аргументом, Мэнди вернулась в магазин и израсходовала большую часть средств со своей кредитной карточки «Виза». Этой ночью она спала — и сумочка лежала на подушке рядом с ней.

Чтобы перещеголять ее, на следующий день миссис Голдберг углядела маленькую сумочку без ручки в стиле Джеки О, размером не более двух сигаретных пачек. Доставая свою платиновую кредитку, она заметила: «Я же на отдыхе. Я могу позволить себе это». Стоимость сумочки? Шесть тысяч долларов США! Позднее в тот же день она заплатила триста сорок три доллара за брелок для ключей.

Даже в моем подавленном состоянии я не смогла удержаться и рассмеялась.

* * *

Райан был, как обычно, сама беспечность. Ему нравился Лос-Анджелес. Он не долго раздумывал над возможностью стать рабочим-металлистом, а затем решил, что тяжелый физический труд на самом деле его не привлекает. Поэтому вечерами он приходил ко мне, в дом де Вито. Суббота и воскресенье были моими выходными, и в пятницу вечером я уходила, чтобы пару дней провести в брентвудском «ящике» Синди.

Дени пригласил Райана и меня на день рождения Реа. Мне представлялось это событие модной вечеринкой и чрезвычайной проблемой для Райана. Я едва сумела убедить его надеть пиджак, белую рубашку и галстук. (В последний раз я заставляла его надевать галстук для нашего выпускного бала, и он засунул его в карман спустя десять минут после того, как мы прибыли в гимназию.) После получасового спора в универмаге «Нордстром» из-за парадных туфель (это была ничья; он купил их, но отказался надеть, когда пришло время) мы вернулись к Синди, чтобы подготовиться к выходу в свет в очередной раз. Я вытащила свое

старое доброе черное платье, но не смогла застегнуть молнию. И решила, что коли нет никакой возможности надеть его, не разорвав по швам, то следует оставить эту затею.

Я слышала, как Райан в гостиной говорит Синди:

— Сьюзи думает, что мои кроссовки «Найк» не подходят к моим бриджам хаки.

Чуть не задохнувшись от возмущения, я вытаращила глаза. Почему бы мне просто не оставить все как есть? Я иду на свидание с Джетро из сериала «Беверли-Хиллз»[109]. Я набросила на себя кое-что из одежды моей сестры, некий странный наряд — юбка, такая короткая, что ее могла бы носить проститутка, и белый жакет, он придавал мне вид сотрудниц медицинского учреждения. Моя сестра, благослови ее сердце, никогда не имела в своем гардеробе вещей, модных в текущем десятилетии. И эти не были исключением.

Когда мы подъехали, несколько служащих уже стояли наготове, чтобы отгонять машины на стоянку. Я вышла и потянула вниз трикотажную юбку в восемнадцатый раз, в то время как мой приятель крутил шеей, словно его галстук был петлей, которая его вот-вот задушит. Уже совсем стемнело, но я могла ясно видеть, что мы были единственными, кто специально нарядился. Все были кто в чем — в шортах, рубашках для гольфа и блузках без рукавов. Мое настроение еще более ухудшилось. В очередной раз я забыла о шикарно-небрежном лос-анджелесском стиле. Взглянув на разношерстную толпу, Райан тут же повернулся ко мне и с хитрой самодовольной ухмылкой торопливо распрощался с галстуком и пиджаком, закатав длинные рукава рубашки — настоящий Попай-моряк[110].

Я оглядела внутренний дворик. Да тут вся компания «Чирз»! А еще Мэри-Лу Хеннер, Тони Данза и, о мой Бог, человек, которого мне меньше всего на свете хотелось бы видеть. Майкл Овитц. Он был, как всегда, в своей рабочей униформе — накрахмаленной белой рубашке и ярком галстуке. Я поискала глазами Джуди. Ее не было. Я продолжала смотреть на Майкла и была уверена, что он тоже бросил взгляд в мою сторону. Может быть, он не узнал меня? Или забыл? Однако он пристально посмотрел на меня; чтобы быть уверенной, что мне не придется с ним разговаривать, я решила держаться подальше, благо затеряться в этой толпе было несложно. Наконец с большим облегчением я увидела, что он направился к выходу. Слава Богу, он явно зашел, чтобы только отметиться.

Райан увидел одного очень известного киноактера, выходившего из ванной с двумя приятелями, вытиравшими ему нос.

— Они нюхали кокс, Сьюзи! Точно!

Я отказывалась верить в это, даже после рассказов Шейлы про кучки кокаина. Я не могла до конца свыкнуться с мыслью, что люди вокруг меня нюхают кокс в ванной комнате, в доме, где я живу.

Неожиданная встреча с Майклом сегодня вечером произвела на меня жуткое впечатление. Фактически я почти становлюсь параноиком, думая, что он, возможно, преследует меня. Я была очень рада, что он так рано ушел.

Борьба с Райаном при подготовке к вечеринке была последней каплей в чаше моего терпения: мы слишком разные. Даже несмотря на то, что я была не права относительно формы одежды. Я не могу отделаться от мысли, что мы движемся в разных направлениях. Кажется, самое лучшее, что я могу для него сделать, — это позволить ему уйти, с тем чтобы он смог найти кого-нибудь, кто примет его таким, каков он есть. Решительно нет никакого способа заставить меня восхищаться гонками грузовиков начинающегося в городе ралли. Я пытаюсь продолжать маскировать его аромат «плохого мальчика» дешевым одеколоном. Я знаю наверняка, что он устал, и ему надоели мои постоянные придирки и упреки, что он делает все не так.

Замечание для себя: достать книгу про женщин, которые слишком сильно любят, и найти главу, как избавиться от этого. И потом сделать это, раз и навсегда.

Второе примечание для себя: пойти и купить книгу, которую я видела вчера в ток-шоу. «Умная женщина/Глупый выбор: как найти «своего» мужчину и избежать «чужого».

Звонила Тэмми. Она только что вернулась из поездки в Аспен. Семья Салли встретилась за обедом с Овитцами, и она видела Делму и детей.

— Как они? Как дети? — дотошно выспрашивала я у нее подробности — вплоть до мельчайших деталей.

— Хорошо. Миссис Овитц сначала не узнала меня. А когда сообразила, кто я, посреди обеда ахнула: «Ох, так вы ее подруга!» — Тэмми усмехнулась. — Она указала на меня пальцем, как на грызуна — переносчика чумы. Дети в тревоге посмотрели на нее, потом на меня. Это выглядело так, будто она обнаружила, что я часть «мафии нянек», которая несет ответственность за все беды в Голливуде. «Эта Сьюзи, — сказала она, — просто бросила нас в трудную минуту!»

По словам Тэмми, уничижительные замечания продолжались, пока Салли и Алану не удалось направить беседу в другое русло.

Как только они сели в автомобиль, Салли объяснила Тэмми, что они приняли приглашение на этот обед только по деловым соображениям. И извинилась за неприятный инцидент.

— Я уверена, что твоя подруга очень хорошая девушка, поскольку она помогла нам найти тебя, — сказала она.

Это хорошо объясняет, почему люди действительно очень любят Салли Филд.

22
Прощание

Я не могла бы работать и растить четверых детей без всей той помощи, которую мне оказывали.

Мерил Стрип

В Голливуд приехала моя мама. С тех пор как она узнала, как хорошо Дени и Реа обращаются с ее дочерью, она стала их самой большой поклонницей. Она от корки до корки прочитывала свой любимый журнал «Пипл» в поисках любого упоминания о них, вырезая статьи. Я подтрунивала над ней, что настоящей причиной ее визита было увидеть их, а не меня. Однако в глубине души я знала, что даже если бы я была няней в Норт-Платте, Небраска, она бы все равно приехала, чтобы увидеться со мной. Просто такая она есть, моя мама. Но естественно, ее гораздо больше радовала перспектива познакомиться с моими знаменитыми хозяевами, чем приехать в гости к фермерам в глубинку.

Когда мы подошли к дверям «звездного» дома, я почувствовала незнакомое стремление защитить мою дорогую, сраженную звездами бедняжку. Мне захотелось обнять ее. Вместо этого, в качестве дочернего напутствия, я зашептала ей на ухо инструкции, чтобы не ставить меня в неловкое положение.

Реа встретила мою мать так, будто они были старыми друзьями. Никакой суеты, просто естественная теплота и мгновенно возникшие дружеские отношения. Не прошло и минуты, как мама стала более разговорчивой, почувствовав себя полностью в своей стихии. Было похоже, что одна мать разговаривает о детях с другой матерью. Реа сказала, что Дени с девочками в кабинете смотрят телевизор, и предложила нам заглянуть к ним. Дени лежал животом на ковре — один локоть под подбородком, в то время как свободной рукой он отпихивал разбойниц — они пытались залезть ему на спину.

— Дени, это моя мама.

Девочки тут же вскочили на ноги и поздоровались. Дени воскликнул:

— Да, привет!

Реа в дверях неодобрительно нахмурилась.

— Дени, это мать Сьюзи!

Он тут же вскочил и радостно заулыбался:

— Здрав-жела-мам-Сюзи! — И извинился: — Простите, простите. — Он протянул маме руку. — Мне послышалось «это Марайа», — обернулся он ко мне.

Мама была совершенно им очарована.

На следующее утро после приезда моей мамы Макс проснулся в пять утра, минута в минуту, и недовольно зашумел. Я побежала вниз — приготовить бутылочку с питанием. Он был милым, но спал неспокойно, и, когда ночью он запутывался в своей пижаме, я едва вытаскивала себя из постели, чтобы освободить его. Он спал совсем близко от меня, и каждый раз, когда он начинал возиться, я спросонья напрягалась, задаваясь вопросом, проснется ли он и успею ли я нагреть бутылочку прежде, чем он заплачет. Когда я в этот раз вернулась, он уже подавал слабые сигналы неудовольствия. Я взяла его на руки, села с ним в кресло и начала кормить. Выпив все, он задремал, и я положила его опять в кроватку.

Я лелеяла надежду поспать еще пару часов, однако только я уютно устроилась, как он опять начал волноваться. Я знала, что иногда он повозится немного, а потом засыпает, поэтому и не стала тут же подниматься. Вместо этого я сделала то, чего никогда не делала раньше, — прикрыла голову подушкой и игнорировала Макса несколько минут, надеясь, что он утихнет. Внезапно на меня упал луч света. Я открыла глаза. В дверях спальни стояла Реа.

— Почему Макс плачет? — Это прозвучало как обвинение.

— Я только что покормила его, — довольно глупо сказала я. — Думаю, он скоро заснет.

— Не думаю, что он засыпает, — возразила Реа, беря сына на руки.

Не сказав больше ни слова, она вышла с ребенком на руках. Я чувствовала себя отвратительно. Мало того, что Реа подумала, что я не забочусь о ее сыне, но в ту минуту она фактически была права. Я заботилась больше о своем сне, нежели о его. Мне было гадко. «Что это за няня, которая не обращает внимания, что рядом плачет ребенок? Ах да, британская», — мрачно утешила я себя.

Однако я была не Мэри Поппинс. Я попыталась проанализировать ситуацию. Большую часть ночи я бодрствовала, чтобы быть уверенной, что с Максом все в порядке и что он не плачет. Но не имеет значения, сколько раз я вставала и успокаивала его. На душе у меня было скверно. Конечно, это была часть моей работы. Я не могла игнорировать плач и продолжать спать, как это было бы простительно измученной матери. Я была

его няней, и я не имела права не откликаться на детский зов. Я поняла, что просто-напросто становлюсь обиженной эгоисткой и не могу по-настоящему заботиться о других. В этот момент мне стало совершенно ясно: я больше не хочу быть няней!

Я чувствовала себя так паршиво, что мне захотелось подлизаться к Реа. Вместо того чтобы воспользоваться тишиной и доспать еще часок, я встала, расправила Максу постельку, спустилась в кухню и принялась разгружать посудомоечную машину. В моей голове все перепуталось. Я не могла отделаться от мысли, что больше не хочу ни о ком заботиться! И не хочу оставаться в Лос-Анджелесе.

Весь день я размышляла, как бы изыскать возможность сказать Дени и Реа, что хочу покинуть их. Они были очень покладистыми и милыми людьми. Я все еще слышала, как моя мать продолжала восхищаться, как они популярны и как мне повезло, что я работаю у них. Мне действительно повезло, я знала это, но мне также удалось понять, что я должна двигаться дальше. Думаю, я наконец осознала, что до сих пор я действовала по-детски, ожидая, пока кто-то другой спросит меня, чего я хочу. Теперь я была готова сделать важный шаг: я хотела быть взрослой, заботиться о себе самой и сделать свой собственный жизненный выбор.

Я хотела проехаться, но мама и Райан забрали мою машину — отправились осматривать достопримечательности. Да и в любом случае я не смогла бы оставить детей. Но все равно мысль, что я торчу здесь, несчастная, не имеющая возможности никуда выбраться, чтобы проветрить мозги, не давала мне покоя. Это был еще один залитый солнцем день в Калифорнии, и я вывела девочек во внутренний дворик, чтобы поиграть в бассейне, пока Лайза где-то ходила, а Макс спал после обеда. Через двадцать минут поисков их купальников — они надевали за день до этого, но, завернув в полотенца, оставили лежать под кроватями, — а затем подходящей замены, а также пляжных мячей, надувных лягушек, полотенец и всего остального, необходимого для бассейна, я была готова рухнуть на солнышке, чтобы отдохнуть.

Только я опустилась в шезлонг, как девочки решили, что мне нужно быть рефери в их водном поединке. В качестве приглашения они облили меня водой. Потом я услышала звонок у ворот. Мама и Райан, не спеша, шли через двор. Они смеялись, вспоминая, как Райан промывал золотоносный песок на ферме «Кнотт-Берри», но не нашел ничего, кроме рыбной чешуи.

— Думаю, у них в той лоханке вообще нет золота.

Мама веселилась, в то время как я стояла перед ними насквозь мокрая. Потом они стали рассказывать мне, как

навестили Тэмми и какая у нее замечательная работа.

— Чуть ли не лучше, чем твоя, — улыбнулась мама. — И она так благодарна тебе, что ты помогла ей с этим собеседованием.

Маме удалось подержать малыша Салли, они даже сфотографировались все вместе. В довершение Салли всех накормила ленчем. Мама была на вершине счастья. Тэмми хотела бы поехать на ферму «Кнотт-Берри» вместе с ними, сказала она, но ей нужно собираться в другую поездку, на этот раз в Нью-Йорк.

— Салли и Тэмми так хорошо ладят. Тэмми, кажется, просто влюблена в свою работу, — разглагольствовала мама. — А почему бы и нет? С таким очаровательным малышом и в таком прекрасном доме…

Это было последней каплей! Мало того, что я никогда не была на ферме «Кнотт-Берри» и в большинстве других туристических достопримечательностей Лос-Анджелеса, так теперь мама рассказывает мне, как весело ей было у Салли без меня и как бы она хотела, чтобы Тэмми могла поехать с ними в этот парк с аттракционами. А как насчет меня?

Я сорвалась. Я начала орать — на маму, на Райана… Они везде ездят, а я сижу, несчастная, взаперти за этими черными воротами, без возможности куда-нибудь выйти!

— И еще, — сказала я тихо, так, чтобы не услышали девочки. — Я не хочу быть больше няней, а никто из вас даже не замечает, что со мной творится…

Мама сначала была потрясена моим взрывом. Но когда я разревелась, она поняла, насколько все серьезно. Если я несчастлива, сказала она, то, может быть, мне стоит уволиться и вернуться домой. Она осталась спокойной, даже несмотря на то, что я накричала на нее. Это отрезвило меня. Я успокоилась и начала взвешенно размышлять обо всей ситуации. Нет, не Дени и Реа делали меня несчастной; просто мне самой хотелось делать то, что больше соответствовало моим мечтам.

Хорошо. Теперь ясно, что мне надо закончить эту нянькину эпопею и начать строить планы на будущее. А ведь я даже не сержусь на то, что Райан не заметил, насколько я несчастна. Он и никогда-то в точности не знал, что со мной происходит. И это моя обязанность — найти кого-то, кто разделил бы мои мечты. Думаю, наконец я осознала это. Теперь понятно, почему подзаголовок книги «Женщины, которые слишком сильно любят» — «Если ты продолжаешь надеяться, что он изменится». О! Так вот что я делаю! Пытаюсь сделать из него то, чем он не является. Как всегда любит говорить моя мама? Нельзя сделать шелк из свиного уха. Или из хвоста? Как бы то ни было, я знаю, что мне нужно

расстаться с ним, даже несмотря на то, что он всегда был моей «постоянной привычкой, от которой трудно отказаться». О, великолепно, теперь я цитирую песню «Путешествие». Или «Глоток воздуха»? Или «Чикаго»? Не знаю.

Примечание для себя: нужно выбраться куда-нибудь и послушать какие-нибудь местные группы!

Уже одно только решение уехать заставило меня почувствовать радостное возбуждение по поводу того, что ждало меня впереди. Колледж? Вполне возможно. Я провела небольшие поиски колледжа в Орегоне с хорошо зарекомендовавшей себя программой подготовки среднего медицинского персонала. С раннего детства меня притягивала область медицины, даже если это только диагностирование придуманных мной самой потенциально опасных для жизни болезней. Я считала, что из меня получится хорошая медсестра. Но как я собираюсь сообщить это Дени и Реа? Это была возможность проявить самостоятельность, которая, я знала, понадобится мне в моей взрослой жизни.

Возможность представилась даже раньше, чем я ожидала. С Реа и детьми мы отправились в парк. Дети увлеклись игрой на снаряде «джунгли», и тут Реа повернулась ко мне и сказала:

— Мы так довольны тобой! И я знаю — Макс любит тебя.

Еще пару месяцев назад я бы все отдала за такую оценку, но сейчас это незамедлительно вызвало во мне чувство неловкости. Я поняла, что если не решусь сказать ей все сейчас, то увязну еще глубже, и мне будет еще труднее нарушить мои обязательства.

Я глубоко вздохнула, и все, о чем я думала, выплеснулось из меня в одной длинной речи. Я объясняла, что они самые лучшие хозяева, которые у меня когда-либо были. Сказала, что если бы с самого начала попала к ним, то, вероятно, могла бы остаться тут навсегда, однако к ним я пришла уже перегоревшей. Работа двадцать четыре часа в сутки не оставляла мне времени разобраться в том, чего ч хочу в жизни. Пожалуй, я хочу пойти учиться в школу медсестер. Поэтому должна уехать из Калифорнии. Но обещаю ей, что — абсолютно точно — останусь до тех пор, пока она не найдет кого-то вместо меня, и даже предложила ей связаться с институтом нянь.

Реа сказала, что она очень расстроена, но понимает мое стремление двигаться вперед, и поддержала мое желание слушаться зова своего сердца.

В последовавшие за этим дни и недели Дени и Реа по-прежнему хорошо обращались со мной, хотя казались несколько более занятыми. Я понимала. Было похоже, что они уже начали

удалять меня из своих сердец так же, как это делали когда-то дети Овитцев. Я продолжала звонить в институт нянь, но за две недели ответа не получила. Казалось, этот «источник» пересох как раз тогда, когда мне потребовалась замена. Наконец, окончательно искусав все ногти, я получила ответ о подходящей кандидатуре. Я сообщила Реа, что нашелся человек, кто сможет у них работать. Она тут же позвонила, чтобы получить рекомендации.

После чего подошла ко мне и сказала, что Мэри рекомендовала ей одну девушку со словами: «Это не Сьюзи». Она улыбнулась и погладила меня по плечу, как будто она действительно собиралась скучать по мне.

Вот тогда я поняла, что фактически оказывала влияние на кого-то помимо Макса. И даже несмотря на то что Дени терпеливо выслушал Майкла, он не стал относиться ко мне иначе после того, как услышал, что я бросила наиболее могущественного человека в городе в трудную минуту. Даже теперь, когда я покидала их, эта тема никогда не затрагивалась. Самый большой комплимент, какой я от них получила, прозвучал в тот день, когда Дени сказал мне в момент задумчивости: «Полагаю, старина Майкл все же был не прав». Я ответила «спасибо» и улыбнулась. Я никогда не забывала эти слова.

Когда девушка пришла на собеседование, Реа спросила, не могу ли я помочь ей оценить ее. Мы сидели за обеденным столом, где незадолго до этого я съела все пирожные, припасенные специально для моей хозяйки. Я ломала голову над тем, как задать правильные вопросы, которые заставили бы девушку раскрыться.

Я упрекала себя за то, что ничего не записала заранее, но увидела, что Реа хорошо проводит собеседование и без подготовки. Мы немного поговорили об образовании девушки и ее жизни — все было основательно. Но у нее не было никакого опыта работы няней, хоть она и окончила курсы подготовки без проблем. Я хотела предостеречь ее, чтобы она не слишком сильно привязывалась к детям, это та самая тема, которую мы не проходили, но я ничего не могла сказать, поскольку Реа сидела рядом. Отвечая на один из ее вопросов, девушка сказала, что она не может заранее утверждать, что «любит детей». Сначала ей нужно познакомиться с ребенком.

Позднее Реа спросила меня, что я думаю по поводу этого интервью. Я сказала, что не уверена. Я полагала, что человек, который хочет полностью посвятить себя заботе о детях, должен быть в состоянии сказать, что он любит детей.

— Просто странно это слышать от того, кто собирается быть

няней, — сказала я.

Реа попросила меня продолжать поиски. Я созвонилась с местными агентствами, но ни одно из них также не имело перспективных кандидаток. Я жалела, что уже нашла работу для Тэмми. Но она, конечно, не согласится покинуть Салли. Наконец Реа сказала, что собирается все же взять девушку, приходившую на собеседование, поскольку больше, кажется, никого не ожидается.

Я была расстроена. Как оказалось, я не в состоянии подыскать себе хорошую замену. А ко всему прочему не могу убедить Синди вернуться назад в Орегон. Она уже хлебнула лиха тут, но была ярой сторонницей правил и не хотела нарушать арендный договор относительно своей квартиры и оставлять своих соседей в бедственном положении. Отец Райана, о Боже, проводил уйму времени у телефона, пытаясь убедить своего непутевого сына вступить в армию. К счастью, это ему удалось. Пойти в Военно-морской флот! Похоже, мы отправимся домой вместе.

Так много перемен в жизни. Я начала упаковывать вещи, и тут меня как громом оглушило: «Я действительно, действительно никогда больше не буду работать в этом городе!»

23
Назад в будущее

Теперь, когда я оглядываюсь назад и вспоминаю то, что не сумела сделать, это кажется таким незначительным по сравнению с тем, чтобы иметь детей. Дети изменяют вашу жизнь до неузнаваемости. Они переворачивают ее полностью вверх дном. И на самом деле я благодарна им за это.

Аннет Бенинг

События сложились так, что я чуть не возобновила работу! Я уже собиралась было распаковывать вещи, как позвонила Реа в полном смятении.

— Мне придется заставить эту девушку уйти, — сказала она. Нет ли какой-нибудь возможности, чтобы ты вернулась, хотя бы ненадолго?

Она сказала, что нутром чувствует: с новой няней что-то не так. Макс много плачет и не выглядит таким счастливым, каким был со мной.

Она никогда не говорила таким убитым голосом, и я немедленно согласилась. И досадовала на себя за то, что не нашла лучшую замену.

Я позвонила Мэнди. Она была дома в Монтане — впервые за два года работы у Голдбергов. Выяснилось, что ее отсутствие тоже продолжалось недолго, и она также возвращается в Лос-Анджелес, чтобы сменить новичка. Удастся ли нам сделать шаг вперед в этой жизни?

Приземлившись в аэропорту, я немедленно набрала номер Овитцев. Я еще почти ничего не успела сказать, как Делма опередила меня — она будет в парке в условленном месте.

Прошло уже, наверное, больше года с тех пор, как я покинула Брэндона, и когда увидела его, не могла поверить, что он так вырос. Он уже самостоятельно ходил. Он больше не был младенцем, каким всегда оставался в моей памяти. Он тут же протянул ко мне ручки, и мы долго не выпускали друг друга из объятий. В моем горле начал набухать знакомый комок. Я была вне себя от счастья, но я знала — это, вероятно, в последний раз.

Теперь он мог говорить. Скоро он сможет все рассказывать родителям.

Мы вдвоем уселись на качели, и Делма сфотографировала нас. Я еще не знала, что когда-нибудь увеличу и вставлю в рамку этот снимок, поместив его на самое почетное место на моем комоде, где он будет стоять в течение многих лет. Камера поймала так много. Взгляд Брэндона — милый, открытый, его обворожительная улыбка, демонстрирующая чудесные пухлые щечки. Я выгляжу, скорее, как человек, у которого только что умер любимый домашний питомец. Скрепя сердце я отпустила Брэндона поиграть. Мы с Делмой сели на край песочницы.

— Я до сих пор безумно скучаю по Брэндону, — сказала я, глядя, как он шлепает ножками по песку. — Такое чувство, будто потеряла часть себя.

— Я знаю, что это так. — Делма погладила меня по руке. — Он тоже по тебе скучает.

— Неужели он все еще вспоминает меня? — спросила я.

— Честное слово, ты — лучшее, что было в его жизни, — уверила она меня от чистого сердца. — Он теперь такой милый маленький мальчик. Я думаю, он всегда будет помнить тебя по-своему.

Она всегда знала, что надо сказать.

— Спасибо, что сказала это, — улыбнулась я своей подруге.

Я бы с удовольствием осталась навсегда в этом парке, однако мне надо было работать.

В этот раз я присматривала и за Максом, и за обеими девочками. Работы больше, но в то же время это казалось почему-то легче. На сей раз я была в другом эмоциональном состоянии; я знала, что это временный ангажемент, а кроме того, я записалась на курсы медсестер, которые должны были начаться через несколько недель. Макс быстро признал меня, и на сей раз я позволила себе наслаждаться возней с ним. Помочь с детьми во время перелета к месту съемок Дени в Санта-Фе — фантастическое завершение моей карьеры няни. Реа казалась озабоченной.

— Хорошо, что ты с нами, — сказала она. — Одри всегда беспокоят уши, поэтому ей совсем не нравится летать. Чувствую, ей будет трудно.

Как выяснилось, это было еще мягко сказано. Все пять часов полета Одри стонала, вызывая пристальные взгляды и приступы раздражения других пассажиров первого класса. Прямо как во время моего полета на Гавайи. Неужели богатые путешественники думали, что плачущие дети должны сидеть только в купе? Макс спокойно сидел у меня на коленях, но он был

ребенком и, конечно, не упустил возможности пытаться переползти на колени очень холеного — и справедливо расстроенного — соседа.

К тому же некоторые пассажиры узнали Реа и стали посылать своих детей взять у нее автограф. «Папочка сказал, чтобы я сказала вам, что он постоянно смотрит ваше шоу», — говорил каждый с салфеткой и карандашом в руке.

Спустя некоторое время первый класс стал походить на детсадовскую группу.

Измученные к тому времени, когда самолет приземлился, мы попали в сауну под названием Санта-Фе. Слово «жарко» недостаточно сильное, чтобы описать погоду. С трудом преодолели мы путь до гостиницы. Я не могла понять, почему продюсеры фильма выбрали место действия в кипящем от зноя городке недалеко от Санта-Фе, если в сценарии Нью-Мексико даже не упоминается.

Мы совершили большой переезд, чтобы добраться до съемочной площадки и встретиться с Дени за ленчем. Мне мельком удалось увидеть Арнольда Шварценеггера и Келли Престон, однако актеры были «в запарке». Вопли режиссера перекрывали все звуки.

— Давайте снимать, люди! Нам нужно отснять эту сцену до захода солнца! Мы выбились из графика. Я не собираюсь оплачивать дополнительные дни, потому что мы не смогли сделать это вовремя!

Исполнители и технический персонал суетились вокруг, готовя актеров и реквизит.

Не думаю, что они обижались на назойливых горожан. Взволнованные жители не привыкли видеть знаменитостей и быстро запрудили улицы — очевидно, студия не имела достаточного количества охранников. Местная полиция предложила свои услуги, но, казалось, и сама глазела не меньше. Вдобавок ко всему толпа стала просто неуправляемой, и режиссеру пришлось сократить некоторые сцены — пространства для съемок было недостаточно. Я услышала, что два телохранителя будут сопровождать нас на ленч, и мне стало казаться, что это, пожалуй, действительно необходимо.

Вскоре Дени освободился, мы двинулись к ресторану. Но вдруг я почувствовала, будто попала в толчею рок-концерта. Со всех сторон нас окружали безумные фанаты. Я пыталась идти, толкая перед собой коляску, в которой сидел Макс, но толпа мешала. «Это малыш Дени Де Вито?» — спрашивали подростки, пытаясь к нему прикоснуться.

Наконец несколько парней-охранников пришли ко мне на

помощь, но во всей этой суматохе Одри выпустила руку матери. Шестилетняя бедняжка начала плакать, и вдруг вышло так, что нас разделил людской поток. Я была ближе всех к Одри, и Реа, взяв у меня Макса, крикнула: «Лови ее!» С сердцем, объятым ужасом, я проталкивалась через толпу. Это было жуткое чувство — страх потерять ребенка, страх, чтобы его не раздавили. Наконец я оказалась возле Одри.

Отдельный кабинет в ресторане показался мне оазисом. Мы ели в укромном уголке, у дверей дежурила стража. Никогда еще я не была так рада оказаться подальше от восторженной публики. Ну не смешно ли? Сама-то я кто? Разве не публика? Но внутри этого «звездного» аквариума все казалось искривленным и несколько нереальным.

Следующие пять дней мы спасались от свирепого жара и охотников за автографами. Реа, дети и я большей частью торчали у бассейна или там, где был кондиционер, но Дени приходилось часами работать в удушающем пекле. Я и не представляла себе, сколько времени идет подготовка к съемкам. Одни и те же сцены разыгрываются снова, до тех пор, пока не будет учтено все — вплоть до цвета галстука, который к тому же не будет виден из-под пальто актера. Съемка одной сцены, например, длилась целый день, а в результате эта самая сцена при монтаже была урезана до шести секунд.

Не исключено, что кинозвезды получают больше гонорара в том числе и поэтому. Долгое пребывание в лучах софитов — или на солнце — требует от человека гораздо больше, чем можно подумать.

И вот я снова в самолете. Сейчас мой путь — в Орегон, к моей новой жизни. Вот что я нацарапала в своем дневнике.

Я действительно наконец сделала это. Я люблю семью де Вито и надеюсь, что буду поддерживать с ними контакт, но это возвращение позволило мне осознать, что я приняла правильное решение. Прошедшая пара лет дала мне ценный опыт. Но иногда я думаю, что если бы мне пришлось начинать все сначала, не уверена, что я повторила бы его снова. Боль расставания с детьми оказалась во много раз сильнее, чем я когда-либо могла себе представить. Просто я не думала об этом прежде.

Я более чем готова приступить к занятиям в колледже и снова стать студенткой.

Я действительно думаю, что расставание с Райаном было лучшим шагом в деле взросления. Думаю, мне будет трудно отказаться от моих воспоминаний о нем. Однако он — глава в

моей жизни, которую я на самом деле готова закрыть.

Таким образом, возможно, без этого опыта эта агония длилась бы для меня дольше, и я еще долго не смогла бы отказаться от отношений, которые были… настоящей «первой любовью». Поэтому я благодарна, что это помогло мне осознать главное — нет, действительно никого нельзя изменить, только себя; теперь я это ясно понимаю.

Напоминание для себя: перестать быть такой недовольной, когда мамины друзья задают надоедливые вопросы о том, какова жизнь в Голливуде, и постараться запомнить, что у меня было окошко, через которое я заглянула в ту жизнь, которую большинство людей видит лишь в кино.

* * *

Я была бесконечно измучена и измотана, но всему приходит конец. Здесь меня ждало письмо от Мэнди, покрытое множеством иностранных почтовых штемпелей.

Дорогая Сьюзи!

Так вот. Путешествие в Европу в своем роде поразительное. Сначала мы плыли на какой-то огромной яхте, и тут я узнала все прелести морской болезни. Я шаталась по палубе как пьяная, и в результате вышло так, что меня вырвало на какого-то парня. Впрочем, такая я там была не одна. От морской болезни страдали многие. Но не всем так везло, как этому парню. Но все же он помог мне устоять на ногах, а потом вроде посмотрел на меня искоса и спросил, все ли со мной в порядке. Вообрази, как я себя чувствовала! Хуже некуда! Но это еще ничего. Я хотела сказать: «Большое вам спасибо», но прежде чем смогла вымолвить хоть слово, меня мотнуло, и у меня снова открылась рвота. Я перегнулась через поручень. Тут он говорит: «Мэм, могу я принести вам что-нибудь?» — и снова смотрит на меня, косоглазый и старый, и тут до меня доходит: это же Клинт (мать твою!) Иствуд!!!

«Вам что-нибудь нужно?» — спрашивает он, а я думаю: «Все, что мне сейчас нужно, — это дыра в земле, куда я могла бы провалиться». Никогда в жизни я не испытывала такого стыда. (Возможно, лишь за исключением того случая с моим падением из-за Мела, помнишь?)

Ты ни за что не угадаешь, кого я встретила в Риме через несколько дней. Деми Мур! Мы все ходили в какой-то музей, ему, наверное, лет сто, все очень скучное. Но наконец я нашла

возможность сделать несколько снимков Деми, я пошлю их родным и друзьям! (Отец очень радовался, когда получил фотографию, где я с Квинси Джонс.) Я думала, может быть, мне удастся уговорить миссис Голдберг сфотографировать меня вместе с Деми. Как ты, наверное, уже догадалась, мне это не удалось. Но парочка ее снимков вместе с моей хозяйкой будет достаточным доказательством того, что я провела день вместе с ней.

Единственная проблема была в том, что они все время смотрели картины и стояли ко мне спиной. А единственный раз, когда Деми повернула голову, чтобы спросить у охранника, где дамская комната, я тоже не смогла использовать: я уже приготовилась щелкнуть затвором, и Деми мне улыбнулась, но охранник вырвал у меня из рук камеру и сказал: «Никаких фотографий в музее», а Деми сбежала в туалет.

Думаю, что я даже не буду проявлять снимки. Здесь, в Риме, все такое старое, и никто не говорит по-английски. Не могу дождаться, чтобы снова вернуться в Монтану. Я должна решить, что же на самом деле я хочу делать дальше в жизни.

С любовью

Мэнди

Я захихикала. Мэнди всегда смешила меня. Однако я знала, что она имела в виду. Хватит делать карандашные наброски будущего! Пора обвести свои планы тушью.

24
Почти знаменита

Главное, я поняла, что женщины могут иметь все.

Джада Пинкет-Смит[111]

Я начала думать, что в Голливуде есть какой-то особенный магнит. Иначе почему меня сюда что-то притягивает?..

За три года я сумела продвинуться вперед на всех фронтах: училась на престижных курсах по подготовке среднего медицинского персонала в частном колледже в Портленде и последние шесть месяцев встречалась с отличным парнем по имени Уэс, с которым я познакомилась «вслепую» на свидании, организованном Мэри, моей наставницей в институте нянь. Райан пошел служить на флот. Его семья, которую я всегда обожала, время от времени сообщает мне о нем последние новости. Я рада слышать, что у него все в порядке, но мое сердце определенно уже не с ним. Мне кажется, что Голливуд теперь так же, как Райан, в миллионах миль от меня.

Однако этот город каким-то непостижимым образом, кажется, пытается втянуть меня в свою жизнь. Снова.

Внезапно позвонила Реа. Я не виделась и почти не разговаривала с семьей де Вито со времени моего предыдущего недолгого пребывания с ними в Нью-Мексико. Едва я услышала ее голос, как поняла — им понадобилась моя помощь. И верно. Реа предложила мне поработать во время отпуска. Они собрались на Гавайи и приглашают меня с собой. На Гавайи? Я не стала долго раздумывать. Занятий в колледже сейчас не было, и, по правде говоря, я считала, что Гавайи достойны того, чтобы посетить их еще раз. Тем более что во время моего последнего пребывания я почти ничего там не видела.

Но — быть в Голливуде и не думать о Брэндоне? Прошло уже два года с тех пор, как я видела Овитцев вживую. С чувством глубокой благодарности я часто вспоминала тот давний вечер, когда Майкл отдал нам с Делмой свои билеты на «Лейкерс»; поэтому я знала, куда смотреть во время трансляции матчей НБА по телевизору. Я до сих пор записывала все игры с участием «Лейкерс» в надежде хотя бы мельком увидеть кого-нибудь из детей, пришедших на матч вместе с отцом. Это была единственная возможность для меня — посмотреть, как они

выросли. Несколько раз я видела Джоша и Брэндона — в течение какой-то доли секунды — на экране. Иногда мельком видела Майкла и Джуди рядом. (Она выглядела, как всегда, прекрасно.)

Вскоре после приезда в дом де Вито я позвонила Делме в надежде, что она все еще работает у Овитцев.

— Здравствуйте, резиденция Овитцев, — ответил мне незнакомый голос.

— Здравствуйте, могу ли я поговорить с Делмой? — Даже теперь, через годы, мой голос дрожал.

— Могу ли я узнать, кто звонит?

— Это Кассандра из универмага «Робинзон», — не моргнув глазом произнесла я в трубку, сочиняя на ходу первое, что мне пришло на ум. — У меня, э… вопрос по поводу ее счета.

— Подождите минутку, пожалуйста.

— Хэллоу? — О, это ее неповторимый акцент!

— Привет, Делма, это Сьюзи.

— Сю-ю-ю-зи! — закричала она.

— О Боже, там рядом никакого нет? — ахнула я. Мне не хотелось, чтобы у нее были неприятности.

— Все в порядке, — успокоила она меня. — Они уехали в Нью-Йорк.

— А кто ответил мне по телефону? — спросила я.

— Это новая секретарша миссис Овитц, она работает здесь, в доме. Ну ты знаешь.

— Что ж, пожалуй, для тебя это к лучшему, больше не надо передавать никаких телефонных сообщений. — Мы обе засмеялись. — Ну что? Как ты поживаешь? Как дела у Кармен? Как дети? О Господи, какие они теперь? Наверное, большие?

— Брэндон такой большой, что ты не поверишь, и у Кармен все хорошо.

— Пожалуйста, передай ей от меня привет и скажи, что я по ней скучаю.

— У нее сегодня выходной. Но я обязательно передам, как только увижу ее. Неужели ты думаешь, что я смогу утерпеть и не сообщить ей, что разговаривала с тобой?

— Ты по-прежнему няня? Или они взяли кого-то другого?

— Нет, я все еще няня, и я не ношу никакую форменную одежду! — Она захихикала, я тоже. — Знаешь что, Сьюзи? — сказала она с особым выражением.

— Что?

— Я беременна!

— Не может быть, ты шутишь! — воскликнула я. — Правда?

— Совсем не шучу, — ответила она с оттенком гордости в голосе.

— Ты вышла замуж?

— Нет, это ребенок от моего бойфренда Хуана.

— Боже мой. Как давно вы вместе?

— О, около четырех месяцев.

— И что ты собираешься делать? Приносить ребенка на работу?

— Не знаю. Посмотрим, — ответила она задумчиво. — Миссис Овитц очень добра ко мне. А еще — знаешь, — она понизила голос, — мистер Овитц попросил меня зайти в его кабинет. Второй раз в моей жизни…

— Угу…

— Он спросил меня, рада ли я, что у меня будет ребенок, и я ответила: «Да, очень рада». А он сказал: «О, понятно. Я хотел знать, можем ли мы как-то помочь тебе выпутаться из этого затруднительного положения», или что-то в этом роде. А я сказала: «Я хочу сохранить ребенка, мистер Овитц». Тогда он сказал: «Хорошо. Конечно». И потом обнял меня.

— Возможно, он действительно хотел помочь тебе выпутаться из затруднения, поскольку знал, что ты не замужем, — робко предположила я.

— Наверное, ты права, только это выглядело немного странно, — возразила она. — Думаю, возможно, я просто испугалась. В этом его огромном кабинете, ну ты помнишь…

— О да, еще бы!

Я всегда считала, что Делма будет отличной матерью — в самом деле очень хорошей, если Майкл доверил ей своих троих детей.

— В любом случае я очень рада за тебя. Мне бы хотелось увидеть детей.

Я не могла удержаться и добавила, что прекрасно понимаю, что это вряд ли возможно.

— Да, теперь они слишком большие, и ведь ты сама понимаешь, что они могут все рассказать.

— Понимаю, Делма. Это просто мое желание.

— Послушай, Сьюзи, мне пора идти. Дети только что вернулись из школы.

— Хорошо.

В глубине я услышала детские голоса. Брэндон?

— Пожалуйста, обними их за меня!

Положив трубку, я разрыдалась. И плакала долго. Я знала, что больше никогда никого из них не увижу.

Я сошла вниз, стараясь поскорее забыть этот разговор. И была приятно удивлена, увидев на обеденном столе какую-то старую записку.

Дорогие Дени и Реа!

Весь этот год мы вспоминали те прекрасные моменты, за которые вам искренне признательны. Мы поняли, что мы гораздо более счастливы, чем большинство людей. Мы окружены комфортом и удобствами и имеем все, что только можно пожелать. Поэтому вместо того чтобы покупать для вас — наших лучших друзей — подарки, мы пожертвовали деньги в вашу честь одному из детских приютов.

С любовью,

Арнольд и Мария.

Впервые я осознала, что среди знаменитостей есть и те, кто признает, что ведет жизнь, отличную от той, какой живет большая часть населения штатов. Мое предположение, что Мария Шрайвер была именно такой личностью, подтвердилось, и у меня появилось обнадеживающее чувство, что далеко не все высокопоставленные люди столь суетны и меркантильны, как те, с кем мне пришлось столкнуться поначалу.

Конечно, я уже знала, что Дени и Реа были великодушными, мягкими и искренними. Они знали, что я пробуду с ними недолго, но тем не менее дали мне почувствовать себя оцененной по достоинству. Даже несмотря на то что я по-прежнему работала весь день и никогда не имела свободного времени по вечерам, мне нравилось быть с ними рядом; они относились ко мне так, как я того заслуживала. И всегда приглашали меня обедать с ними, а когда к ним приходили друзья, втягивали меня в свои разговоры.

Первая остановка на нашем пути на Гавайи была в Сан-Франциско, где Дени уже месяц находился на съемках. Мы пытались осмотреть некоторые достопримечательности, но почти всюду, куда бы мы ни отправились, вокруг нас собиралась толпа. Все это сильно напоминало Санта-Фе. Иногда это заставляло нас смеяться, как в тот раз, когда мы пошли обедать на «Рыбачий причал» и какой-то парень с акцентом уроженца Бронкса закричал, увидев нас: «Привет, Луи! Все говорят мне, что я похож на тебя!» Думаю, эти «все» были, наверное, слепыми, потому что парень был приблизительно пяти футов и десяти дюймов роста и весил около двухсот пятидесяти фунтов.

К сожалению, большей частью внимание, которое на нас обращали, было куда менее забавным. Толпы восторженных фанатов шумно требовали автографы, пытались фотографировать и задавать глупые вопросы. Однажды на пароме, пересекающем залив Сан-Франциско, нас окружила группа детей и их

сопровождающих, они принялись бурно выражать свою радость, липли к нам, требуя автографа. Реа твердо сказала «нет», объяснив, что они отдыхают и потому она не будет ничего подписывать. Обычно она была очень общительной, однако не любила, когда от нее начинали что-либо требовать. Толпа не расходилась и становилась все более агрессивной. Одри, Лекси и Макс испугались, а возможности покинуть паром не было, поэтому в конце концов Реа пришлось согласиться и подписать несколько автографов. Это несколько успокоило толпу. Но больше всего меня разозлило то, что родители ничего не делали, чтобы остановить своих детей! Фактически они тоже участвовали в давке. Хорошо хоть они не вторгались на съемочную площадку — место съемок здесь было более спокойным, чем то, где снимали «Близнецов». Полиция и члены съемочной группы сдерживали зевак, не позволяя им приближаться.

Однажды днем девочки запросились:

— А можно и нам посниматься?

Макс не отставал от сестер:

— И я хочу.

Дени согласился, Реа же сказала:

— Если Макс будет сниматься, то и Сьюзи тоже.

И спросила, согласна ли я. «Конечно!», — ответила я.

Вокруг меня суетились, делали что-то с волосами, накладывали макияж. Я ожидала, что стилисты превратят меня в шикарную старлетку. Не тут-то было. Они запихали меня в ужасный наряд середины 1970-х — коричневые вельветовые брюки, верх цвета ржавчины, на голове — ленточка в цветочек. Мои волосы разделили прямым пробором, выставив напоказ мой лоб, как восьмой бильярдный шар. И это мой кинодебют? Я попыталась закатать рукава — всего лишь небольшая попытка выглядеть посимпатичней, но костюмерша тут же налетела на меня:

— Нет, нет, нет! Сейчас же раскатайте. Это слишком модно; в семидесятых так не носили.

Дети и я должны были принимать участие в массовке, просто еще четыре человека в группе, наблюдающей за кукольным театром. Вовсе не роль со словами. Ладно, это еще не вся правда. Предполагалось, что мы все должны кричать: «Мы хотим клоуна! Мы хотим клоуна!» Меня при этом не оставляла мысль, что в этом наряде клоуном как раз была я.

К счастью, перед камерой мы провели не так уж много времени — не больше часа, — а Максу все это наскучило уже через десять минут, и остальные сорок минут я умоляла его посидеть спокойно еще хоть чуть-чуть.

Из Сан-Франциско мы улетали на самолете, принадлежащем кинокомпании. Я уже и забыла, как это здорово: никакого запихивания ручной клади в багажные отсеки над головой, никаких протискивающихся мимо пассажиров, пробирающихся к своим креслам, никаких очередей в туалет. Блаженство!

А потом мы приземлились на Гавайях. Еще большее блаженство.

«Мауна-Лани-Бэй» — нечто сногсшибательное. Я никогда еще не видела такого прекрасного отеля. Я живу в главном корпусе, в огромном номере с балконом, мини-баром с запасом шоколадок «Баттерфингерс» и телевизором. Реа, Дени и дети — в отдельном доме с бассейном, всего в нескольких шагах от меня.

Пляжи потрясающие, погода отличная. Первым делом я отправилась покупать себе новый купальный костюм. Вернувшись, обнаружила в номере цветы. Розы. Двенадцать штук. Ух! Вот так сюрприз! Я скучаю по нему больше, чем ожидала. Я действительно люблю его. Проснувшись однажды утром, я поняла, что ужасно хочу поговорить с ним. И позвонила ему. Я хотела поговорить только минутку, но, как оказалось, «провисела на телефоне» полчаса. Я не поверила своим глазам, когда взглянула на часы. Мне очень тут нравится, но не могу дождаться, когда увижусь с ним снова.

А ни свет ни заря позвонила мама. Всего лишь узнать, как проходит моя поездка. Но все говорила и говорила! В программе «Богатые и знаменитые» она видела мой отель. Она хотела знать, много ли вокруг меня известных людей и есть ли у меня собственный слуга и бассейн. И приносят ли «Маргариту» прямо на пляж? «Да, мамочка, да, все это есть, только не забыла ли ты про наш часовой пояс? Здесь сейчас три часа ночи!» На что она воскликнула: «Ой! Извини, милая. Позвоню позже».

Настало время уезжать. Я пришла помочь Реа упаковать вещи. Дени сидел за огромным мраморным столом в столовой, с бумагами в руках. «Хорошо. Понятно. Угу». Мужчина, служащий отеля, стоял позади него, ожидая, пока он проверит счет. Взглянув в листок, я увидела еще двадцать пять страниц расходов. Отыскала глазами счет за мою комнату. На верхней странице значилось: «Страница 1 из 8». Итоговая сумма в правом нижнем углу была такая, что я и по сей день с большой неловкостью вспоминаю ее. Я увидела слова «прокат кинофильмов» и поняла, что все те фильмы, которые я смотрела по телевизору или недосмотрела, заснув на середине, были отнюдь не бесплатными. Откуда же мне было знать, что они будут

включены в счет? Следовало бы давать ясное предупреждение на канале информации! Я почувствовала себя идиоткой.

Потом я вспомнила свой телефонный разговор с Уэсом и многочисленные «заходы» в славный бар. Оглядываясь назад, могу держать пари, что шоколадки «Баттерфингерс» были самой дорогой строкой в отчете! Я стояла там, рядом с Дени, и чувствовала себя глупее некуда.

Я ожидала, что он вот-вот скажет мне что-нибудь, но нет. Он расплатился со служащим и дал ему щедрые чаевые. Я же по-прежнему чувствовала себя виноватой. И подошла к столу.

— Дени, прости меня. Я не знала… всего этого.

— «Всего этого» чего? — спросил он. — Не беспокойся из-за «всего этого». Мы рады, что ты была с нами.

Меня долго мучило чувство вины. Но теперь, когда я думаю об этом, то вижу, что отношение к финансам, усвоенное у Овитцев, отплатило мне той же монетой. Там я была бы тотчас же привлечена к ответу и четвертована на моем старом кабриолете. Но только не здесь. Я не могла поверить, насколько щедрыми были Де Вито. Расходы по счетам вместе со стоимостью моего номера составили вместе столько же, сколько оплата одного семестра в колледже, и все же Дени и глазом не моргнул. Кажется, он действительно считал, что я этого достойна.

Может быть.

Я с нетерпением ждала выхода на экраны фильма Дени, в котором мне посчастливилось принять участие. Столько времени провести в Голливуде — и вот я попала на серебряный экран! Так или приблизительно так я думала. Однако мое ржаво-коричневое великолепие, должно быть, не произвело впечатления на редактора фильма. Затаив дыхание, в течение всего двухчасового фильма я ждала своего появления в кадре, но те, с нашим участием, были полностью вырезаны.

Я восприняла это как знак того, что Голливуд наконец дал мне пинка…

Эпилог

Уверена: в моей душе не было бы такой гармонии, если бы у меня не было моей работы и если бы я не была матерью. Долгое время я жила с мыслью, что буду отдавать себя только работе.

Сьюзен Сэрэндон[112]

Учитывая, что все описанное имело место в мировой столице кино, наверное, неудивительно, что моя история на этом не заканчивается. Слишком много недосказанного. Поэтому огни заключительной сцены гаснут лишь два года спустя.

Я только что получила диплом медсестры. С самого начала учебы в медицинском колледже я знала, что приняла правильное решение. Специализируясь в области акушерства и родовспоможения, я, как и раньше, работала в семьях, помогая молодым родителям справиться с проблемами. Но теперь я могла оставлять рабочие проблемы в больнице и спокойно спать в собственной кровати — два преимущества, которые были мне отнюдь не безразличны. Иметь свой собственный уголок, приходя каждый вечер домой, было для меня теперь еще более важно, чем раньше, — я обручилась с Уэсом, и на весну мы запланировали свадьбу.

Потом мне позвонила Уитни, племянница маминой подруги. Уитни только что окончила институт нянь и спрашивала, не могу ли я помочь ей найти работу в Лос-Анджелесе. Пока мы разговаривали, мне стало ясно, что для меня это будет хорошим предлогом предпринять кратковременное путешествие. И время для этого удобное — промежуток между окончанием колледжа и началом работы. Я была уверена, что смогу помочь Уитни избежать тех ошибок, которые когда-то делала сама. (И каким-то образом мне это удалось; в итоге она много лет работала няней у Рика Шрёдера[113]. Но это было немного позже.)

Перед отъездом я позвонила Реа и сообщила, что приезжаю. Как всегда, она была неслыханно любезна, предложив нам остановиться в ее доме.

Как выяснилось, в день нашего прибытия Реа с детьми должна была принять участие в благотворительном мероприятии, и нас пригласили присоединиться. Это было мероприятие, где собирали деньги для Детского фонда борьбы со СПИДом Элизабет

Глейзер. Помимо сбора денег, была еще одна цель — позволить инфицированным детям встретиться с любимыми героями.

Это была не обычная вечеринка: настоящий карнавал, здесь были шатры для игр, конкурсы с участием команды звезд, призы для детей. Тут можно было сыграть в баскетбол, посбивать кегли и услышать гонг — если получится, достаточно сильно ударить мягкой кувалдой, — и всем заправляли знаменитости, отмеченные высшей степенью известности.

Я усердно пожимала всем руки, начав с Мэджика Джонсона[114]. Затем — фото в стиле поп-арт с Полой Абдул[115] (Уэс задрожит от волнения). Парад звезд казался бесконечным. Уитни изливала свои чувства на Люка Перри[116], он ей особенно нравился, а я недоумевала над смотревшимся вполне обыденно Мэлом Гибсоном. Я не могла понять, почему так сильно отличается «Самый сексуальный (по версии журнала «Пипл») мужчина» (на двухгодичной давности фотографии) от того, кого я вижу перед собой сейчас. И это, как считает Мэнди, второй Том Круз? Да если бы этот парень вошел в универмаг «Сэйфвэй», в то время как я покупала бы там продукты, не знаю, заметила ли бы я его вообще! Он милостиво разрешил сфотографировать его с Уитни, и она сохранила свое самообладание куда лучше, чем Мэнди.

Возможно, я отсутствовала здесь слишком долго — кое-кто из звезд подзабылся. Я указала Реа — Яков Смирнов? Нет, сказала она, этот мужчина вовсе не русский комик, это Ринго Старр. И еще был один человек, он возвышался над остальной толпой на целую голову, но я никак не могла припомнить его имя. Телосложением он напоминал профессионального баскетболиста, поэтому я сфотографировалась с ним. Черт возьми! Позднее я услышала, как дети называют его Шак[117]. По-видимому, мой неослабевающий интерес к играм «Лейкерс» оказал на меня большое влияние.

Затем я увидела еще кое-кого. У меня ослабели колени. И перехватило дыхание.

Дедушка Овитц! Он стоял у стойки с мороженым вместе со своей женой — и внуками. Девочка выглядела лет на десять, мальчику было около шести. Я стала быстро подсчитывать. Не может же это быть… или может? Я не увидела возле них родителей и решила рискнуть.

Я подала знак рукой.

— Миссис Овитц, миссис Овитц! — закричала я и поспешила к ним, размахивая руками, как ненормальная.

Миссис Овитц вытянула шею в моем направлении; без сомнения, она не могла понять, кто эта сумасшедшая особа.

Прищурившись, она смотрела на меня. Я подошла совсем близко.

— Я вас знаю, — сказала она наконец. — Нет, не говорите! Ваше лицо кажется таким знакомым… Это давно было?

— Это я, Сьюзи, — сказала я, надеясь, что этого будет достаточно.

— О Боже мой! — воскликнула она. — Не могу поверить, что это ты! Та самая…

Она рассказала мне, что Майкл и Джуди сейчас в Нью-Йорке и отдали им свои пригласительные билеты. Вот так-так!

Аманда и Брэндон стояли рядом, тараща на меня глаза, такие же красивые, как раньше. Я наклонилась к ним, затаив дыхание и улыбаясь. Я ощущала себя полузабытой тетушкой, просящей поцелуев у своих племянников, которых она почти не видит.

— Ты меня помнишь? — спросила я Аманду.

Лицо Аманды осветила улыбка.

— Да, помню. Ты была нашей няней.

Невероятно! Ей даже не было пяти, когда я ушла.

Выпрямившись, я спросила у миссис Овитц, работают ли у них Кармен и Делма. Я была поражена, услышав, что обе мои подруги все еще там. Не знаю, почему я удивилась. Этого следовало ожидать, принимая во внимание их терпение и ограниченные возможности для карьерного роста — они не могли их не сознавать.

О, у Делмы же ребенок! Я спросила о нем, лицо миссис Овитц стало печальным. Она сообщила, что ребенка Делма потеряла. Мое сердце упало. В разговор вступила Аманда: они так переживали! — малыш родился слишком маленьким, чтобы выжить. Кажется, дети совсем не испорчены и не утратили способности сострадать, чего я так боялась.

— Ах да, — продолжила миссис Овитц, — Джуди предоставила ей отпуск. Ты же знаешь, как она добра к этим девушкам!

Конечно, мне ничего не оставалось, как согласиться: это действительно очень великодушно с ее стороны — предоставить Делме отпуск, хотя на самом деле я не думаю, что женщин тридцати и сорока пяти лет следует называть «эти девушки».

В продолжение всей беседы дедушка Овитц стоял молча. Он смотрел на меня дружелюбно, но с некоторым оттенком холодности, словно напоминая: «Стыдись, ты в трудный момент покинула моего сына».

— Как Джош? — спросила я, держа скрещенными пальцы, надеясь, что ранняя старость стерла из памяти Овитца-старшего воспоминания о том позорном инциденте с «маслом и швами».

— С ним все в порядке, — сказал дедушка. — Он не пошел

сегодня с нами, потому что думал — будет скучно.

Внезапно Брэндон взял меня за руку и потянул на поезд с локомотивом. Я явственно почувствовала: вот-вот заплачу! Я сжала его ручку в своей — руку мальчика, не малыша. Я пыталась сдерживать слезы, но поездка закончилась слишком быстро. Я спросила Аманду, можно ли мне обнять ее. Она кивнула, и мое сердце расширилось, подступив к горлу. Потом Брэндон обхватил меня и тоже стиснул в объятиях.

Если честно, я не очень уверена, что он помнил меня. В конце концов, когда я исчезла из его жизни надолго, ему не было и двух лет.

Возможно, так оно и было, или, может быть, я сама это нафантазировала, потому что мне так хотелось, но на короткий миг я почувствовала, будто мы — родственные души. Могу поклясться, что в тот момент, когда Брэндон обнимал меня, я услышала: «Спасибо, Сьюзи, за то, что любишь меня!»

Я должна была это предвидеть. Все началось в Голливуде, и здесь, в Голливуде, должно было закончиться. Сейчас я по-настоящему почувствовала себя готовой идти дальше, к моей собственной жизни, собственному дому. И надеюсь, что я никогда больше не буду обнимать детей на прощание — своих собственных детей.

От автора

Решение написать эту книгу — воспоминания няни — далось мне не просто. Я долго раздумывала над тем, стоит ли во всеуслышание рассказывать о детях, которых я любила и о которых заботилась. Я много сомневалась и уже начав писать. Однако мне удалось найти разумный компромисс между правдой и деликатностью в освещении событий.

Эта история о том, что случилось со мной. Но она далеко не уникальна. Мне известны ситуации, аналогичные той, которую пережила я. Их можно наблюдать по всей Америке в домах состоятельных, влиятельных и просто известных людей.

В своих интервью знаменитые мамочки обычно забывают упомянуть о тех, благодаря кому им удается вести «гламурную» жизнь. Я не знаю, чего мне больше хочется — кричать, плакать или смеяться, когда я наблюдаю, как они, лучезарно улыбаясь, делают вид, что сумели блистательно справиться с «оскароносной» ролью, не выпуская из рук бразды правления домашним хозяйством и успешно разрешая семейные проблемы. Действительно ли они столь талантливы, что ухитряются совмещать карьеру с заботой о роскошном доме и семье, причем без чьей бы то ни было помощи? Где они берут время и силы, чтобы не сойти с марафонной дистанции еще и социальных обязанностей, руководя каким-нибудь фондом школьного родительского комитета? Возможно, у них есть какие-то соображения? В действительности, если кто-то из голливудской элиты заявляет, что он живет, как все, то вряд ли этому стоит верить. На самом деле у всех них есть крепкий тыл — мы.

Прискорбно, но знаменитости даже не осознают того, какую обиду наносят они няне своих детей, игнорируя самый факт ее существования. В то время как она стоит на страже их семейного благополучия. Я решилась поделиться пережитым единственно с целью пролить свет на жизнь тех самоотверженных женщин, кто, пряча свои слезы, целиком отдается заботе о чужих детях.

Как любитель-психолог, я могу лишь предположить, что причина, почему голливудские няни лишены всякого признания в обществе, в значительной степени связана с общественными ожиданиями, что любая мать должна уметь управляться со всеми домашними обязанностями. С тех пор как я перестала быть няней и сама стала матерью, поняла, какая это огромная ответственность — материнство. Тем не менее знаменитости больше озабочены тем имиджем, который создают для них СМИ. Но если звезды первой величины так легко — если уверовать в

этот миф — справляются с повседневной рутиной, то что мешает нам, рядовым мамочкам, изыскать время для того, чтобы неустанно заботиться о своем теле, всегда быть в форме, до блеска убирать квартиру, готовить и при этом еще зарабатывать деньги? О, и не забудьте жаркие ночи, ведь именно живая романтика отношений — залог долгого и счастливого брака!

Что касается меня, то временами я просто пытаюсь удержаться на плаву, не захлебнуться в лавине дел. Няня. Повариха. 24 часа в сутки 7 дней в неделю домработница. Садовник. Мойщик автомобиля… Неплохо бы иметь двойника! Да что там… И любая незатейливая помощь была бы неожиданной манной небесной! Сомневаюсь, что только у меня одной случались такие дни, когда нет времени даже принять душ. То кто-то из детей потерял бейсболку, то пора закупать продукты по списку, составленному на прошлой неделе, — завтра у кого-то день рождения, и тут выясняется, что надо срочно нестись в банк — оказывается, превысила кредит. Уверяю вас, что «кинозвездные» мамочки не пожертвуют душем ради того, чтобы заменить масло во внедорожнике. И уже тем более они лишены возможности обнаружить в нем тюк белья из прачечной, который не попал в сушилку и уже успел заплесневеть.

Я делюсь своей историей отчасти и для того, чтобы отдать должное тем мамам, которые на самом деле справляются со всем сами (или хотя бы пытаются). Если бы вместо меня это сделали знаменитые мамочки, то большего признания и не надо, мои усилия были бы излишними.

Я знаю только двух женщин, защитниц материнства, — это любимые мной Опра и Мария Шрайвер. Они постоянно ободряют домашних хозяек и убеждают их гордиться своей работой, чем помогают им сохранить душевное равновесие и психическое здоровье. Эти женщины поднимают на щит нелегкую материнскую долю, напоминая нам, что материнство — наше высшее призвание.

Но в книге о злоключениях няни вы найдете и много забавных моментов, которые вас по-настоящему развеселят. Добавлю лишь, что ряд эпизодов повторился со мной, когда у меня появились собственные дети. Справиться с этими трудностями мне было уже значительно легче.

notes

1

Популярная американская журналистка и психолог.

2

Известный курорт в Америке, где находятся элитные поля для игры в гольф.

3

Популярный американский гольф-клуб.

4

Крупная продюсерская фирма, работающая с ведущими актерами, режиссерами и сценаристами Голливуда.

5

Марка американского реактивного самолета.

6

Компания, занимающаяся организацией разного рода семейных и детских торжеств, праздников.

7

Комедия 1978 года, режиссер Джон Лэндис.

8

Сеть дешевых мотелей в США.

9

Северо-западный институт нянь — среднее учебное заведение, готовящее нянь и сиделок.

10

Так говорят про г. Парк-Каунти (Индиана).

11

Вэлли *(англ.* Valley — «долина»).

12

Известный повар-ресторатор, владелец сети лос-анджелесских ресторанов «Шпаго», составитель меню для балов у губернатора и торжественных обедов на церемонии вручения премии «Оскар».

13

От *англ.* city — «деловая часть города».

14

Синдром недостатка внимания.

15

Риталин — лекарство, применяемое при лечении нервных болезней у детей, в частности при лечении синдрома недостатка внимания.

16

Основатель журнала «Плейбой».

17

Матч двух лучших университетских футбольных команд, проводится на Новый год на стадионе в Пасадене (Калифорния), по традиции открывается парадом автомашин, украшенных розами и венками из роз.

18

Товарный знак распространенной жевательной резинки в виде разноцветных подушечек.

19

Брэнд ортопедической обуви.

20

Престижный горнолыжный курорт в штате Колорадо.

21

Безалкогольный напиток типа лимонада.

22

Один из самых популярных американских киноактеров XX века, снялся во множестве вестернов и заработал прозвище «Главный ковбой Америки».

23

Эрдельтерьер по кличке Дюк — любимая собака Джона Уэйна.

24

Комическая актриса и популярная телеведущая.

25

Вестерн по названию печально известного приграничного городка, открытого для любителей пострелять.

26

Городок в фильме «Возвращение в Майберри».

27

Популярная развлекательная программа на американском ТВ, одна из серий называлась «Дом в Майберри».

28

Драматический сериал на американском телевидении.

29

Популярный певец британской панк-сцены, начиная со второй половины 1970-х годов.

30

Имеется в виду Оззи Осборн.

31

Героиня комиксов и мультиков 1950-х годов.

32

Главное действующее лицо комедийного сериала «Шоу Джеффа Фоксуорти».

33

1 пинта = 473 мл.

34

Популярная актриса, известна по фильмам «Электра», «Секс в большом городе» и др.

35

Престижный район Лос-Анджелеса.

36

Фешенебельная улица в Беверли-Хиллз, отличающаяся высокой концентрацией модных бутиков, где «отовариваются» звезды Голливуда.

37

«Лос-Анджелес лейкерс» — американский профессиональный баскетбольный клуб.

38

Марка снегохода.

39

Торговый центр на Мелроуз-авеню, один из самых дорогих магазинов Лос-Анджелеса.

40

Киноактриса, снималась в сериале «Беверли-Хиллз 90210».

41

Ведущий игровых программ на американском телевидении.

42

Сериал в жанре боевика, приключения; производство США и Канада, 1985.

43

Шоу на американском телевидении, где участники демонстрируют свои таланты, пока ведущий не ударит в гонг.

44

Фильм-триллер, США.

45

Марка пива.

очень хороший *(исп.)*.

47

Один из главных персонажей популярного в 70-е годы телесериала «Счастливые дни» в исполнении актера Ирвина Уинклера.

Исполнительный директор компании Ай-эй-си.

49

Популярная американская тележурналистка.

50

Один из самых успешных фильмов в жанре «мюзикл».

51

Популярная программа американского телевидения о людях, появившихся ниоткуда и добившихся известности.

52

Певица и автор песен, актриса (известна по фильму «Авиатор»), дизайнер одежды и аксессуаров.

53

Настольная игра типа паззла.

54

Розничная аптечная сеть в США.

55

Актриса, снималась в сериале «Семья динозавров».

56

Известный актер и режиссер, снимался в сериале «Династия», фильмах «Голый пистолет», «Дети шпионов» и др.

57

Актриса, играла в фильмах «Остин Пауэрс-2», «Мой любимый марсианин» и др.

58

Торговая марка синтетического материала, кожзаменитель.

59

Лаура Инголлс Уайлдер — американская писательница XIX века, автор серии книг «Маленький дом» о пионерах Америки.

60

Героиня книг «Маленький дом».

61

Сеть дешевых ресторанов по приготовлению гамбургеров на заказ.

62

99 градусов по Фаренгейту = 36,9 °C.

63

Популярная певица, в 2002 году записала альбом «Больше, чем женщина».

Растворимая клетчатка.

65

Сеть недорогих магазинов розничных продаж в США и Канаде.

Английская мера веса: 1 фунт = 453,6 г.

67

Журнал, публикующий сплетни о знаменитостях.

68

Популярная книга американской журналистки Робин Норвуд, стала настольной книгой многих американок, переведена на русский язык.

69

Крупное информационное и социологическое агентство.

70

Персонаж диснеевских мультфильмов, очаровательная курочка.

71

Парк развлечений с аттракционами.

72

Американский миллиардер, продюсер, владелец кино- и звукозаписывающих студий.

73

Популярная песня в исполнении японского певца Фукуока.

Распространенные на всей территории США центры по физической подготовке дошкольников.

75

Одна из наиболее значимых фигур американской кантри-музыки, актриса.

76

Легендарный певец и продюсер, обладатель множества разных музыкальных наград.

77

Сеть кофеен в США.

78

Игра слов: название марки пылесоса «Dirt Devil» переводится как «Грязный дьявол».

79

Молодая актриса (фильмы «Игра навылет», «Империя», «Шлюха» и другие).

80

В переводе с английского «чудесная миля».

ворота *(фр.)*.

82

Одна из самых известных моделей 1970-х, снялась в ряде фильмов, исполняя небольшие и эпизодические роли.

83

Популярная киноактриса, известная по фильму «История любви».

84

Популярная американская исполнительница и автор песен, рок-звезда, написавшая нашумевшую песню «Ад для детей».

85

«Рото-рутер» — компания по производству и продаже сантехники, оборудования и инструментов для слесарных и водопроводных работ.

86

Актер, режиссер, продюсер и сценарист.

87

Название группы «Мерри пранкстер» можно перевести как «Веселые шутники».

88

Австралийская кино- и театральная актриса, наиболее известна по фильмам «Елизавета», «Авиатор», «Властелин колец».

89

Персонаж одноименного фильма и название песни.

90

Сладкое блюдо, приготовленное на костре: поджаренные тосты, криспы с шоколадом и халвой, — очень распространенное лакомство на пикниках, в походах и кемпингах.

91

Во время празднования Хэллоуина дети ходят по домам и кричат: «Кошелек или жизнь?» — выпрашивая угощение.

85° по Фаренгейту = 29,1 °C.

93

Известная торговая марка фирмы, выпускающей чемоданы и дорожные сумки.

Рош ха-Шана — еврейский Новый год.

95

Ирвин Мэджик Джонсон — популярный игрок команды «Лос-Анджелес лейкерс» в НБА.

96

Курорт в Аризоне.

97

Известная телеведущая с канала Эм-эс-эн-би-си.

98

Сериал «The Golden Girls» поставлен на американском телевидении, продюсер и автор идеи Брэндон Тартикофф. На российском телевидении по этой же идее создан сериал «Большие девочки».

99

Компания по производству ящиков, контейнеров и пр.

100

По-английски «no» — «нет».

101

Игра слов: в переводе с англ. «Нет-Нет-Нолан».

102

Тесты на пригодность к той или иной профессии.

103

Измененная разговорная форма от «are we not».

104

Комедийный сериал.

105

Рубашка в синюю полоску или клетку из грубой хлопчатобумажной ткани.

106

Персонаж американского фольклора, деревенский богатырь, рубаха-парень.

107

Популярный баскетбольный клуб.

108

Спортсменка, одна из членов команды по реслингу.

109

Один из самых продолжительных (1965–1971) сериалов на американском телевидении, о жизни состоятельных обитателей модного района Лос-Анджелеса.

110

Персонаж комиксов и мультфильмов.

111

Американская актриса, снималась в фильмах «Пропавшие миллионы», «Возвращение в рай», «Али» и др.

112

Популярная актриса кино, снималась в фильмах «Иствикские ведьмы», «Давайте потанцуем» и др.

113

Актер, режиссер, сценарист; российскому зрителю известен по фильмам «Багровый прилив» и «Поединок».

114

Ирвин Мэджик Джонсон — баскетболист-профессионал, играл за команду «Лос-Анджелес лейкерс».

115

Представительница американской поп-культуры, исполнительница песен в стиле диско.

116

Молодой американский актер, запомнившийся российским зрителям по сериалу «Беверли-Хиллз 90210», где он исполнял роль Дилана.

117

Имеется в виду популярный американский профессиональный игрок НБА, выступавший также и за команду «Лос-Анджелес лейкерс», Шаквилл О'Нил.